

ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДВЕНАДЦАТЬ
МЕСЯЦЕВ
В ГОДУ.

ДВЕНАДЦАТЬ
ЗВОНКИХ КЛЮЧИКОВ
В НАШЕЙ СВЯЗКЕ.

Но вот самый новенький, самый блестящий, неожиданный и ожидаемый с нетерпением, потому что первый, потому что открывает первый в этом году номер журнала.

А каждый поворот ключа — новые повести, стихи, рассказы, новые дела и встречи с интересными людьми.

В этом номере ты увидишь повесть **Владимира Железникова «СОЧИНИТЕЛЬ СКАЗОК»** и прочтешь эпиграф к ней: «Самая большая удача — это встреча с хорошим человеком, который может поразить тебя и словом и делом».

О делах удивительных, о главной сегодняшней стройке страны — автогороде в Набережных Челнах — расскажет заместитель Генерального директора КамАЗа **Никита Алексеевич Бацаев**.

Вместе с писателем **Геннадием Файбусовичем** мы отправимся в дальний тысячелетний путь, в древнюю историю нашей страны. **«ПЕКТОРАЛЬ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О СКИФСКОМ КУРГАНЕ»** сделает нас очевидцами древнего и все равно волнующего поединка меж предательством и мужеством. А подскажут писателю эту историю подлинные находки киевских археологов.

С архитектором **Леонидом Яхниным** ты можешь пометчать, какими будут города в будущем веке.

И можешь побывать на молодежном фестивале в ГДР. Он будет летом 1973 года, но пусть тебя это не смущает. Ключик откроет тебе секрет, как принять участие в фести-

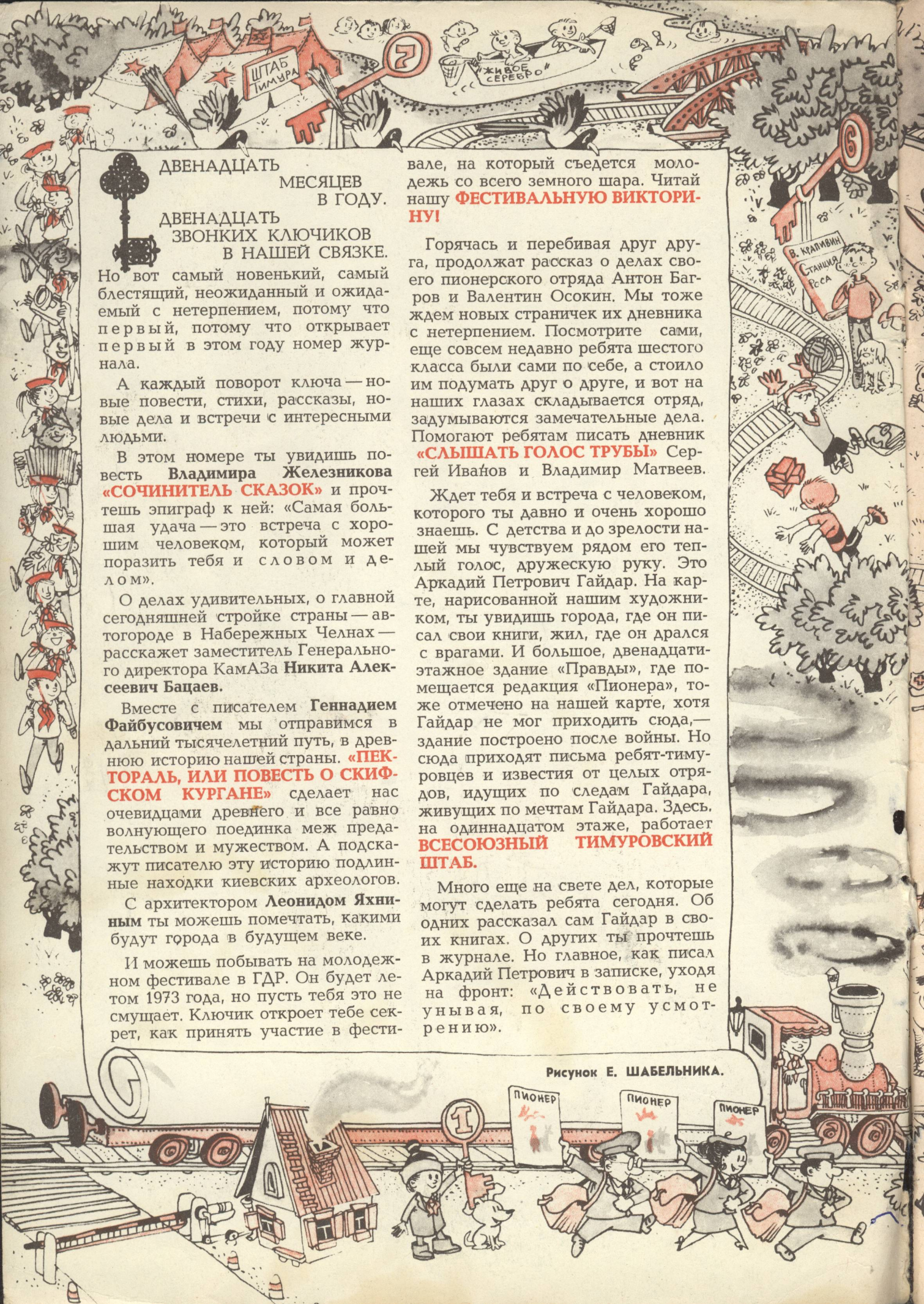
вале, на который съедется молодежь со всего земного шара. Читай нашу **ФЕСТИВАЛЬНУЮ ВИКТОРИНУ!**

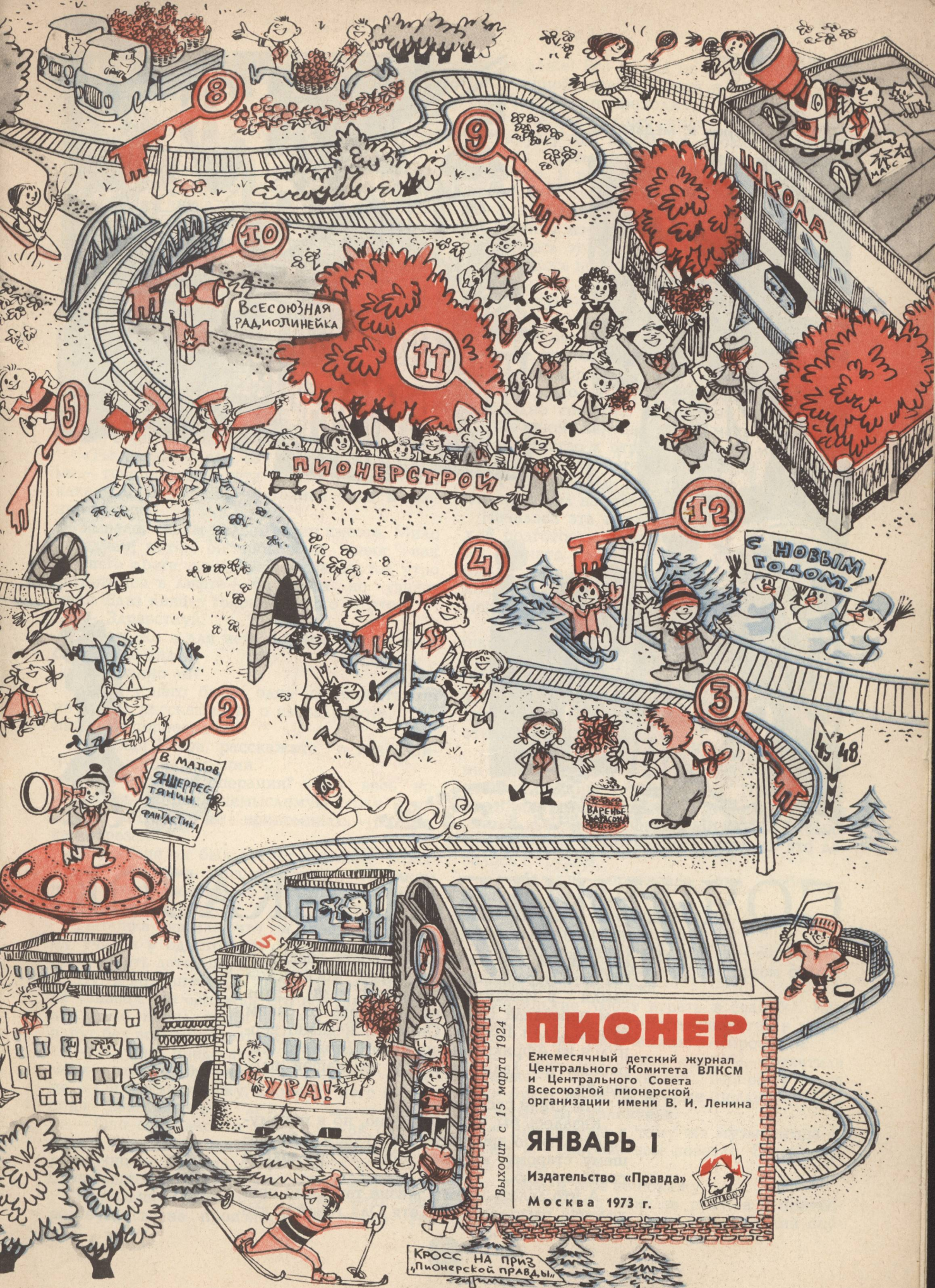
Горячась и перебивая друг друга, продолжают рассказ о делах своего пионерского отряда **Антон Багров** и **Валентин Осокин**. Мы тоже ждем новых страничек их дневника с нетерпением. Посмотрите сами, еще совсем недавно ребята шестого класса были сами по себе, а стоило им подумать друг о друге, и вот на наших глазах складывается отряд, задумываются замечательные дела. Помогают ребятам писать дневник **«СЛЫШАТЬ ГОЛОС ТРУБЫ»** **Сергей Иванов** и **Владимир Матвеев**.

Ждет тебя и встреча с человеком, которого ты давно и очень хорошо знаешь. С детства и до зрелости нашей мы чувствуем рядом его теплый голос, дружескую руку. Это **Аркадий Петрович Гайдар**. На карте, нарисованной нашим художником, ты увидишь города, где он писал свои книги, жил, где он дрался с врагами. И большое, двенадцатиэтажное здание «Правды», где помещается редакция «Пионера», тоже отмечено на нашей карте, хотя Гайдар не мог приходить сюда, — здание построено после войны. Но сюда приходят письма ребят-тимуровцев и известия от целых отрядов, идущих по следам Гайдара, живущих по мечтам Гайдара. Здесь, на одиннадцатом этаже, работает **ВСЕСОЮЗНЫЙ ТИМУРОВСКИЙ ШТАБ**.

Много еще на свете дел, которые могут сделать ребята сегодня. Об одних рассказал сам Гайдар в своих книгах. О других ты прочтешь в журнале. Но главное, как писал Аркадий Петрович в записке, уходя на фронт: «Действовать, не унывая, по своему усмотрению».

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ I

Издательство «Правда»

Москва 1973 г.

КРОСС НА ПРИЗ
'ПIONEРСКОЙ ПРАВДЫ'

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

«Слово надо беречь, ибо оно свято, оно способно выражать мысль. Человек, который говорит, — творец. Поэтому никогда не надо болтать. Болтовня унижает слово».

«Самая большая удача — это встреча с хорошим человеком, который может тебя поразить и словом и делом».

«Однако жизнь все же прекрасна, и надо идти вперед...»

(Из высказываний тети Оли).

СОЧИНИТЕЛЬ СКАЗОК

Наш старый дом на старом Арбате снесли, и мы все перебрались на край московской земли — в Измайлово. Вместе с нами в этот дом переехала Наташка Морозова со своим отцом дядей Шурой. Он врач, недавно вернулся из Африки. Именно благодаря его стараниям им дали квартиру на нашей площадке.

Мы стали соседями.

Казалось бы, все прекрасно, но я почему-то скучаю по арбатским переулкам и по нашему старому, ветхому дому. И по школе своей скучаю...

А что делать, если в жизни так часто приходится расставаться? Тетя Оля говорит, что

надо по-прежнему веселиться, хохотать, заниматься своими делами, только часть сердца надо оставлять тем людям, которых ты любил, но расстался с ними. Тогда к концу жизни у тебя сердце будет, как волшебный мешок, наполнено друзьями.

После возвращения дяди Шуры прошло уже полгода, но Наташка все еще не отходит от него ни на шаг, как будто он только вчера вернулся. Она, пока его ждет с работы, десять раз позвонит по телефону.

И про дядю Шуру я вам сейчас выложу. Во-первых, внешне он совсем не был похож на человека, которого так уж необходимо было отправлять в Африку. Я даже разочаровался, когда впервые увидел его. Он был небольшого роста, моему отцу едва доставал до плеча, щуплый и кривоногий.

Потом я к нему привык; он оказался забавным и странным типом. А мне странные люди всегда нравились, потому что интересно, а чего это они такие странные.

«Ты следи, следи за странными людьми,— говорила мне тетя Оля.— В них есть какая-то убежденность, тайная сила и знание жизни».

Бывало, сидим целый вечер вместе. Мило беседуем, потом он провожает меня, как лучшего друга, до дверей. А на другое утро встретимся в лифте — он почти не узнает меня. Едва кивнет головой и сухо скажет:

— Здравствуй!

И тут же я для него исчезал, он меня больше не видел.

Не странно ли?

И еще у него была одна странность, он не любил рассказывать о своей работе. Однажды я попросил его:

— Дядя Шура, расскажите о какой-нибудь сложной операции.

— О сложной операции? — Он весь искривился, скорчил немыслимую рожу и ответил: — Что-то не припоминаю. — Сказал, как отрезал.

А вообще он был артист корчить рожи. Умеет шевелить ушами, двигать кончиком носа, трясти щеками. И все это одновременно. Представляете?

Наташка сказала, что он специально этому учился у одного циркового клоуна, чтобы смешить детей перед операциями.

Ну, и вот, значит, в лифте он меня почти не узнавал. Но однажды его все-таки проняло, видно, понял, что я на него обижался, и вдруг без всякой подготовки сказал:

— Трудно представить даже мне, что у меня в руках бывает человеческое сердце. — Он вытянул руку, словно у него на ладони действительно лежало чье-то сердце. — Оно с кулачок и трясется, как овечий хвост. А его надо заставить биться ровно и ритмично... — Открыл дверь лифта и, не прощавшись, ушел, словно забыл про меня.

И больше он никогда утром, если мы встречались, не произносил ни слова. Ни

жеста даже! Его взгляд не запоминал ни одной лишней детали. Потом я понял, он был весь в себе, он проходил в тысячный раз путь к человеческому сердцу.

Вдруг у них появилась собака по кличке Малыш. Она возникла по моему предложению. Я решил, что Наташке надо было преодолеть свой извечный страх перед собаками. И дядя Шура со мной согласился.

Именно из-за нее, из-за собаки, и разгорелся весь этот пожар, который мне с трудом удалось погасить.

Неужели я опять хвастаю, как когда-то? Нет, не думаю. Тетя Оля говорила: «Истребим дух хвастуна!» Должен вас огорчить, в этом она оказалась права. Истребим, истребим дух хвастуна, да еще как. Впрочем, в этом вы вскоре убедитесь сами.

Незадолго до этой истории произошло еще одно событие: я впервые зажил самостоятельной жизнью. Моя мать уехала на строительство к отцу и оставила меня одного, точнее, она оставила меня на попечение дяди Шуры. Но на практике получилось, что не я был на его попечении, а он на моем.

Началась эта история незаметно, без всякой подготовки. Никого в этот день не убили, и никто, слава богу, не умер. И погода была самая обыкновенная: хорошая, весенняя погода семидесятых годов, незабываемого космического века.

В этот день, как всегда, возвращаясь из школы, я купил две бутылки молока: одну — для себя, другую — для Наташки.

Когда я подошел к Наташкиной двери, чтобы отдать ей молоко, то услышал, что у них играет музыка. Я позвонил, а сам стал открывать свою квартиру.

За моей спиной распахнулась Наташкина дверь: музыка зазвучала громче, ее захлестнул тонкий, щенячий лай. Предо мной предстала сама Наташка в белом коротком платье и с праздничным бантом. Она была таинственная и молчаливая, хотя ей это давалось с трудом.

— Малыш! — приказала она собаке. — Молчать!

Но Малышу безразличны были ее приказы: ему и море по колено.

— Что ты так вырядилась? — спросил я.

— А у нас свадьба! — с восторгом открыла свою тайну Наташка.

Маленькие любят играть в свадьбы. Как будто это самое интересное занятие в мире.

— Кто же твой жених? — спросил я.

— У нас настоящая свадьба, — ответила Наташка. — Папа женится. Теперь у меня тоже будет мама. Я ее уже полюбила. Это она играет на виолончели.

— Значит, она к тому же музыкантша, — сказал я. — Здорово вам повезло. Весело будете жить.

— Идем, я тебе ее покажу.

Она потянула меня за руку, а я притворился, что не хочу идти, но на всякий слу-

чай сунул портфель и свое молоко за дверь и прикрыл ее.

Музыка в комнате оборвалась, и на площадку вышел сам жених — дядя Шура. Он был аккуратно побрит, а рот растянут до ушей.

— Да, брат, вот так. Сколько веревочке ни виться, а концу быть, — сказал дядя Шура. — Заходи, гостем будешь.

Мы пошли в комнату.

Было интересно, что я сейчас увижу. Я даже разволновался. Я всегда волнуюсь перед открытием. А это ведь открытие — увидеть нового человека.

Тетя Оля говаривала бывало: «Самая большая удача — это не деньги, а встреча с хорошим человеком, который может тебя поразить словом или делом». И это действительно так.

У меня, например, был один знакомый мальчишка, который меня поражал и словом и делом. Он каждый день ходил на вокзал. Ему нравилось встречать чужие поезда, а потом он обязательно приставал к кому-нибудь и помогал поднести вещи. А когда ему предлагали за услугу деньги или, например, мороженое, так он смеялся и убегал. Ему это надо было, и все. Некоторые над ним издевались, в кино у него денег нет, а на вокзале отказывается. А я ему завидовал, его этой страсти. Мне казалось, он знает какую-то тайну, которая делает его всегда счастливым. Я любил с ним разговаривать, и даже ходил на вокзал, и тоже помогал таскать вещи, только радости особой мне это не приносило. Значит, это было его, а не мое. Бывает ведь такая удача от рождения!..

Вот тут-то я ее и увидел.

Увидел и закачался. Она оказалась настоящей красавицей. Потом-то я узнал, что она к тому же необыкновенно умная. Я никогда раньше не встречал таких умных, но это я узнал потом, а в первый момент меня поразила ее красота.

А знаете, как я узнал, что она необыкновенно умная? Когда все еще было хорошо и благополучно и Надежда Васильевна с Наташкой были самые лучшие друзья, она как-то вздохнула тяжело и сказала:

— Знаешь, мне иногда бывает грустно, потому что я наперед знаю, как все будет.

Да, вот тут-то я ее и увидел!.. Точнее, я увидел ее спину, потому что она закончила игру и ставила свою виолончель в угол, к стене.

Она повернулась ко мне, и я просто обалдел!

Она была в синем платье с двумя гвоздиками, белой и красной, приколотыми к груди. Волосы у нее были черные. И длинные черные глаза. Они тянулись у нее от переносицы и до виска. Но и это не самое большое открытие, у многих бывают красивые глаза.

А у нее было то, чего я раньше ни у кого не видел!

Вокруг зрачков ее глаз были лепестки цветов. Когда я потом рассказывал об этом маме, она смеялась, но я точно знаю, что так оно и есть.

— Здравьете, — сказал я.

Она протянула мне руку, и я заметил эту странную особенность ее глаз. Я стоял спиной к окну, а она лицом, и мне все прекрасно было видно: вокруг зрачков у нее образовались лепестки цветов.

— Здравствуй, — сказала она. — Меня зовут Надежда Васильевна.

— Поздравляю вас со свадьбой, — сказал я.

— Он мне и Малышу каждый день покупает молоко, — сказала Наташка, желая представить меня в лучшем свете, и нетерпеливо спросила: — Тебе она нравится?

— Очень, — ответил я.

Не знаю, что им показалось, но они, дядя Шура и его невеста Надежда Васильевна, рассмеялись.

Я давно заметил, что взрослым часто бывает смешно, когда совсем нечего смеяться. Как-то я сказал об этом дяде Шуру.

А он мне ответил:

— Ничего не подлаешь, возраст и характер. Говорят, человек меняется каждые семь лет, и то, что в детстве ему кажется смешным, потом не смешит.

Честно, я бы хотел сохранить свой характер. Он мне определенно нравится. У меня веселый нрав — я весельчак. Зачем же мне менять свой характер, скажите на милость?

В общем в ответ на мои честные, бескорыстные слова они рассмеялись, но я совсем не обиделся на это. Раз смеются, значит, счастливы.

Правда, дяде Шуру и этого показалось мало, он решил продолжить веселье. Он приложил к моему лбу ладонь.

— Я не болен, — сказал я.

— Здесь совсем другое, — ответил дядя Шура. — Посмотри мне в глаза.

Я посмотрел: нет, у него в глазах не было никаких лепестков.

— Неизлечимое, — сказал дядя Шура. — Фантазер и мечтатель.

— А я, а я! — потребовала Наташка.

Дядя Шура опустил ладонь на Наташкин лоб, заглянул ей в глаза и задумался.

— Решительная особа, — сказал он наконец. — И большая любительница мороженого.

— А она, а она! — Наташка показала на Надежду Васильевну.

Тут следует сказать, что смотрел он ей в глаза несколько дольше, чем нам с Наташкой.

— Добрейшее существо, — сказал он. — Но умеет ловко это скрывать... А теперь начнем пир.

Вот тут-то и началась по-настоящему эта история, вот тут-то и вспыхнул первый небольшой костер...

— Спасибо,— сказал я.— Мне уроки надо делать.

Конечно, эти слова были курам на смех, отказываться от свадебного пира из-за уроков, как будто я только и делаю, что хожу по свадьбам, но было неудобно навязывать себя.

— Смотри, какие у нас торты, салаты, бутерброды!— соблазнял меня дядя Шура.— Ты что — хочешь нас обидеть?

— Нет,— радостно ответил я и торопливо сел за стол.

Наступила торжественная тишина.

Дядя Шура взял шампанское и открыл его. Оно стало пениться и вырываться из бутылки. А Надежда Васильевна резким движением отодвинулась, чтобы спасти свое свадебное платье, и уронила бокал. Ужасная неудача!

Замечательный хрустальный бокал с редким звоном!

Вот тут-то и началась по-настоящему эта история, вот тут-то и вспыхнул первый небольшой костер, который потом разгорелся в неистовый пожар, способный уничтожить все, и который мне удалось потушить.

Я знаю, я уже говорил об этом. Но, чтобы у вас в голове хорошенько отпечатались «эта история», чтобы вы потом не повторили тех глупостей, что я, и не считали себя всезнайками, и не принимали быстрых решений, напоминаю вам об этом. И себе, разумеется, тоже. Век живи, век учись.

Тетя Оля любила говорить: «Если ты хочешь, чтобы тебя поняли, повтори главную свою мысль в начале рассказа, в середине и в конце». По-моему, очень правильные слова.

Значит, хрустальный замечательный бокал с редким звоном стал падать, описывая плавную дугу.

Дядя Шура сделал невероятно-судорожное движение, чтобы спасти бокал, но это

ему, конечно, не удалось. Он ведь не фокусник и не волшебник, а только хирург, к тому же в одной руке он по-прежнему держал шампанское.

Бокал, естественно, достиг пола и разбился, а следом за ним на полу оказался дядя Шура.

Может быть, он упал нарочно, чтобы посмешить публику? А может быть, просто не удержался на стуле. Во всяком случае, он рассмеялся, а за ним рассмеялся и я. В конце концов бокал — это только бокал, даже если он замечательный и хрустальный.

Мы смеялись, надеясь развеселить и увлечь остальных, но увлекли только Малыша.

— Какая жалость! — сказала Надежда Васильевна.

— Это мамин бокал, — вдруг тихо, но внятно произнесла Наташка.

И мы сразу перестали смеяться.

— Что ты выдумала! — неуверенно возразил дядя Шура.

И всем стало понятно, что это на самом деле бокал Наташкиной мамы, которой давно уже не было на этом свете.

— Ты сам говорил, что это мамин бокал, — упрямо повторила Наташка. — На нем была царапина.

Дядя Шура ничего ей не ответил, достал новый бокал и поставил перед Надеждой Васильевны.

Свадьба продолжалась, но это была уже чуть-чуть не та свадьба, на ней разгорелся костер раздора и пахло дымком от булдушего пожара.

Дядя Шура изображал, что ничего особенного не произошло, но в движениях его рук, в суете, в неуверенно-торжественном голосе видно было, что история эта ему неприятна.

Наконец вновь наступила тишина.

И я услышал «легкий шелест их новой жизни, предчувствие чего-то очень хорошего», как сказала бы тетя Оля. К сожалению, она никогда не предупреждала о том, что в жизни человека может быть и плохое и трудное. И это была ее ошибка, но такой она была человек.

Дядя Шура молча посмотрел на Надежду Васильевну, и, кроме радости, у него в глазах была и затаенная грусть.

Да, да, у него были глаза побитой собаки. Тогда я этого не понимал, как это может быть грусть, когда радость. Но теперь-то я знаю, что все в жизни соединяется: радость по настоящему и грусть по прошедшему. Получается какая-то горьковатая радость. Не очень какая-то веселая.

«Однако, — как говорит тетя Оля, — жизнь все же прекрасна, и надо идти вперед».

И дядя Шура пошел вперед: он поднял бокал.

И Надежда Васильевна пошла вперед: она встала и тоже подняла бокал.

И я пошел вперед: стал карабкаться дальше по своей лестнице. Я все время шел по жизни вперед, потому что время отщепывало мои минуты, часы и годы. Я тоже поднял бокал.

И Наташка, забыв об обиде, сделала первый шаг навстречу неизвестному.

Наташка влезла на стул, чтобы быть вровень со всеми.

— Наташа, — сказала Надежда Васильевна. — Извини меня!..

Каждый раз, когда я вспоминаю эту свадьбу, у меня в ушах раздается звон наших бокалов и слова Надежды Васильевны, обращенные после Наташки ко мне:

— А ты мне веришь, друг мой?

Вначале я даже не понял, что она разговаривает со мной, а догадавшись, ужасно обрадовался: быть другом такой красавицы всякому приятно.

— Верю, — проникновенно и тихо ответил я.

Хотя мне хотелось вопить, орать: «Верю, верю, верю!» Было какое-то величие в ее словах: «Друг мой...»

— Вот именно! — закричал тогда дядя Шура, совсем как мальчишка. — Это к счастью. На свадьбах всегда бьют бокалы.

И дядя Шура, нелепо прыгая, вдруг поднял свой бокал и с силой бросил на пол. И второй бокал с жалобным звоном разлетелся на куски.

Представляю, как бы удивились больные дяди Шуры, если бы увидели его сейчас.

И мы, конечно, удивились. У Наташки глаза полезли на лоб, и у меня они тоже полезли бы, но я умел владеть собой. А Надежда Васильевна, я заметил, осуждающе покачала головой.

Потом, после свадьбы, я спросил у Надежды Васильевны, почему она покачала головой, когда дядя Шура трахнул бокал об пол.

Она помолчала, подумала и сказала:

— Он сделал это под минутным впечатлением, не заглядывая вперед. Он разбил бокал, думая, что начинает совсем новую жизнь. Видно, забыл, что человек не может начать новой жизни. Какая бы она ни была, его новая жизнь, даже если она будет самой прекрасной и счастливой, она все равно будет продолжением старой. И не надо на сей счет заблуждаться, ибо это только порождает ненужные надежды и сеет самообман, а следовательно, приводит к массе новых ошибок. Человеческая жизнь — это как дом, вытати у него нижний ряд кирпичей, он и рухнет. Никогда не надейся, что можно сделать что-нибудь плохое или пережить несчастье, а потом забыть про это.

Еще во время свадьбы я поймал себя на том, что все время слежу глазами за Надеж-

дой Васильевной, и это доставляет мне радость. И с этого дня я искал малейшую возможность, чтобы лишний раз столкнуться с нею.

Как-то я заскочил к ним будто бы за Наташкой, чтобы вместе идти в школу. А Надежда Васильевна мне ответила, что Наташка еще не готова и она сама ее проводит.

Она улыбнулась, а я, дурак, вместо того, чтобы прямо сказать, что я их подожду, нелепо поклонился и удалился.

Но только она захлопнула дверь, как я вместо того, чтобы сесть в лифт, вернулся домой и стал дежурить в своем коридоре. Когда же они вышли на лестничную площадку, сопровождаемые отчаянным лаем Малыша, я тоже появился, изобразив на лице наивысшее удивление: «Как, вы только выходите?»

Не знаю почему, но идти с нею было очень весело. Она всего-то лишь успела сказать, что ей здорово повезло, потому что теперь она каждый день на работу будет ездить в метро, а это интересно. А раньше она жила в центре, рядом с работой, и ходила пешком.

— А где вы жили? — спросил я.

— На улице Воровского.

— О боже мой! — закричал я. — На улице Воровского живет мой лучший друг Сашка Смолин. У него щеки, как помидоры. Может, встречали? Вы в каком доме?

— В восемнадцатом, — ответила Надежда Васильевна.

— И он в восемнадцатом! — обрадовался я. — А в какой квартире?

— В девятой.

— А он в тридцать седьмой. Значит, в другом подъезде.

Я нес ее виолончель. Она была тяжелая, и когда ударялась о мое колено, то издавала тонкий гул, и это мне нравилось. А Надежда Васильевна шла рядом, держа за руку Наташку.

На следующий день я снова поступил так же, то есть засел за своей дверью и, когда они вышли, выскочил на площадку.

— А-а-а, любитель случайных встреч, — сказала Надежда Васильевна. — С завтрашнего дня мы будем заходить за тобой сами.

— Хорошо, — согласился я, не притворяясь, что встретил их случайно.

Она умела все делать естественно и серьезно. И поэтому не было стыдно своих признаний, которые с другими людьми ни за что не удавались.

Рассказывала она свободно и охотно. Например, про то, как изобретала для себя игры, когда была маленькой.

То она придумала, что у нее под кроватью живет рыжая лиса, которая выполняет все ее поручения. То, что на подоконнике в ее комнате разместились две деревни. В одной жили крестьяне в красных шапочках с колокольчиками, а во второй — в зеленых

шапочках. И эти крестьяне вечно между собой ссорились: «красные шапочки» были недовольны «зелеными шапочками», а «зеленые» — «красными». А сама Надежда Васильевна была верховным судьей, который по справедливости разрешал их споры.

А потом у нее появился мальчишка-неви-димка по имени Шура. Он тайно жил в стенном шкафу. Но как-то этим ее выдумкам пришел конец. Она вышла во двор и встретила там живого мальчишку Шуру. И подружилась с ним. Это был дядя Шура. Ему тогда было восемь лет.

— Значит, вы его знали давным-давно? — спросил я.

— Да, — ответила Надежда Васильевна и посмотрела на Наташку.

— А маму вы мою тоже знали? — вдруг спросила Наташка.

А до этого она молчала. Она почти всегда молчала во время наших утренних прогулок.

— Нет, — ответила Надежда Васильевна. — Маму твою я не знала, но мне рассказывали, что она была очень хорошей.

После этого мы некоторое время шли молча.

— Смотрите, — сказала Надежда Васильевна, — какой красивый ковер.

Голос у нее чуть дрожал. Она остановилась у витрины, и мы тоже остановились.

— Никогда не знала, что синий цвет так хорошо сочетается с желтым.

Она посмотрела на нас.

— Мы в школу опоздаем, — сказала Наташка.

— Идемте, — сказала Надежда Васильевна. — А знаете, ребята, на свете не бывает двух одинаковых ковров, если они сделаны вручную. Эти ковровщики, как музыканты: все играют одну и ту же сонату и все по-разному.

Нам, правда, пора было уже уходить, и я хотел попрощаться с Надеждой Васильев-ной, но она неожиданно спросила у меня:

— Борис, а какие у тебя родители?

— Обыкновенные, — ответил я.

— Ну, они добрые, любят тебя, ты их любишь. Это естественно. А какие они? — Я заметил, что краем глаза она следила неотступно за Наташкой. — Душа нараспашку или скрытные? Например, знаешь ли ты, о чем думает твой отец, когда молчит?.. Не знаешь... А жаль. Когда лучше узнаешь близкого человека и его недостатки и достоинства, то глубже его любишь.

Все-таки она была странной, вроде дяди Шуры. И вещи говорила неожиданные, то про метро, то про ковры или цветы, то про родителей. Странно все было, но удивительно и интересно.

Однажды вместе с нами увязался дядя Шура. Мы с Наташкой шли впереди, а они сзади. До нас долетали обрывки их разгово-ра и смех. Им было весело. А у метро, как

Рассказывала Надежда Васильевна свободно и охотно. Например, про то, как изобретала для себя игры, когда была маленькой.

всегда, мы должны были разойтись в разные стороны.

Дядя Шура передал Надежде Васильевне ее виолончель и сказал:

— Чертовски приятно было с вами прогуляться.

Он повернулся ко мне. И тут мы обнару-

жили, что в наших рядах образовался большой пробел, что среди нас нет Наташки.

Все, как по команде, повернулись в сторону школьного переулочка и увидели ее маленькую удаляющуюся фигурку. Она бежала, не оглядываясь.

На следующее утро, когда я еще спал, меня разбудил звонок в дверь. Я открыл: передо мной стоял дядя Шура.

Он был одет по-походному. Я знал этот костюм: полувоенный плащ, крепко перехваченный поясом, на плече рюкзак.

В этом костюме он был каким-то другим, более ловким, подвижным, решительным. И невероятно строгим.

Я сразу догадался: значит, он летел на срочную операцию.

— Поручаю тебе своих женщин,— сказал дядя Шура.

Повернулся, хотел вызвать лифт, но увидел, что занято, махнул рукой и побежал вниз, прыгая через ступени.

В это время на лестничную площадку выбежала Надежда Васильевна. В руке у нее был сверток.

— Шура! — крикнула она. — Возьми с собой. Здесь колбаса и хлеб.

Но дядя Шура не остановился и; может быть, не расслышал ее голоса. Он был сейчас такой, как по утрам со мной в лифте. Он уже не видел нас, не слышал наших голосов, он был там, где его ждали.

— Даже не позавтракал, — сказала Надежда Васильевна. — В Дагестане сегодня ночью случилось землетрясение. Вот он и полетел.

Разговаривая, мы вошли в их квартиру. И от наших громких, возбужденных голосов, от внезапного лая Малыша проснулась Наташка. Она выбежала к нам в пижаме, еще заспанная, лохматая.

— А где папа? — спросила она.

— Он уехал, — ответила Надежда Васильевна. — Иди умойся, а потом я тебе все расскажу.

— Нет, сейчас! — требовательно сказала Наташка. — Куда он уехал?

— В Дагестан. — Надежда Васильевна рассказала ей о землетрясении.

— А почему меня не разбудили? — спросила Наташка. — Раньше папа всегда меня будил, даже если уезжал ночью. — И, не дожидаясь ответных слов, она выбежала из комнаты.

Надежда Васильевна сделала вид, что ничего особенного не произошло, но я заметил, как вспыхнули ее глаза.

Когда я за ними зашел, чтобы идти в школу, Наташки в комнате не было, а Надежда Васильевна убирала со стола.

Я сел и стал ее ждать. И вдруг я услышал, как Наташка быстро прошла по коридору, открыла выходную дверь и потом захлопнула ее изо всех сил.

Мы сразу догадались, что она убежала. Наши глаза на секунду встретились, и я вскочил, чтобы бежать за Наташкой.

Но Надежда Васильевна резко окликнула меня и сказала:

— Не надо. Этому нельзя потакать.

А мне хотелось ее догнать и вернуть, и я еле сдержался, чтобы не убежать.

— Она ведь маленькая и не все понимает. И о дяде Шуре всегда скучает. Ей однажды приснился сон, что он еще не вернулся из Африки, так она проснулась и побежала к нему в больницу, чтобы убедиться, что он на месте.

Надежда Васильевна ничего мне не ответила, подошла к окну и осторожно заглянула вниз, словно боялась того, что должна была там увидеть. Или, может быть, надеясь, что Наташка вернется? Но все-таки,

конечно, увидела, потому что отпрянула назад, точно ее больно ударили по лицу.

И сказала тогда свою знаменитую фразу, что «знала все наперед».

— А что вы такое знали? — спросил я.

— Знала, что Наташка когда-нибудь вот так убежит. Знала, что мне будет трудно... — Оборвала свою речь, не докончив фразу, внимательно, изучающе посмотрела на меня и неожиданно резко сказала: — А почему я тебе должна это говорить? Я тебя не знаю как человека. Ты вроде добрый и неглупый, но куда повернешь в трудную минуту, направо или налево, я не знаю. А это — главное.

— Я поверну туда, куда надо.

— Куда «надо»? Ты думаешь, что надо «налево», а я думаю — «направо».

Тут я неожиданно вспомнил свою прошлогоднюю незатейливую ошибку, когда нужно было пойти «направо», а я пошел «налево». Это был тот самый случай, когда я был вожатым у первоклассников и на контрольной подсказал им решение примеров. И дело не в том, что я подсказал, а в том, что я первым научил их этому — вранью.

— Ты что замолчал? — спросила Надежда Васильевна. — Сердишься?

— Да так, — промямлил я.

— Не сердись, я ведь правду сказала.

А я и не рассердился, я в этот момент подумал про нее, про то, что необыкновенно умным людям на свете жить в три раза труднее, потому что они все знают наперед и заранее переживают.

Однако я возвращаюсь к своей истории, а то я ее никогда не закончу.

Не помню точно, сколько прошло дней, может быть, двадцать, а может, и тридцать, только моей дружбе с Надеждой Васильевой пришел конец.

Как же это получилось, — только что в ней души не чаял, каждому встречному-поперечному расхваливал, до того от нее обалдел, что пошел на симфонический концерт, и вдруг...

— Ум у тебя не аналитический, — сказала мне Надежда Васильевна. — Ты живешь чувством.

— Быстро вы меня изучили, — сказал я. Честно, мне не очень понравились ее слова.

— Это просто. Я повнимательнее приглядывалась к твоим поступкам, прислушалась к твоим словам и поразмыслила на эту тему. Размышления, как математика. Прикинешь так да эдак. Смотришь, а у тебя перед глазами стройный ряд формул, — сказала она и засмеялась. — Ты достойный ученик тети Оли.

— А что, разве это плохо?

— Я не говорю, что плохо, — ответила Надежда Васильевна. — Но это может приве-

сти тебя к ошибкам, о которых ты потом будешь жалеть.

И представьте, она оказалась права. Но это я узнал и понял потом, а пока, не зная ничего, готовился, подчиняясь своему чувству, совершить все эти «ошибки».

В этот день я встретил Наташку на лестнице. Она сидела на ступеньке и плакала.

— Ты чего реवेशь? — спросил я.

Наташка не ответила.

— Ну, что случилось? — не отставал я.

Вот тут-то действительно все стало разворачиваться с дикой быстротой и последовательностью.

— Малыш потерялся, — завопила Наташка. — Я пришла, а она говорит, что Малыш убежал в открытую дверь.

— Кто она? — не понял я.

— Надежда Васильевна, вот кто! — ответила Наташка. — Хоть бы папа быстрее приехал!

Это мне не понравилось, и я сказал:

— Она ведь не нарочно.

— Нарочно, нарочно, — твердила Наташка. — Зачем она открыла дверь? Зачем?.. Разве так поступают, когда в доме щенок? И мамин бокал она разбила нарочно. И ко мне придирается...

Это было уже слишком, но я снова промолчал. Как это Надежда Васильевна могла к ней придирается? Что за чепуха!

Наши квартиры разделяла современная стена, так что не надо особенно напрягать слух, чтобы услышать, как они живут. У них там постоянное веселье и праздник, и всему виной Надежда Васильевна.

У нее получалось все красиво и ловко.

Как-то я сидел у Наташки, когда пришла Надежда Васильевна. В руках у нее были синие астры.

— Отгадайте, почему я купила синие астры? — спросила она. — Сейчас вы все увидите.

Она любила колдовать. Она делала все молча и таинственно, а мы следили за ней. Сначала Надежда Васильевна постелила на стол синюю скатерть, потом поставила на нее вазу с синими цветами. Синие на синем.

А я раньше вообще не замечал цветов, есть они или нет, мне было все равно.

И тут она произнесла слова, как будто прочитала мои мысли.

— Как можно не любить цветов? — сказала Надежда Васильевна. — Это все равно что не любить землю.

Я даже вздрогнул от этих ее слов и подумал, что раз я не замечаю цветов, значит, я не замечал и земли. И понял, что на самом деле я ее не замечал. Жил в асфальтовом мире и никогда не думал о земле, о цветах, о деревьях, которые на ней росли.

Мне стало от этого не по себе, я испугался, что необыкновенно умная Надежда Васильевна обо всем догадалась. На всякий случай в ответ на ее слова я промямлил:

— Да-да.

Но с тех пор, каждый раз выходя из метро, я останавливался у базара цветов. Постепенно это стало моей привычкой.

Однажды там продавали цветы под названием «перья страуса». Они были белые, а лепестки их закручивались и были похожи на птичьи перья.

«Перья страуса» мне очень понравились, и я даже собирался их купить, но потом почему-то не купил и ушел. Всю дорогу до дому я чувствовал себя обиженным и все думал, что зря не купил эти необыкновенные цветы. «Если у тебя в течение дня, — говорила тетя Оля, — была счастливая минута, вызванная чем угодно, значит, тебе выпал хороший день. Пускай это будет улыбка незнакомого человека, или минутная нежность к матери или к отцу, или письмо от старого друга, или строчка стихов, которая тебя обрадовала. Только смотри не оброни этой минуты, не потеряй ее». И, вспомнив эти слова, я остро почувствовал, что цветок «перья страуса» просто мне необходим, что я должен взять его в руки, полюбоваться, потрогать его, а потом поставить в стакан на своем столе, чтобы его видели все. И Наташка, и Надежда Васильевна, и дядя Шура...

Я стремительно побежал обратно, но опоздал. «Перья страуса» расхватили моментально. Выходит, я обронил ее, ту счастливую минуту...

А какой у Надежды Васильевны был вкусный чай — представить невозможно! Мне нравилось, что это у них не наспех. Теперь многие пьют чай и обедают наспех, где-нибудь на кухне. А они всегда устраивались в комнате. И как-то она умела усадить меня сразу, я даже не успевал смутиться, а уже сидел за столом, передо мной был стакан чая, вкусные бутерброды, пирожное, варенье. Но главное было не в еде, а в разговорах. Это был настоящий вечерний час.

И, конечно, вспомнив все это, я улыбнулся.

— Ну что ты на нее наговариваешь? — спросил я.

— Я не наговариваю. Она сразу Малыша невзлюбила. Она говорит, от собак всякие болезни, — сказала Наташка. — А тебе она нравится. Я знаю!

Я ей ничего не успел ответить, потому что из других квартир стали выходить любопытные люди. Они подходили к нам и с пристрастием расспрашивали Наташку, чего она плачет. От этого, естественно, она редела еще сильнее.

Нет, я не узнавал прежней Наташки!

Я встал, открыл дверь своей квартиры и увел Наташку к себе. При этом нам в спину раздали две очень сердобольные реплики, одна похлестче другой.

— Мачеха есть мачеха, — сказала одна соседка.

А наши кумушки, конечно, тут как тут!..

— Где он такую птицу отыскал? — пропела вторая, подразумевая, конечно, Надежду Васильевну.

Если бы Наташки не было рядом, я бы попытался им объяснить. Тогда я думал, что все недоразумения между людьми происходят из-за недоговоренности. Кто-то что-то не так сказал, недоговорил, и поэтому вышел скандал.

И тетя Оля, наивная душа, во мне все это поддерживала. Она говорила: «Прежде чем отчаиваться или разочаровываться в ком-то, объясни ему все «хорошенечко», он и поймет... Поймет, обязательно поймет».

А Надежда Васильевна как-то сказала:

— Не всем все объяснишь. Есть люди, которые преднамеренно не хотят многое понять.

И она, к сожалению, оказалась права, и я сам пришел в дальнейшем к тому же грустному выводу. Ну что можно объяснить женщине, которая способна орать во всю глотку при Наташке: «Мачеха есть мачеха»?

В этот день лил дождь, и я здорово промок. Поэтому я бежал трусцой, чтобы согреться. Когда я пересекал сквер возле нашего дома, то увидел на скамейке одинокую детскую фигурку. Я подошел поближе, чтобы рассмотреть этого любителя одиноких вечерних прогулок, сырых лавок и дождя.

Каково же было мое удивление, когда передо мной оказалась Наташка!

Зная ее характер, я сразу сообразил, что тут дело нешуточное. И стал, нисколько не удивляясь неожиданной встрече, разыгрывать дурачка-бодрячка, которому всегда смешно, даже если идет дождь и маленькая девочка сидит и мокнет.

Поплясав около скамейки и рассмотрев Наташку как следует: плечи пальто у нее были мокрыми, волосы висели сосульками,— я сказал:

— Смотри, ты промокла... Побежали домой.

— Не пойду,— ответила она.

— Почему? — удивился я.

— Не пойду — и все! — упрямо повторила она.

Если она упрямится, к ней не подъедешь.

— Ну, хорошо, ты поссорилась с Надеждой Васильевной,— сказал я.— А как же дядя Шура?

Она долго молчала, лицо ее было сосредоточенно и печально, губы подобраны, подбородок морщился: вот-вот она должна была разреветься.

— Они в кино вдвоем ходят. А по вечерам разговаривают и разговаривают про свои дела: он ей про операции, она ему про музыку,— сказала Наташка.— Я ему больше не нужна.

— Вот придумала, дуручка,— сказал я.— Ну, что мне с тобой делать?

— А ты за нее или за меня? — вдруг спросила Наташка.

— Я?... За тебя,— ответил я не очень уверенно, потому что подумал в этот момент о Надежде Васильевне.— Известно, старая дружба не ржавеет.

— Тогда я открою тебе секрет.— Она подняла глаза, и до меня было продумано неожиданные слова: — Я поступаю в цирк.

— В цирк? — переспросил я.— Когда?

— Сейчас,— сказала она.

— Сейчас уже поздно,— ответил я.— Пошли домой.

— Ничего... Цирк работает поздно. Туда берут маленьких девочек.

— А тебя найдут и вернут.

— Я поменяю имя и остригу косу.

Оказывается, у нее все было продумано.

— Интересно, какое же ты возьмешь имя? — спросил я с улыбкой.

— Я еще не придумала,— ответила она.— Может быть, Золушка.

— На арене выступает знаменитая циркачка Золушка! — выкрикнул я.

— Я все равно убегу,— твердо и в отчаянии произнесла Наташка.

И я почувствовал убежденность ее слов: действительно, она собралась уходить. Мне стало стыдно, что я над ней издевался, и это здорово меня опечалило.

— Ты хорошо придумала,— сказал я, чтобы успокоить ее.— Только к этому надо

приготовиться. Вещи собрать. Деньги нужны на первое время. Короче, я съезжу к тете Оле и все с ней обговорю. Тетя Оля нам не даст пропасть. Если кому-нибудь нужна ее помощь, она горы своротит.

— Потом я заработаю,— сказала Наташка.— И верну ей.

— Вернешь, вернешь.— Я положил руку ей на плечо и почувствовал, что она дрожит.— Ты чего дрожишь?

— За-за-мерзла,— еле разжимая губы, ответила Наташка.

— А знаешь, что об этом говорит тетя Оля? — спросил я.

— Не знаю.

— Она говорит, что нет плохой погоды, а просто есть плохо одетые люди.

С этими словами я снял пальто, накинул на плечи Наташке и поднял ее на руки. От тяжести меня качнуло в сторону, я едва удержался на ногах. Пришлось ее опустить на землю.

Когда мы вошли во двор, то я увидел около нашего подъезда Надежду Васильевну. У меня сразу наладилось настроение, и я забыл про дождь и про то, что озяб. Сейчас, подумал я, состоится великое перемирие, и мы пойдем пить чай. Но в этот момент Наташка тоже заметила Надежду Васильевну, вырвала руку и выбежала обратно на улицу, уронив мое пальто на мокрый асфальт.

Я посмотрел в сторону Надежды Васильевны. Нет, она не шелохнулась, по-прежнему стояла около подъезда под раскачивающимся фонарем, который то удлинял ее тень, то укорачивал. И я выскочил за Наташкой, догнал, схватил за плечи. Она отчаянно била меня ногами, дубасила изо всех сил, я никогда не видел ее в таком состоянии.

— Перестань сейчас же! — закричал я.— Мы никуда не пойдем!

Наташка притихла и не подымала головы.

— Мы будем здесь стоять тысячу лет,— сказал я.— Пока не превратимся в сосульки.

Хотя оставаться здесь было глупо, потому что дождь усиливался. Он сбивал последние сиротливые листья с дерева, под которым мы стояли. Я вспомнил, что несколько дней назад я стоял под этим же деревом с Надеждой Васильевной. И она мне сказала, что опавшие листья ее тревожат.

И вдруг я представил, что Наташка — это лист. Какая-то дурацкая идея... Наташка — и лист. И болтается, болтается на дереве покрасневший от холода лист... А дядя Шура тогда — дерево. Он стоял, широко расставив руки-ветки. На одной ветке висела Наташка, а на другой, естественно, Надежда Васильевна с виолончелью, перекинутой на ремне через плечо.

Получилась грустная метафорическая картинка.

А может быть, Надежда Васильевна, болтаясь на дереве, играла на виолончели, подумал я и рассмеялся.

— Ты чего? — спросила Наташка.

Наконец-то она заговорила.

— Потом расскажу, — ответил я и добавил, чтобы приободрить ее, дети в этом нуждаются больше, чем мы: — Ну и сильная ты стала. Я еле с тобой справился.

— А можно, я поживу у тебя до цирка? — вдруг спросила Наташка.

Я уже хотел ей ответить, что «можно», потому что подумал, что действительно это можно. Пусть поживет у меня, пока вернется дядя Шура из командировки и помирит их. И вовремя прикусил язык. Заставил себя на минуту задуматься, чтобы выбрать правильную дорогу. Сколько раз я в спешке ошибался. «Нет ничего хуже вралю, который бросает обещания на ветер», — учила меня тетя Оля. Она вдалбливала мне эту истину постоянно и упорно, не без основания, до тех пор, пока я не почувствовал острую потребность в правде, пока у меня не появилось чувство ответственности за свои поступки. Вот почему я задумался. Но если идти дальше за тетей Олей — а я шел в своем пути именно за ней, — то надо было обратиться к ее словам: «В борьбе всегда надо принимать сторону слабого, если ты не уверен, кто прав. И это будет наименьшим злом». Я так и поступил и сказал Наташке:

— Конечно, можно. Будешь спать на диване в большой комнате.

Вот тут-то я и поклялся быть верным Наташке до конца и отказался от Надежды Васильевны.

Хуже нет на свете, чем предательство. Это уж точно. Я не хочу оправдываться и не хочу чистеньким выскочить из этой истории. Я на самом деле так думаю.

Однако жизнь прекрасна, и надо упрямо идти вперед. Надо идти вперед, не задерживаясь на мелочах жизни. Надо уметь быть выше их.

Я пошел дальше своей дорогой, сначала задыхаясь в пыли, то есть путаясь в собственных мыслях и поступках, потом, наконец, окреп и вернулся к повторному радостному открытию Надежды Васильевны — «замечательного человека неподдельной души».

Последние слова, как видите, взяты в кавычки, ибо они принадлежат тете Оле. Это были слова высшей похвалы. Естественно, они не имели непосредственного отношения к Надежде Васильевне, поскольку тетя Оля ее не знала. Но именно в этот момент у меня впервые возникла светлая мысль познакомить Надежду Васильевну с тетей Олей.

Я подумал, хоть Надежда Васильевна и необыкновенно умная, а все равно в этой истории с Наташкой тетя Оля сможет ей помочь и словом и делом.

Вот у меня был такой случай в прошлом году. Один из моих первоклашек задумал бросить школу. Он лежал целыми днями в кровати и потерял всякий интерес к жизни. И никто не мог догадаться, в чем дело. Я его потащил к тете Оле, почти волоком тянул, он не хотел идти. Оказалось, он подарил своей соседке по парте будильник, который взял дома без спроса. А его родители взяли этот будильник у девочки обратно. И он после этого не мог пойти в школу. Стыдился. И никому не говорил. А тете Оле выложил через полчаса после знакомства. Все были удивлены и даже я, который знал, что тетя Оля умеет так заглянуть в душу, что перед ней раскрываются все: и необыкновенно умные, и умные, и даже форменные дураки.

— Пошли? — предложил я Наташке.

По-моему, она была готова пойти за мной.

— А если она не ушла? — неуверенно спросила Наташка.

— Мы пройдем черным ходом, — сказал я.

Взял ее за руку — в который раз! — чтобы вести дальше.

«В путь, в путь. Усталым путникам нужен отдых», — так всегда говорила мне тетя Оля, когда я уставал, и хныкал, и не хотел дальше идти. И каждый раз загадочно звучащие слова «усталым путникам», обращенные ко мне, восстанавливали мои силы.

— В путь, в путь! — крикнул я. — Усталым путникам нужен отдых!

Я отвел Наташку к себе, напоил горячим чаем, после этого ее совсем разморило, и ее глаза из «пятаков» превратились в узенькие щелки. Она засыпала сидя. Постелил ей на маминой кровати и уложил.

Я пошел к Надежде Васильевне впервые без всякой радости. Поэтому и на лифте не поехал, а побрел пешком, желая набраться сил для разговора.

Надежда Васильевна стояла на прежнем месте. Она была в новом прекрасном пальто. Явно не по погоде. Это меня еще больше насторожило, и слова, которые я заранее приготовил о том, что Наташка ушла из дому и теперь временно будет жить у меня, застряли в горле. И я спросил ее неестественно хриплым голосом:

— На концерт собрались? Ждете машину? — При этом неожиданно обнаружил, что заикаюсь.

— Нет, — ответила она и смахнула каплю дождя, которая упала на рукав ее прекрасного пальто. — Наташу жду.

— Наташу? — переспросил я, продолжая прикидываться, что ничего не знаю.

— Я зашла за нею в школу, как мы условились, но она меня не дождалась... И вот куда-то пропала.

— Это с нею бывало и раньше,— сказал я.

— А я что-то волнуясь,— ответила Надежда Васильевна.

— Зря волнуетесь. У нее здесь подружки полный дом, и все ее любят,— успокоил я.— Зашла к кому-нибудь и заигралась.

Зачем я это говорил, было совершенно непонятно, но говорил, и все.

— Я всех обегала,— сказала Надежда Васильевна.— Никто ее не видел.

После этого разговор наш увял. От дождя и волнения меня стал бить озноб. К тому же я всегда чувствую неловкость, когда люди молчат, хотя хорошо знаю, что неловкости от этого не надо испытывать. Надо молчать столько, сколько тебе самому необходимо, а говорить что-то другому — только когда у тебя есть в этом необходимость. Так и тетя Оля говорила.

Вспомнив эти слова, я легко промолчал еще минут десять. А потом сказал то, что мне было необходимо, то есть протолкнул свою спасительную идею о знакомстве Надежды Васильевны с тетей Олей.

— Хочу вас познакомить с тетей Олей,— сказал я.

Я ей давно жужжал про тетю Олю, и она знала все ее привычки, возраст, даже то, как она странно одевается, как она вкусно печет пироги и варит варенье. То, что она по утрам полчаса ни с кем не разговаривает, — эти полчаса она сосредоточивается. О том, как она пьет десять чашек кофе, совсем крохотных, потому что любит его пить, а много ей нельзя.

— Тетя Оля вам понравится. Она веселая, с нею скажешь два слова — и будто давно знаешь, если она только преодолит смущение. Только вы не обращайтесь внимания, она все время прикрывает глаза ладонью. Это от застенчивости. У нас с нею был такой случай. Она заболела, и моя мама вызвала врача. А тетя Оля не хотела, ей казалось, что неудобно, — больна она несерьезно. Пришел врач, а она от застенчивости и неловкости, по своей привычке, все время прикрывала глаза ладонью. Ну, врач как закричал на нее: «Да оставьте вашу руку в покое!» — так тетя Оля еле сдержалась, чтобы от обиды не заплакать. Я-то ее знаю, у нее губы дрожали. Вы не смотрите, что ей стукнуло шестьдесят пять. Она молодец и всем-всем интересуется. Даже хоккей по телевизору смотрит. А русский язык и литературу знаете как знает? Ее можно ночью разбудить и спросить: «Как пишется наречие такое-то?» И она ответит. А стихов сколько она знает на память — не счесть! «Еду ли ночью по улице темной; Друг одинокий!..» Прочтет эти строчки и скажет: «Таких, как эти две строчки Некрасова, нет еще во всей русской литературе. Пронзительные стихи». Она сорок лет в школе работала. Это не каждый сможет. Правда,

она странно одевается. Тут, понимаете, у нее своя идея. Моде она ни за что не подчиняется. Нет, она ее не презирает, но просто сохранила все свои вещи, которые нравились ее мужу, и носит только их. Муж ее давно умер. Понимаете, вдруг вытаскивает из шкафа платье, которое было шито в тысяча девятьсот двадцать пятом году, когда она только вышла замуж, и надевает. Конечно, все вокруг обалдевают. Получается, что она какая-то чудачка, но тут уж ее не своротишь, тут уж она не стесняется. Идет, знаете, по улице с ужасно гордым видом. А как она вкусно варит варенье! Вы видели, у нас на кухне висит медный таз. Это ее. В него, как в зеркало, можно смотреться, такой он вычищенный. Мой отец перед ним всегда бреется. Раньше тетя Оля сама его чистила, а теперь это моя забота. Она не взяла его с собой, ей хотелось, чтобы какая-нибудь ее любимая вещь осталась у нас. Позавчера она мне звонит и спрашивает: «Ну, как мой таз?» А я ей ответил: «Чистый, только по вас соскучился». Тут, конечно, совсем дело не в тазе. Просто это причина для частых телефонных разговоров. Она теперь к нам редко ездит, трудно ей, в другом конце города живет...

Я оборвал свой рассказ, потому что заметил, что Надежда Васильевна меня не слушает. Ей было не до тети Оли, но я все-таки не отказывался от своей «спасительной идеи» и спросил:

— Надежда Васильевна, а вы любите пенки от варенья?

— Пенки от варенья? — Она с удивлением посмотрела на меня, как будто только что прилетела с другой планеты.

— А-а-а,— сказал я,— у вас на Марсе давным-давно забыли, как варят варенье. А это замечательная вещь: клубничное варенье или вишневое с грецкими орехами. Вы там по космосам летайте, но наших земных секретов не теряйте.

Она не ответила на мою шутку.

Пожалуй, больше нельзя было тянуть, и я решил: после разговора о тете Оле скажу про Наташку.

— Ну, ничего,— сказал я, снова еле преодолевая от страха заикание.— Я вот познакомлю вас с тетей Олей, она вас угостит пенками, и вы их сразу полюбите.

А Надежда Васильевна, вижу, опять думает о чем-то своем, напряженно: наверняка размышляла о Наташке, прикидывала так и этак, строила свои математические формулы и выкладки. И действительно, я не ошибся, ибо ее ответ меня здорово поразил.

— Спасибо,— сказала Надежда Васильевна.— Только не думаю, что мы поймем друг друга.

— Почему?!

— Насколько я поняла из твоих рассказов, мы с нею разные люди, — ответила Надежда Васильевна. — Я не люблю добреньких.

— Значит, вам не жалко людей? — спросил я.

Она безмолвствовала.

Я ждал, ждал, вот-вот она скажет, что просто пошутила, что у нее плохое настроение, что она волнуется. Но она молчала. И в мою душу упало зерно сомнения, маленькое такое зернышко, а затем оно проросло обильным сорняком. А может, она действительно, подумал я, выпустила Малыша нарочно, как говорила Наташка. Тогда это пахивает предательством.

— А куда, интересно, мог подеваться Малыш? — спросил я с подозрением.

— Не знаю, — ответила Надежда Васильевна.

— Подумаешь, — сказал я. — В конце концов от собак только неприятности и всякая зараза.

Это я ей бросил еще одну приманку, чтобы проверить, что она ответит. Мне хотелось рассеять свой подозрения.

— Я тоже говорила Шуру, — охотно поддержала она. — Собака в доме хороша, если есть кому за ней ухаживать. А у нас некому. Наташа любила Малыша, но мало за ним смотрела. Сидит целый день дома, а Малыша на прогулку не выведет. Я ей об этом говорила, а она обижалась... — Замолчала, а потом вдруг сказала глухим, но привычно-торопливым голосом: — Это должно было случиться. Это для меня не неожиданность. Все будто произошло из-за собаки, но это не так. Если бы Малыш не сбежал, то случилось бы что-нибудь другое. Помнишь, я как-то тебе говорила, что знаю все наперед. Тогда я имела в виду именно это.

— Что «это»?

— А то, — сказала она, — что Наташа нарочно не возвращается домой, не хочет меня видеть.

— Она маленькая еще, — сказал я. — Глупая. Я знаю их, целый год с ними провожился.

— Шура, как приехал из Африки, ее избаловал, — сказала Надежда Васильевна. — А я так хотела ей помочь... — Она оборвала фразу. — Больше ждать я не могу. Пойду позвоню в милицию. А ты здесь постой, а то ей страшно будет идти одной по темному двору.

И тут я решил, бросился как в пропасть:

— Да вы не волнуйтесь... Наташа давно сидит у меня.

Она сразу не поняла значения моих слов, хотя была находчивой и, как известно, необыкновенно умной. А тут растерялась, потом наконец опомнилась и довольно тихо, без крика, спросила:

— А как же вы прошли... мимо меня?

Для нее мой ответ был очень важен. А может быть, ей так повезет, видно, думала она, и Наташка просто давным-давно забралась ко мне, когда ее еще не было дома, и сидит себе. Но я не стал ее обманывать, а ответил то, что было на самом деле:

— Мы прошли черным ходом.

«Значит, вы видели меня и нарочно прошли черным ходом?» — спросили ее глаза.

«Да, — тоже без слов, одним горьким молчанием ответил я. — Мы прекрасно все видели и поэтому нырнули в черный ход».

Надежда Васильевна, не произнеся ни слова, с поникшей головой вошла в подъезд, оставив для меня открытую дверь. Затем мы вместе сели в лифт, и она стала нажимать кнопку нашего этажа раньше времени. Ее волнение неестественно быстро передалось мне, и я никак не мог плотно прикрыть кабину лифта: один раз прижал полу пальто, а второй раз чуть не прищемил руку.

Наконец мы все же доехали и оказались на нашей лестничной площадке. И тогда, доставая ключ от квартиры, я сказал ей самое главное и страшное:

— Наташка будет у меня жить до приезда дяди Шуры.

— Вот как? — сказала она, но не ушла.

А я нарочно копался с ключом, надеясь, что мои слова дойдут до ее сознания и она уйдет. Напрасные надежды, она не шелохнулась.

— Это не я придумал... Наташка попросила, а я не мог ей отказать. — И зачем-то некстати пошутил: — Старая дружба не ржавеет.

В это время я открыл двери. И она, несмотря на мои самые решительные протесты, прошла в комнату.

Наташка, раскинув руки, беззаботно спала. Она не слышала ни наших шагов, ни моих воплей.

— Вот видите, — шепотом произнес я. — Пусть спит... А потом разберемся... Сейчас не надо...

Надежда Васильевна тем временем подошла к Наташке, подсунула руки под нее, чтобы поднять и унести. Тут у меня мелькнула слабая надежда, что она не сможет ее поднять. Но она ее подняла! И понесла. Конечно, подумал я, натренировалась, таская свою виолончель. А я страшно засуетился и побежал рядом, как собачонка. И вопил и лалял уже во весь голос.

— Безобразие! — кричал я. — Вы меня делаете предателем! Я обещал! Я всегда выполняю свои обещания! Это нечестно!

Я был в отчаянии, я кричал изо всех сил, стараясь хотя бы разбудить Наташку, чтобы она поняла, что я ее не предал, что это все сделано вопреки моему желанию, но она крепко спала.

«Бороться всегда надо до конца, пока у тебя есть силы», — учила меня тетя Оля. И это верно, но как я должен был бороться,

ответьте мне. Не мог же я драться с женщиной? Тут я должен признаться, что и тетя Оля, говоря эти слова, робко сознавалась, что у нее самой этого качества нет. И у меня, по-моему, этого не было. Может быть, я в этом не виноват, просто перешло по наследству от тети Оли — одна кровь, одни гены.

Так мы дошли до дверей. Надежда Васильевна распахнула их и, стоя в проеме, впервые посмотрела на меня.

А я, заглянув ей в глаза, потерял дар слова: цветы, ее прекрасные цветы, которые ее делали умной, необычной, исчезли!

Именно в этот момент меня и захлестнула темная сила гнева. У меня закружилась голова, и мне показалось, что я куда-то падаю. Все кончилось, подумал я. И цветы пропали, и красота увяла: лицо ее стало похоже на осенний лист.

Дверь перед моим носом захлопнулась. Я почти заплакал, ведь я любил ее.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

ИНТЕРВЬЮ

С НИКИТОЙ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ БАЦАЕВЫМ

ЯНВАРЯ

Вот так
художник
Е. ШАБЕЛЬНИК
представил
будущее КамАЗа

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ... Об этом небольшом городке на Каме ты, наверно, уже слышал. Сегодня сюда ведут все пути и дороги страны.

Так когда-то дальневосточная тайга позвала в путь тысячи парней и девчат, и в тайге возник Комсомольск-на-Амуре. Так же мчались эшелоны со строителями на Урал, где у горы Магнитной рождалась «столица металла» — город Магнитогорск. А потом были Братск, Красноярская ГЭС...

Теперь пароходы плывут, самолеты летят, поезда едут в Набережные Челны. Они везут людей, цемент, механизмы, металл, доски, машины... Везут на стройку будущего автогиганта — КамАЗа.

«Хотим работать на КамАЗе. Кем угодно. Примите. Мы уже сидим на рюкзаках», — пишут девчата из Иванова.

«Служба подходит к концу. Умеем водить автомобили, готовить борщи, управлять башенными кранами, класть кирпичи, сажать деревья, строгать доски, замешивать цемент, что хотите умеем. Нужны? Сообщите...» — письмо от воинов Дальнего Востока.

Конверт из Закавказья: «У вас тысячи больших дел, и вам не до письма какой-то учительницы. Но я прошу сообщить: можно ли мне приехать на КамАЗ. Если сейчас нет мест в школе, я готова работать на стройке...»

Давай и мы с тобой совершим небольшое путешествие на КамАЗ. А поможет нам в этом заместитель Генерального директора будущего автозавода **Никита Алексеевич Бацаев**.

БАЦАЕВ. Право, не знаю, с чего и начать. Я бы назвал КамАЗ, не побоюсь этого слова, великой стройкой. Тут все очень крупно и очень значительно. Поверьте, даже мне, одному из ее руководителей, порой не просто осмыслить размеры этого творения человеческих рук. Творения, я не ошибся. Потому что наш завод без творческого воображения, без полета мечты не построишь. Он требует таланта и от монтажника, и от инженера, и от архитектора. И еще — невероятного трудолюбия...

— **Никита Алексеевич**, я вижу, вы припасли много таблиц, графиков, документов. Пожалуйста, расскажите хотя бы о «самом-самом»...

БАЦАЕВ. Собственно, в Набережных Челнах сегодня все «самое-самое». По-новому водятся заводские корпуса. Работают новые механизмы. Позволю себе заметить, и люди новые.

Как-то мне в руки попала старая книжечка. В ней я прочел о Набережных Челнах начала века: «Число жителей 720 душ обоего пола, 136 дворов, водяная мельница. Жители кроме хлебопашества занимаются бурлачеством».

Я представил себе этих бурлаков. Тянут по берегу баржу. Постромки на плечах. Напряженные мышцы. Пот на спинах. Могли ли они вообразить, что сегодня тут будет такое? Вообразить завод, выпускающий десятки миллионов лошадиных сил, упрятанных в дизели? А все это сделают их внуки. Да, да, внуки тех самых бурлаков! Разве не удивительно?

Сегодня КамАЗ — самая мощная стройка в нашей стране, и возводим мы его в самые рекордные сроки.

— Ну, давайте начнем вот с этого — «самая мощная». Как это реально представить себе?

БАЦАЕВ. Без цифр тут никак не обойдешься. Так что приготовьтесь, записывайте: площадь всех промышленных помещений КамАЗа два миллиона восемьсот тысяч квадратных метров. Трудно представить? Ну, тогда я вам скажу о размерах только одного автосборочного корпуса. Длина его почти полтора километра, ширина четырехста метров, высота с пятиэтажный дом. Махина! Пожалуй, целый поселок сможет разместиться под сводами такого здания.

Таким же будет и корпус дизельных моторов.

— Вы сказали: всех промышленных помещений. Значит, КамАЗ — это не один завод?

БАЦАЕВ. Совершенно верно. В Набережных Челнах будет шесть заводов: инструментальный, литейный, кузнечный, прессово-рамный, автосборочный, дизельный. Каждое пред-

приятие будет делать какую-то часть машины. Все эти части, детали, узлы сольются на конвейере автосборочного корпуса, подобно притокам одной полноводной реки. Из них на конвейере соберут машину, и она начнет свою долгую жизнь.

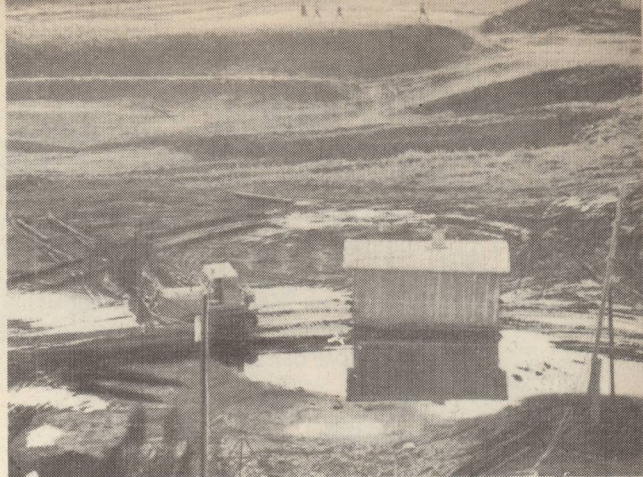
Но строить надо еще ой как много! Дел не впроорот! Каждая минута загружена, каждый час насыщен до предела. Одного грунта предстоит вынуть шестьдесят три миллиона кубометров.

— Это, небось, гора до неба?

БАЦАЕВ. Да, пожалуй. Столько земли за один рейс могут перевезти шесть с половиной миллионов самосвалов, я имею в виду самые крупные, десятикубовые «БелАЗы».

Но вы же прекрасно понимаете, вынуть грунт — это только первая ступенька. Сколько еще предстоит уложить бетона и железобетона! Больше, чем уложено на Красноярской и Братской гидроэлектростанциях, вместе взятых. А это самые крупные гидростанции в мире.

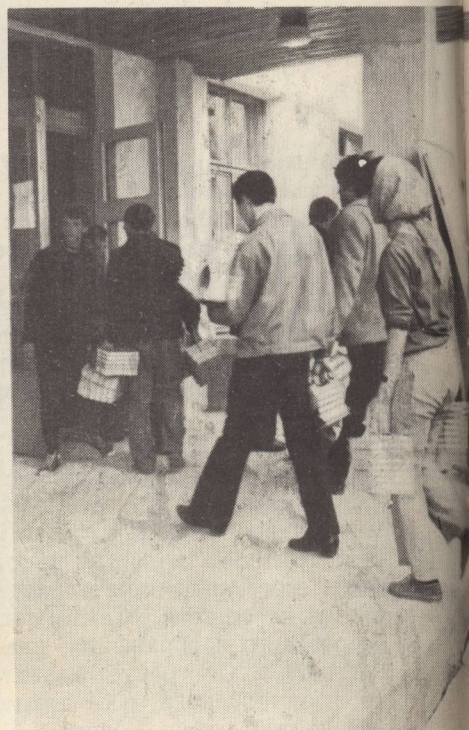
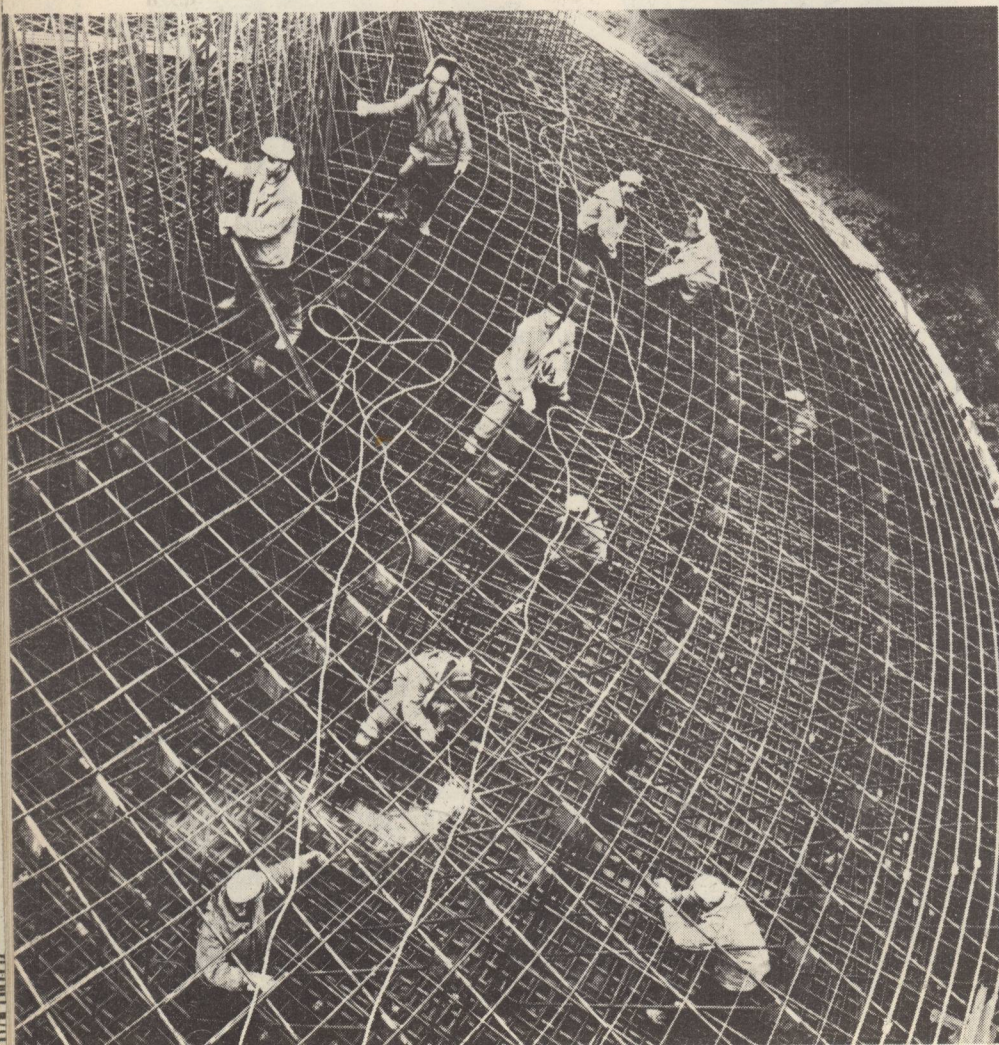
— Никита Алексеевич, я где-то читал, что в свое время на Магнитке работало пятнадцать

Так начинался наш КамАЗ...

тысяч лошадей. Какая техника на строительстве КамАЗа?

БАЦАЕВ. Строительство обслуживают более трех тысяч автомобилей, они одновременно могут перевезти двадцать миллионов килограммов груза. Одних экскаваторов различной мощности четыре сотни, строительных кранов более пятисот. Так что миллионы килограммов и миллионы кубометров легли на плечи механизмов.

Таким он стал...

*Мы быстро растем... Стремительно!
Все работы на КамАЗе будут выполне-
ны за два года.
Семьдесят пять дней — и школа готова.
Домостроительный комбинат выпустит
за год четыре тысячи квартир.
У ребят будет стадион на двадцать ты-
сяч мест.
Будет у них и Дворец пионеров и биб-
лиотека на миллион томов...*

Одним им под силу выполнить такую грандиоз-
ную работу.

— Теперь о том, что вы имели в виду, ког-
да говорили о самых рекордных сроках...

БАЦАЕВ. Мы быстро растем. Стремительно
растем. Ну, вот для сравнения... При строитель-
стве Волжского автозавода, где делают «Жигу-
ли», на монтаж конструкций корпусов ушло два

с половиной года. На КамАЗе объем ра-
бот в два раза больше. Но работы эти будут вы-
полнены за два года.

— Я слышал, что нынче к 1 сентября в Набережных Челнах открылась школа на тысячу шестьсот учеников...

БАЦАЕВ. За семьдесят пять дней выросла — от закладки фундамента до полной готовности. И прекрасная школа, между прочим: тридцать два классных кабинета, актовый зал со сценой и с широким экраном, библиотека, физкультурный зал.

Недавно мы ввели в строй первую очередь домостроительного комбината; он будет выпускать в год четыре тысячи квартир. Обычно такое предприятие возводится за пять лет — в Набережных Челнах это сделано в два раза скорее.

— Новые механизмы, наверно, здорово помогают?

БАЦАЕВ. А как же! Каждому из нас хочется поскорее увидеть новенький, готовый завод. Заводские корпуса складываем из огромных железобетонных блоков. Один такой блок величиной едва ли не с хоккейную площадку. Кирпичик — он был приспособлен к человеческой ладони. А наши краны легко несут на высоту плиту весом до шестидесяти тонн. Вот какие у них «ладошки». Краны-великаны. Краны-тяжеловесы.

— Никита Алексеевич, расскажите, каким будет новый грузовик «КамАЗ».

БАЦАЕВ. Это будет отличная грузовая машина. С прицепом или полуприцепом, она сможет возить до двадцати тонн груза. В четыре раза больше, чем современная «пятитонка», а скорость у тягача или самосвала с маркой «КамАЗ» будет не меньше, чем у пассажирского экспресса: до девяноста километров в час! Первая машина сойдет с конвейера уже в будущем году. А всего мы будем выпускать сто пятьдесят тысяч автомобилей в год.

Они здорово нужны стране, эти автомобили. Новых автопоездов ждут угольные разрезы и рудники, стройки и совхозы, элеваторы и лесозаготовительные предприятия, все села и города. Когда камские машины вольются в наш транспорт, мы сможем перевозить по автодорогам в три раза больше грузов, чем сейчас. В три раза! Поэтому вся страна принимает участие в возведении Камского гиганта. Пять тысяч заводов, и среди них такие крупные, как «Уралмаш», Магнитка, выполняют наши заказы.

— И вот еще что хотелось бы узнать. Как будут выглядеть Набережные Челны в скором времени?

БАЦАЕВ. Новые Набережные Челны рассчитаны на четыреста тысяч жителей. Это будет современный индустриальный город. Он тоже растет не по дням, а по часам. В Набережные Челны каждый год приезжают пятьдесят тысяч человек. У нас говорят: Москва не сразу строилась — Набережные Челны строятся сразу.

Вы же понимаете: заводище гигантский, в цехах десятки тысяч людей. И вот вам первая нелегкая проблема: как поскорее доставлять рабочих, техников, инженеров на работу, как быстрее и удобнее развозить их по домам.

О, мы много над этим думали. Задачу перед собой такую поставили: житель Набережных Челнов должен тратить не более тридцати минут, чтобы добраться от своей квартиры до места работы. Хорошо-то хорошо! Да дело не простое. Уже пускается скоростной трамвай и автобусы-экспрессы.

Но, подождите, самое любопытное впереди. У нас предусматривается на некоторых улицах так называемая трехъярусная транспортная схема. Сейчас все объясню. В наиболее загруженных местах трамвай... в метропоезд превратится. Да, да! В тоннель уйдет. А выше пойдут автомобили, автобусы. Самый солнечный, верхний ярус, третий этаж улицы, — это для пешеходов. Шагай себе, ничего не бойся. Под тобой машины, а еще ниже трамвай.

Видите, «самое-самое» современное решение проблемы пешехода и транспорта. Городу на Каме могут позавидовать даже крупнейшие столицы мира.

От промышленного комплекса город будет отделен широкой полосой лесов и парков, будет как бы повязан изумрудной лентой. Чудесный чистый воздух, красиво!

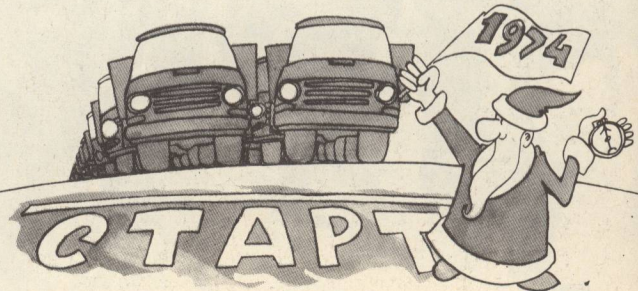
Конечно, вас интересует, что получают юные горожане? Архитекторы позаботились о том, чтобы им жилось радостно и счастливо. В распоряжении ребят стадион на двадцать тысяч мест. Кроме того, каждый микрорайон получит свою детскую спортивную площадку. Дворец пионеров. Библиотека на миллион томов...

Рядом Камское море. Да и сам город на Каме. Пожалуйста: клубы юных яхтсменов. Зеленым будет город, просторным!

Словом, у КамАЗа, у Набережных Челнов судьба завидная. И если кто-нибудь из читателей «Пионера» после школы придет сюда, — не пожалеет.

Мы заканчиваем беседу. Я благодарю Никиту Алексеевича. И прошу его передать строителям КамАЗа, Набережным Челнам пионерский привет от всех читателей журнала.

А. ЮРЬЕВ

тимуровцах

и тебе самом

«**ТИМУРОВЕЦ**» — так называется новый маршрут Всесоюзного ПИОНЕРСКОГО МАРША «ВСЕГДА ГОТОВ!». Следуя этим маршрутом, ты станешь сверять свои поступки с поступками Тимура и его команды и постараешься быть похожим на героя любимой книжки и, конечно же, на автора этой книжки, солдата и писателя Аркадия Петровича Гайдара.

Перед тобой прекрасная задача. Очень сложная, очень ответственная, и справиться с ней не так-то просто. Но мы уверены, ты справишься.

Мы, взрослые, поможем тебе, для этого и создан при журнале «Пионер» Всесоюзный штаб Тимура.

Мы будем говорить с тобой о Гайдаре. Этот человек прожил свою жизнь мудро и мужественно. Мы хотим, чтобы ты понял, в чем эта мудрость и что дало силы для мужества.

Изучить чью-то жизнь — вовсе не значит хорошо запомнить даты и события. Этого мало, главное — понять, во имя чего человек жил, каким принципам следовал, почему поступал так, а не иначе, что требовал от себя и от других, какое дело считал своим, против какого сражался.

Мы будем рассказывать тебе о лучших тимуровских отрядах, и если у твоего отряда возникнут трудности, напиши нам.

Тимур и его команда действовали в предвоенные годы, сейчас иное время. Не старайся только копировать, пойми смысл их действий, и тогда тебе яснее ясного станет, что во все времена — и сейчас, и прежде, и потом — быть тимуровцем значит всегда и всюду приходить на помощь людям, кому бы эта помощь ни была нужна. И всякое самое сложное, самое трудное, даже самое опасное дело считать своим собственным, если оно на пользу твоей стране, твоему народу и твоим товарищам.

В одиннадцатом номере «Пионера» за 1972 год мы рассказали о тимуровцах из Светлограда, и твой тимуровский отряд получил ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ.

В этом номере, на следующих страницах, ты найдешь КАРТУ, которая напомнит тебе,

где Гайдар жил, где воевал, где писал книжки для тебя.

Вместе с этой картой твой отряд получает ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ: расскажите, какой из поступков Гайдара подказал вам правильное решение в трудной жизненной ситуации; узнайте и напишите о тимуровцах разных поколений в вашем городе, селе; назовите школы, дружины, отряды, библиотеки, улицы, тепловозы, корабли, пароходства, носящие имя **А.П. Гайдара**

Ровно через год, когда вся страна будет отмечать семидесятилетие со дня рождения писателя, мы снова нарисуем КАРТУ. Она расскажет о второй жизни Гайдара — о том, как мы помним его советы, как следуем его мудрым и мужественным поступкам. Если ты хорошо исполнишь оба задания, ты сможешь создать такую карту.

Видишь, на нашей теперешней карте нарисован человек с компасом в руке. Этот человек — ты. Ты идешь дорогами Гайдара.

ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ УСПЕХА! ЖДЕМ ОТВЕТА НА ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ЗАДАНИЯ!

Начальник Всесоюзного штаба Тимура

С. ФУРИН, главный редактор журнала «Пионер», член бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Члены штаба:

Л. СИМОНОВА, заведующая школьнско-пионерским отделом «Пионера».

Б. КАМОВ, автор книг «Партизанской тропой Гайдара» и «А. П. Гайдар (Обыкновенная биография)».

Н. ЛЕБЕДИНСКАЯ, заслуженная учительница РСФСР.

ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ УСПЕХА!
ЖДЕМ ОТВЕТА НА ПЕР-
ВОЕ И ВТОРОЕ ЗАДАНИЯ!

Все, кто хорошо выполнит ПЕРВОЕ и ВТО-
РОЕ задания Всесоюзного штаба Тимура, в
марте будут приглашены в Ленинград на
сбор тимуровских отрядов!

Условные обозначения:

А.П. Гайдар на войне Гражданской

А.П. Гайдар на войне Отечественной

А.П. Гайдар работает в газете

А.П. Гайдар пишет книги для тебя

Миллеровский отряд

Мы идем дорогой А.П. Гайдара

Слышать голос трубы!

Продолжение

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Антон Багров и Валя Осокин — два пионера-шести-классника — решили вести дневник. О чем же писали эти ребята? Да о том, о чем и ты, наверное, стал бы писать, — о жизни своей, о трудностях и удачах, об отрядных делах на Марше «Всегда готов!».

А если тебе хочется поподробнее узнать, как все это было в отряде шестого «Б», то постарайся разыскать одиннадцатый и двенадцатый номера «Пионера» за прошлый год.

Просьба: напиши, пожалуйста, что ты думаешь о наших друзьях из шестого «Б». Понравились они тебе? Может, что-то им посоветуешь?

Кстати, вот и они, наши ребята. Первой стоит Саша Андреева (Саша-маленькая). Рядом с ней Валька, Петя-ка Огаров, Марат Тухватулин. А дальше... Там еще Артемов Слава, Юрка Иванов. Других не видно.

17 ноября 1972 года, пятница.

Пишем вместе

В «Спортлото» у нас совпала одна цифра—41. Значит, ничего не выиграли. Не беда.

Решили мы сегодня сходить в кино, да так и не сходили. Прямо у кассы нас перехватил Касьян:

— А ну-ка, пошли со мной!

За углом какой-то первоклашка стоит, хнычет. Касьян кричит:

— Вот он!..— Подскакивает к этому мальчишке.— Ну, что у тебя? Только не ври!

— Деньги взяли, 25 копеек!

— Кто? Как его зовут? Женья?! Высокий такой, да? Волосы черные, да?..

— Я не помню...

— Ты его еще когда видел?

— Видел... Он к нам на этаж ходит в школе. Он всегда у нас дань собирает.—Первоклашка малость успокоился.—Он, если у тебя двадцать копеек, десять — себе, а десять тебе оставляет. Он даже сдачу дает, если у тебя двадцатка одной копеейкой.

Мы стояли, рты разинув: вот какой у нас в школе есть типчик! Когда первоклашка этот уплелся домой с пустым карманом (у нас тоже денег не было ни гроша!), Касьян сказал:

— Знаете, кто он?.. Кабуков! Я его встретил, когда сюда шел. Потом малыша. И потом вас увидел.

26 ноября, воскресенье.

Пишет Валентин

Утром я за газетами спустился, у нас, как всегда, «Правда», «Спорт» и еще, гляжу, письмо: «Вале Осокину»! Что такое? В лифте вверх еду, конверт разорвал — приглашение: «Глубокоуважаемый Валентин Алексеевич! Просим Вас пожаловать на званый вечер к Александре Александровне Андреевой. Адрес: ул. Субботина, дом 2, корп. 3, кв. 34, в шестом этаже. Просим прийти к пяти часам». Я чуть не упал!

Такое же приглашение оказалось у Антошки, Дены и Касьяна. Все перемены мы думали-гадали, что это такое. Лена говорит:

— Может, день рождения?

— Тогда бы так и написано было! — говорю я.

— Надо прийти не к пяти, а к полшестого,— говорит Антон.

— Это зачем? — удивился Касьян.

— Ну, так всегда делают, когда в гости идут: немного опаздывают.

— Да ерунда! — говорит Мишка.— Во сколько сказано, во столько и надо.

И вот ровно в пять с купленными на Ленины деньги цветами мы стояли у андреевской

двери. Тут и началось интересное. Смотрим, на двери висит объявление, что смелый звонит один раз, сильный два, а добрый три раза. Каждый из нас четырех тянулся к звонку и опускал потом руку! А кто его знает, что выбрать! Каждый ведь хочет быть и смелым, и добрым, и сильным. Но приходится выбирать что-нибудь одно.

— А может,— говорит Касьян,— позвонить шесть раз? Что мы и добрые, и смелые, и сильные! Точно?

— Нескромно получится! — говорит Лена.

Тут лифт открывается, и выходят... Степаныч, Лабухова и Петя Огаров. Стоим, молчим, и всем как-то неудобно. Питер говорит:

— Я звоню «смелость»!

— А я «доброту», — говорит Нелька.— Женщине не обязательно быть сильной или смелой.

— Звонить шесть раз — и все! — кричит Мишка.

Но, между прочим, и кто молчит и кто кричит — ни один к звонку не прикасается. И вдруг Антонище:

— Тихо! Я придумал!

Подходит к двери и кулаками: бам-бам-бам-бам! Из-за двери:

— Кто идет?

— Неизвестные! — говорит Антон.

И дверь открылась.

Уже в передней я понял, что это день рождения. От стены до стены висит плакат: «Ура! Сегодня Сашке тринадцать лет!»

Саша была в очень красивом платье, синем (у нее и глаза, оказывается, синие!). И все кругом были такие нарядные. Огаров вообще в замшевой куртке. Только мы с Касьяном были не очень. Не знаю, почему Касьян Мишка, а мне как-то неудобно наряжаться. Я просто надел рубашку белую и свитер. Но рубашку под свитером даже не было видно. А Касьян просто пришел в форме.

На вешалке, когда я раздевался, то заметил, что висит военная шинель с погонами капитана (четыре маленьких звезды). Это оказалась шинель Сашиного отца. Его тоже Саша зовут. Он такой молодой на вид. Я сначала подумал, что это ее брат.

Вошли мы в комнату и видим: между шкафами с книгами висит что-то вроде фотомонтажа. В общем, там были разные Сашины (именинницы) фотографии, а к ним — подписи-заголовки из газет. Саша, как видно, тоже ничего про это не знала. Потому что накинута на газету вместе с нами. Вот что там было (я расскажу про некоторые). Снимок: Сашка, совсем маленькая, идет с отцом за руку. Подпись: «Важный первый шаг». Саша, а рядом с ней собака, здоровая, выше ее. Подпись: «Экзамен на мужество». Сашка ревет. Подпись: «Капля за каплей». Саша за столом, кругом конфеты, печенье, варенье: «Вреден ли сахар?» Саша пишет в тет-

Растерян-ся..

Кабуков забуксовал посреди класса.

Все поняли — Кабуков струсли.

Вот какой нас школе есть подруг!

Эта целая история.

Дружба на всю жизнь.

Саша-большой

Саша-средняя

Саша-маленькая

Они поют-то Емми вожаки...

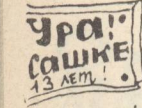
Он всегда у нас день собирает.

Тоубоко уважал мой Валентин, Алексей.

Что выбрать?

Ура! Сашке 13 лет!

Саша была в очень красивой платье - синем

радке (наверно, уроки делает): «Энтузиазм без фанатизма».

Отсмеялись немного. Уже совсем другая обстановка. Чувствуешь себя весело и просто. Сели чай пить и бутербродики разные есть. Я еще чашку вторую не допил, Антошка меня — толк. Показывает — фотография висит: двое мальчишек. И один — вроде Саша-большой, но в детстве... Спросили, а он говорит: это целая история. И стал рассказывать... Как все же хорошо он говорил про своего настоящего верного друга. После войны было продуктов не достать, и они ездили в деревню за картошкой. Вдвоем разводили костры. И Саша-большой (он тогда маленький был) бросил один раз в костер банку какую-то. А Володя увидел и крикнул: «Сашка, ложись!» — и Сашу-большого пихнул изо всей силы. Саша упал, а Володя не успел. Граната эта как шарохнет! Володя потом почти целый год в гипсе был. И теперь еще прихрамывает.

А потом получилось вот что. Володя очень хотел в морской клуб пойти. Он об этом с самого детства мечтал. Ну, а там видят — у человека нога подбитая. «Очень жалко, — говорят, — но принять тебя не можем». А Сашу-большого брали — он ведь здоров был. Но Саша сказал: «Я без Володи не пойду!» Вот такая у них дружба!

Саша-большой говорит:

— Это у нас на всю жизнь!

Мы с Антошкой сидели рядом, и мне казалось, будто это про нас!

Лена спросила:

— А что сейчас Володя делает?

— Конструирует морские суда!

Вот, значит, как. Все-таки добился своего! А мы бы так смогли, Антон?

А потом Саша-большой вдруг взял со стены гитару. Он такие песни пел — не взрослые и не детские, а такие — общие, очень хорошие, что их хотелось запомнить с первого раза. Вдруг Саша-большой остановился и говорит:

— Ну как, Саша-средняя, споём?

И запел: «Когда шумят ночные сосны, и в небе бродит диск луны...» — и дальше про то, как спят в палатках пионеры, а двое вожаков шагают по ночному лесу, а над ними — сосны, а над соснами облака белеют, словно паруса. Никто не знал этой удивительной песни, даже Саша-маленькая, а до того она почти всегда отцу подпевала. Только знали ее Саша-большой и Саша-средняя (мама). И было понятно, что эта песня про них. Что это они когда-то были вожаками. Может быть, даже в одном отряде... А Саша-маленькая смотрела на них с огромной-огромной гордостью. И в комнате будто бы свету поубавилось и пахло дымком далекого летнего костра.

27 ноября, понедельник.

Пишет Антон

Сам не знаю, как пришла мне в голову эта мысль. В воскресенье поймал по радио какую-то передачу. Пели «Трубача»: «И встал трубач в дыму и в пламени. К губам трубу свою прижал. И за трубой весь полк израненный запел «Интернационал». И полк пошел за трубачом, обыкновенным трубачом». Я подумал вдруг: «А хорошо бы, Саша-большой стал нашим вожаком!»

Едва дождался понедельника. Первым из наших пришел Касьян. Он сразу меня понял. И Валька понял. А Лена сказала:

— У него своих дел хватает.

Но Касьян — человек решительный. Подходит к Саше-маленькой:

— Саш, твой отец когда после работы приходит?

Саша удивилась немножко, но ответила, что в семь.

И мы решили: в семь тридцать встречаемся все у булочной. Но после уроков нас (Лену, Вальку и меня) остановила Нина:

— Бегом ко мне в пионерскую.

Мы, конечно, отбояриваться. А Нина:

— Братцы, как хотите, но без вас погибнет все дело.

Вот всегда она так! Оказывается, с первого декабря объявляется декада по сбору макулатуры, и надо к завтрашнему дню вывесить об этом объявление. И причем такое, чтобы до всех дошло.

Я заметил: когда времени мало, думается как-то скорее.

— Не декада по сбору, а штурм, — говорит Лена.

— Маку-Маку, — ни с того ни с сего говорю я.

— Маку-Маку — это злой король, — говорит Валька.

В общем, навалились дружно, скопом, и получилось объявление: «На штурм! На приступ! Король Маку-Маку хранит в темницах несметные залежи Макулатуры. Добудем ее, превратим в бумагу — пусть послужит богине культуре!».

А Валька предложил еще гениальную идею: не вешать объявление, а сделать такие носилки домиком и проносить их по этажам. Пришлось писать два объявления вместо одного, но идея этого стоила! В общем, вышли из школы в начале пятого.

А в 19 часов 45 минут мы уже звонили в дверь андреевской квартиры. Открыла Саша:

— Пап, пришли!

Выходит, нас ждали.

Саша-средняя пригласила нас к столу, а Саша-большой сказал:

Король макулатуры хранит в темницах насчетные залежи макулатуры.

Дело серьезное.

Другим
важно
отряд
сочу
стать.

Мы пере-
считываем
ся, — порядок

— Кажется мне, что хорошие люди пришли с хорошим делом.

Мы приободрились и тут же все выложили. Саша-маленькая, услышав это, порозовела и смотрит на отца — что он скажет. Ей, наверно, хотелось, чтобы Саша-большой согласился. А он все не отвечает и не отвечает. Встал, сигарету закурил и дым колечками пускает. Выпустит одно, дунет, и нет кольца.

— Пап, — не выдержала Саша-маленькая. — Чего ты молчишь?

— Дело серьезное, Сашка, — отвечает Саша-большой. — Вот и думаю. Серьезное, но и хорошее. А что Саша-средняя скажет?

— Серьезное дело, но и хорошее. Решай, Большой, — говорит Сашина мама.

— Вот что, милые люди, — говорит тогда Саша-большой. — Вожатым мне не по плечу. Это я вижу. А другом вашего отряда хочу стать. Бывают ведь у пионерского отряда старшие друзья?

— Бывают! Конечно, бывают! — зашумели мы разом, хотя у нас до этого никаких друзей не было.

— Раз в неделю я полностью ваш, не считая всех других дней, когда вам нужен будет мой совет. Но, разумеется, надо будет мне зайти в школу и там обо всем потолковать.

А мы, конечно, перемигиваемся — порядок!

30 ноября, четверг.

Пишет Валентин

После уроков сегодня куда ты, Антон, девался? Я случайно в классе был: на истории не утерпел, начал читать под партой «Двадцать лет спустя». Ты читал? Помнишь, когда Атос встречается с Д'Артаньяном? Ну, в общем, это не важно!

Я сижу, и тут врывается Касьян. Ты же знаешь, он вообще спокойно ходить не умеет, а здесь — аж дверь отлетела.

— Окошко открой! Только тихо, Валька, понял!

Я, сам не знаю почему, тоже заволновался. Подкрался к окну, смотрю, стоит во дворе Каблук — марками меняется с каким-то пацаном из пятиклассников. Но здесь Касьян меня отодвигает и подсаживает на подоконник мальчишку-клопа... Помнишь, того, с которого дань собирал какой-то подлец? Мишка его спрашивает:

— Он?

А мальчонка-то маленький!

— Ой, — говорит, — этот, этот!

Да так громко сказал, шляпа! Каблук голову поднял и — на окно, на мальчонку, на Касьяна Мишку, на меня.

— Пошли, Валь, по-быстрому. Будем толковать с этим деятелем! — сказал Мишка.

Но когда мы на двор вылетели, ни Каблука, ни пятиклашек уже не было.

Я спросил у Мишки: «А как же нам быть?..» Думали-думали и решили: пока будет ничего, но глаз с него не спускать. Завтраки из дому брать, в библиотеку школьную на переменах тоже не бегать. Дежурить за Каблужищем, чтоб он малышню не запугивал и дань с них не брал. Но дежурство это придется делать без Лены. Каблук их, оказывается, чаще всего в туалете грабит.

3 декабря, воскресенье.

Пишет Антон

Ого-го! Эге-ге! Саша-большой не подвел. Пришел-таки в школу! Побывал в учительской, побывал в пионерской у Нины. Вышел, подмигнул нам хитро и сказал:

— Ждите срочного сбора.

Это было в пятницу, когда начался у нас макулатурный штурм. Ребята из штаба «Пионерстроя» снова ходили по школьным коридорам с нашим плакатом. Они там еще придумали запрятать внутрь агитдомика маленький магнитофончик. Играл марш. Какой-то пятиклашка бил в барабан, а Олег Сомов из восьмого «Б» говорил в мегафон разные веселые призывы. Проходя мимо нашего класса, он сказал: «Отряд шестого «Б» молчит, ни ме ни бе! Отряд шестого «А» решил — вот это да! — сдать ровно три пуда!» Для рифмочки чего не скажешь!..

Председательша Танька явилась из совета дружины с сообщением: нашему отряду достается четыре подъезда в девятиэтажном доме, где ателье проката. А за пределами микрорайона можем искать бумажные клады где нам вздумается. И вот мы отправились штурмовать наши подъезды... Но как?!

Танька да и Ангелина, по-моему, одинаково боялись распускать нас домой, думали, никто потом не соберется.

— Давайте, ребята, оставим портфели в классе, — своим специальным примерным голосом пропела Танька. — Все равно нам в школу возвращаться.

Танька хитра, да не очень! Класс закрыли, пошли. А Толяна с компанией как не бывало. Они портфельчики незаметненько в окно повыкидывали — и привет!

Пришли мы, распределились: у каждого звена свой подъезд. У нашего — второй. Ольга Степанян (она ничего девчонка) предложила: пусть одни поднимутся на лифте до девятого, другие до пятого этажа, и все начнем спускаться вниз.

Мы с Валькой, Леной, Олей и Огарком двинули на девятый. Звоним в одну квартиру — никого. В другую — опять никого. Наконец, слышим шаги за дверью. Выходит дядька в желтой майке:

Ой, говорит,
этот, этот.

Каблук
заще все
выборной
грабит.

начался
макулатур-
ный
штурм

Саша повела нас не вверх, не к лифту, а вниз в подвал!

Чем дальше тем теплее!

— Вам чего?

— Нет ли у вас старой бумаги? Мы макулатуру собираем...

Дядька даже и разговаривать не стал, хлопнул дверью перед носом. Хорошенькое начало, ничего не скажешь.

Какая-то старушка, седенькая, махонькая, вынесла связочку журналов «Русская речь». И поулыбалась вслед. Еще в одной квартире дали нам кипу газет. Вот и вся добыча. У одной двери чувствуем, рассматривают нас сквозь глазок, а открывать ни-ни. Что мы, на разбойников, что ли, похожи? А в общем, едва-едва у всего отряда две авоськи набралось, посмотрели на доску «Вести штурма» — у нашего отряда самый низкий столбик, семь килограммов. У «ашников» чуть ли не вдвое выше — двенадцать.

Может быть, я слишком подробно рассказываю, но все наши знают, почему. В субботу вечером был у нас срочный сбор, о котором говорил Саша-большой.

Саша-маленькая передала мне на переменной пакет. На нем было написано: «Совершенно секретно. Антону Багрову». А на листочке сверху: «Прочитать Лене, Валентину, Мише и всем, кто умеет хранить тайну».

Срочный сбор неравнодушных назначая на 18.00 второго декабря в Сиреневом сквере, слева от входа у третьей скамьи. Ваш друг А. А. А.»

Кому? Кому? Кому еще прочитать послание Саши-большого?! Перебирали-перебирали и наконец надумали: Ольге Степанян, Петьке Огарову, Нельке Лабуховой, Марату Тухваттулину, Люське Шевченко, Алине Набутовой, Ваньке Шагину, Славке Артемову и Юрке Иванову. Но никто из нас даже не подумал про Таньку Петрову, а ведь, кажется, председатель... Я один вспомнил, да и то с сомнением. Но я все-таки подошел:

— Тань, останься после географии.

— Это кто сказал, Нина?

— Нет, — говорю, — не Нина, это я тебя прошу для важного дела. Всего отряда нашего касается.

А Танька:

— Если б всего отряда касалось, то бы мне Ангелина Андреевна сказала! Какие-то странные сборы, Багров. Ни с кем не согласованные. Только с одной Голубевой, да?

Я не стал с ней пререкаться. А вообще-то, ну при чем здесь Лена? Чушь какая-то!

Остались все, кого мы наметили, все 14 человек. Я кратко сказал про Сашу-большого и про срочное совещание.

Шагин:

— Не, я не могу тренировку срывать.

Вечером в Сиреневом сквере Ваньки не было. И Алина Набутова тоже не пришла по неизвестной причине. Последней появилась Саша-маленькая, она сказала, что заседание в сквере отменяется...

— Ясенько! — хмыкнула Шевченко. А Марат крикнул:

— Халтура!

— Но я уполномочена передать, что заседание переносится в будущий тайный штаб шестого «Б». Пошли! Там нас ждет мой... Ну, в общем, Саша-большой.

Вот это был ударчик!

Мы пересекли улицу, вошли в дом, где жили Андреевы. Но Саша повела нас не вверх, не к лифту, а вниз, в подвал! С каждой ступенькой было все темнее. Вдруг Саша остановилась. И мы все остановились, натолкнувшись друг на друга. Саша стукнула: раз-два-три, пауза, раз-два.

— Пароль? — весело послышалось из темноты.

— Пионер! — громко ответила Саша.

Дверь открылась, и тут же по нашим лицам быстро пробежал фонарик. Потом луч мелькнул по всему помещению: стол, похожий на самодельный, вокруг него пять ящиков, как стулья. И еще разной величины ящики у стен. В подвалах всегда бывает грязь. А здесь чисто! Гладкий пол (цементный) вымыт. И даже тряпка у двери.

Свет фонарика перешел на лицо человека, который его держал. Мы увидели... Сашу-большого. Это все он сделал: мыл вместе с Сашей-маленькой, ящики притаскивал, в домике договаривался, чтоб отдали подвал (мы потом про это узнали)...

Подвесили фонарик, расселись на ящики и сидим в отличнейшей полумгле, разговариваем. Саша прослышал, что мы со штурмом провалились. И стали думать вместе, как эту макулатуру все-таки собрать! Вот что мы придумали: написать всем жильцам письма, по имени-отчеству, что во столько-то к вам придут за бумагой пионеры, которые не так себе прохлаждаются, а выполняют важное дело.

— Я, — говорит Саша, — кое-какие имена выписал, а остальные вы сами. С домоуправлением лады.

Тут же распределили, кто будет имена узнавать, кто писать письма... Было уже поздно, пора по домам. Марат спросил:

— Саша, а у нас этот штаб всегда будет или только на сегодня?

— Навсегда! — ответил Саша. — Но, конечно, если будет отряд настоящий. А без отряда и штаб ни к чему, верно?

8 декабря, пятница.

Пишем вместе

Вчера приходим в школу утром — на доске объявление. Буквы прыгают, как антилопы, одна жирная, другая хилая. Короче, ясно — касьянская работа. Написано: «Идем вперед безо всяких халтур на макулатурный штурм».

Сидим в отличнейшей полумгле, разговариваем.

А без штаба ни к чему...

Если ты настоящий рыцарь, приди к школе в восемнадцать тридцать!»

Все ходят, хмыкают, хрюкают. Оля Степанян:

— Тут одних рыцарей зовут. А девочек?

Касьян думал-думал и приписал: «Девчонкам пропускать негоже — приходите тоже!» А Каблук вроде бы следит за чистотой. Гонит Ежа доску очистить перед уроком. Валька кричит:

— А ну, не тронь!

Тогда Каблучище встает, идет к доске вразвалочку:

— Ты опять, Осока, тянешь?

И вдруг вырастает рядом с Валькой Антон, а по другую сторону — Касьян!.. Каблук так и забуксовал посреди класса. Растерялся, как Ежик. Но тут же быстро сообразил и вялой такой походочкой мимо нас троих, мимо доски безразлично прошагал, как будто в коридор. Но все поняли: струсил!

Первый урок — английский. Ангелина вошла в класс, прочитала.

— Это кто придумал? И зачем в восемнадцать тридцать?

Касьян встал и толково, коротко все объяснил про письма.

— Ну что ж, неплохо, — говорит Ангелина. — Посмотрим... А теперь...

И как начала шпарить по-английски. В общем, обычный ее урок. Только один Жарковский на правах отличника всунулся:

— Ангелина Андреевна, а что, явка обязательна?

— Не обязательно! — крикнул Касьян. — Только для тех, кто за отряд болеет!..

Конечно, мы даже и думать не предполагали, что Ангелина Андреевна тоже придет. Однако она пришла! А из класса было 16 человек. Во-первых, все наше ядро (кроме Нельки: она горло переохладила, а для будущих певиц это крышка). Кроме того, Иван Щагин, прознавший про штаб, Набутова, Яшина, Давыдов Сережка, Генералова.

Мы взялись за наши четыре подъезда по Степиному способу... Не стоит долго писать: результаты все знают! Мы выгружали макулатуру чуть ли не полными лифтами! И все жильцы оказались с нами приветливыми. Даже где не было бумаги, говорили: «Извините, ребята...» У нас было четверо санок, да еще на руках сколько пришлось таскать! Побежали к Нине домой, она школу нам отпирала. В общем, было кутерьмы. Касьян кричит:

— Ну что? Наша взяла?!

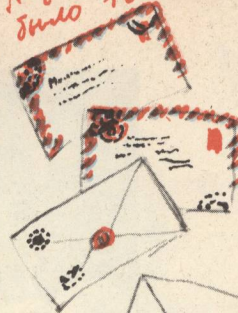
Нина улыбнулась:

— Думаю, ваша, но, может, и восьмого «А». Завтра ребята из «Пионерстроя» придут, подведут результаты.

Когда все расставались, Антон говорит Валентину:

— Я тебя провожу.

Из класса было 16 человек

Вот что мы придумали: написать всем жильцам письма...

Мы сразу же заговорили об одном и том же: о наших газетах, которые мы копили, чтоб лодку склеить. У нас уже скопилось газет двести. Не так-то легко было их собрать: Осокины две газеты выписывают, Багровы — три, но ведь не всегда они тебе достаются!.. И все же мы взяли наши газеточки из-под Антонова дивана (мама радовалась) и отнесли к школе. Сегодня утром сложили их в нашу общую кучу.

Прощай, лодка! Серега Давыдов крикнул:

— Смотри, ребята, у нас еще кипа появилась! Кто притаранил?

Мы промолчали. А лодка на двоих нам теперь все равно не нужна.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

мы выгружали макулатуру полными лифтами.

К борьбе
за солидарность, мир
и дружбу
будете готовы!
Всегда
готовы!

Immer
bereit!
Zawsze
gotowy!

Alina
valmiit!
Altid
beredat!

Хэзээд
бэлхэн!

Международный
пионерский клуб
«Товарищ»

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ВИКТОРИНА

Что ты знаешь о X Всемирном фестивале молодежи и студентов? В июле — августе этого года в Германской Демократической Республике соберутся посланцы всего земного шара. Подготовиться к фестивалю тебе поможет наша викторина. Жюри решит, чьи ответы лучше, и обязательно учтет, как оформлен ответ.

Победителей ждут памятные призы и награды.

По секрету: чтобы ответить хорошо, прочти книгу «Имени Тельмана». Она вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1971 году.

На конверте не забудь поставить девиз: «ГДР — страна X фестиваля».

Желаем тебе успеха!

Гюнтер Ян,
первый
секретарь
Центрального
совета
Союза
свободной
немецкой
молодежи:
«Победителей
**ФЕСТИВАЛЬНОЙ
ВИКТОРИНЫ**
мы пригласим
в ГДР».

(Интервью
с Гюнтером Яном
читайте в третьем
номере журнала.)

1

Пионерская организа-
ция ГДР носит имя Эрнста
Тельмана. Что ты знаешь
о героической жизни это-
го человека?

2

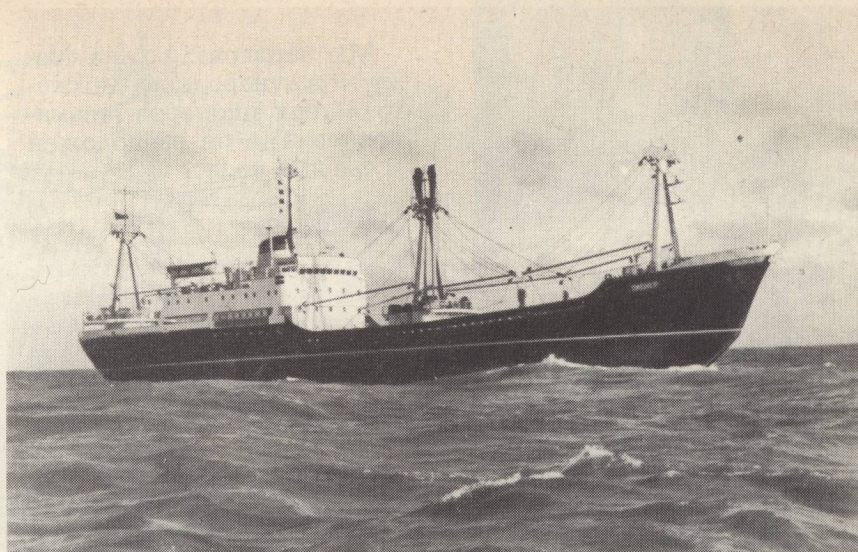
Эту скульптуру пионеры
ГДР подарили Московскому
Дворцу пионеров. Когда и
какой подвиг совершил
юный трубач?

3

По морям и океанам плавают флотилия советских кораблей, носящих имена пионеров — героев нашей страны. Флагман флотилии — «Пионер».

На судовой палубе какого города ГДР построены эти океанские корабли?

4

Посмотри на последнюю обложку журнала. Там нарисованы флаги ГДР. Что они означают? Еще на обложке ты увидишь символы городов. Найди их на карте ГДР. Какой герб города Берлина?

5

Какие крупные новостройки в ГДР ты знаешь?

6

Перед тобой веселый рисунок из детского журнала ГДР — «Фрези». Как называется газета немецких пионеров?

7

Когда и в каких городах проходили фестивали молодежи прежде?

8

Так выглядела эта площадь Берлина после войны. Как она называется теперь? Кто из советских скульпторов автор памятника В. И. Ленину?

9

На фотографии майская демонстрация в Берлине в 1950 году. Ты видишь эмблему молодежной организации ГДР. Когда создана эта организация и как она называется? Над какими важными новостройками она шефствует?

10

Есть ли у тебя друг в Германской Демократической Республике? Если есть, расскажи о нем.

ВОТ АДРЕСА, по которым ты можешь написать ПИОНЕРАМ-ТЕЛЬМАНОВЦАМ:

БЕРЛИН

Центральный Дом юных пионеров имени Германа Титова. 113, Берлин, Паркауе, 25.

КОТБУС

Дом пионеров имени Филиппа Мюллера. 75, Котбус, Шпрештрассе, 13-14.

ДРЕЗДЕН

Дом юных пионеров имени Максима Горького. 83, Пирна, Ан дер Готтлейбе, 1.

ЭРФУРТ

Дом юных пионеров имени Отто Гротевольфа. 50, Эрфурт, Петерсберг, Хаус 3.

ГЕРА

Дом юных пионеров. 684, Пёс-снек Франц-Шуберт-Штрассе, 8.

ФРАНКФУРТ НА ОДЕРЕ

Дом юных пионеров. 12, Франк-фурт, Викке Штрассе.

Дом юных пионеров. 13, Эберсвалде, Штрассе дер Юнген Пионире, 9.

Чтобы письмо дошло, сначала напишите адрес немецкий латинскими буквами, а под ним по-русски.

11

Мы нарисовали план-схему международного детского лагеря пионеров-тельмановцев. Где он расположен и чье имя носит?

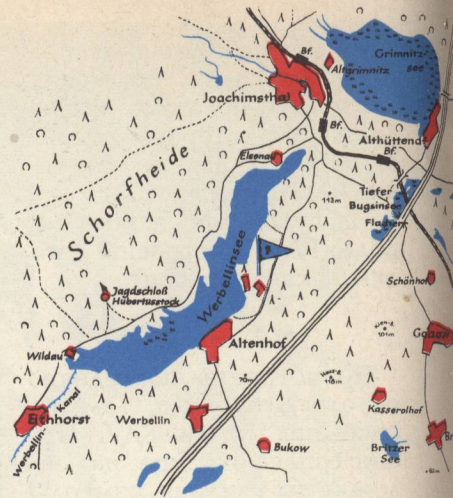
12

Какое место на XX Олимпийских играх заняла команда ГДР? Назовите выдающихся спортсменов ГДР — чемпионов олимпийских игр.

13

Перед тобой марки ГДР. О чем они рассказывают?

Berlin

Zentralhaus der Jungen Pioniere „Ger-
man Titow“, 113 Berlin, Parkau-
e 25

Cottbus

Pionierhaus „Philipp Müller“, 75 Cot-
bus, Spreestraße 13-14

Dresden

Haus der Jungen Pioniere „Maxi-
Gorki“, 83 Pirna, An der Gottlei-
be 1

Erfurt

Haus der Jungen Pioniere „Otto Gro-
tewohl“, 50 Erfurt, Petersberg, Haus 3

Frankfurt Oder

Haus der Jungen Pioniere, 12 Frank-
furt, Wiecke Straße

Haus der Jungen Pioniere, 13 Eber-
svalde, Straße der Jungen Pioniere 9

Gera

Haus der Jungen Pioniere „Erich We-
nert“, 69 Jena, Kahlaische Straße 9

Haus der Jungen Pioniere, 65 Gera, Ge-
schwister-Scholl-Straße 3

Haus der Jungen Pioniere, 684 Pöb-
nick, Franz-Schubert-Straße 8

Halle

Haus der Jungen Pioniere „Fritz Wei-
nert“, 401 Halle, Peißnitzinsel

Karl-Marx-Stadt

Haus der Jungen Pioniere „Juri Ga-
rinn“, 90 Karl-Marx-Stadt, Käthe-
straße 36

Leipzig

Haus der Jungen Pioniere „Ger-
schwarz“, 701 Leipzig, Leib-
straße 26-28

Magdeburg

Haus der Jungen Pioniere „Hermann
Matern“, 301 Magdeburg, Straße der
DPS

Neubrandenburg

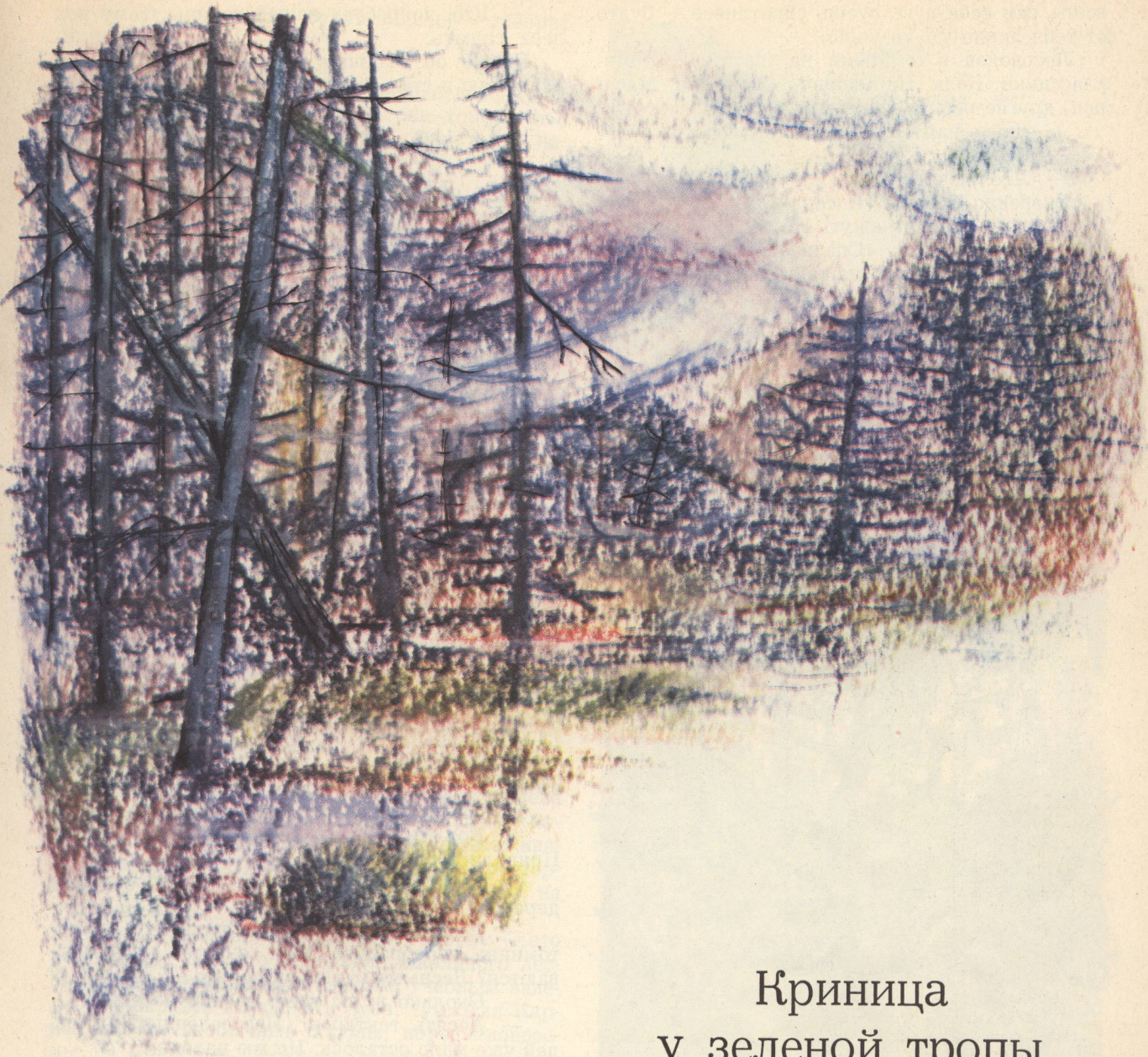
Haus der Jungen Pioniere, 208 Neust-
ritz, Useriner Straße 3

Potsdam

Haus der Jungen Pioniere „Erich We-
nert“, 15 Potsdam, Am Neuen Garten

Rostock

Haus der Jungen Pioniere „Karl Lie-
bknecht“, 25 Rostock 1, Rosa-Luxemburg-
Straße

Криница у зеленой тропы

С гор спустился зубр

Юрий КРУТОГОРОВ

Рисунки П. ПАНЧЕНКО.

После войны Карпаты, славящиеся своими лесами, сильно изменились: горы полысели, слиняла их зеленая краска. Одно из урочищ возле села Головацкое в Скибовых Бескидах получило невеселое название — Погары. Война выжгла... Неподалеку лес вырубил (строились села, города восстанавливались — стройматериалы позарез требовались), и вместо ельника образовались топи. Чавкающие болота поглотили просеки и солнечные поляны. И это место нарекли Гнилым потоком.

Неведомо куда ушли с гор зубры. Какая им радость была жить на горях и пустошах... Старики вздыхали: если зубр покинул горы, добра не жди.

Ребята сельской школы (мне рассказывали об этом) почему-то болезненнее всего восприняли весть об уходе зубров. Вроде бы осиротели горы. А когда сиротеет земля, на которой жи-

вешь, сам себя чувствуешь сиротливее — будто от тебя лично что-то ушло.

Лесоводов в то время не хватало. Восьмиклассники Коля Набытович, Стефания Масинец, другие ребята пришли в местный лесхоз.

— Дайте нам Погары и Гнилой поток...

— Зачем?

— Лес сажать.

Уверенно сказали. И сердито немножко. На тот случай, если откажут. Но им не отказали. Обрадовались даже: «Спасибо скажем».

Тракторов, плугов, машин в лесхозе не было вовсе (их предупредили!), а высаживать лес в горах — затея не шуточная. Им честно все выложили: к иному урочищу за час не доберешься, в горы шагать придется не налегке — не прогулка! Надевай на загорбок рюкзак с саженцами, бери в руки лопату и лом да не забудь захватить ведро с черноземом. И карабкайся. Тропки все повыбиты. Не умеешь — скалолазом становишься.

Смешной разговор! Можно подумать, что они не здесь выросли, что не их отцы работали тут до войны лесниками.

Так и началось. Каждое утро уходили в горы, шагали к отведенным участкам. Ведра с черноземом иногда на кручу веревками подтягивали.

Кажется, Коля Набытович посадил в мертвом урочище первые елки ростом с детскую ладонь, и зеленая строчка прошла гарь. Рядом появилась строчка Стефании Масинец. И побежали, поскакали, запетляли две зеленые полоски к дальнему склону, повторили изгиб болота. Первая кайма будущего леса, чуть приметные контуры ребячьего зеленого государства — школьного лесничества.

В память об этих днях мальчишки и девчонки вырыли глубокую криницу рядом с тропой, ведущей в горы. Коля Набытович тогда шутя сказал:

— Кто попробует нашей водицы, тому век леса сажать.

Позже он окончил Ленинградскую лесную академию и стал лесничим.

Коричневые клювики шишек

Я приехал в Скибовые Бескиды, и горы закружили меня, забрали в свои хвойные просеки, падающие отвесно, как зеленые водопады. Небо с зеленоватым отсветом — так вода становится зеленой от лесной тени — приблизилось, и казалось, что его можно подержать в ладонях.

Лесничий Ярослав Гоинец вел меня все выше и выше, и неожиданно урочище, темное и душное, вывело нас на опушку. Елочки разбежались по ней, как дети разбегаются на детской площадке. И Ярослав тоже рванулся вперед, расставив руки. Я побежал за мальчиком (да, я забыл сказать, что лесничему пятнадцать лет); ветер хлестал нас по лицам, плечам, коленям, мы во все горло бросили Карпатам вызов: «Го-о-о-р-ы-ы!» И Карпаты посвященно отозвались: «Э-э-э-о-о-ы-ы!»

Такая глубина и протяженность были в этом отклике.

Ярослав отдышался, стер со лба паутинку.

— Вот эти елки мы весной нынче посадили. Привились!

Он потрогал зеленые перышки крошечного деревца, улыбнулся:

— Распушились на воле, рады, что из питомника перебрались. Они, знаете, как называются? Лесными культурами.

— Сколько ж вы всего весной посадили?

— Десять гектаров. Незаселенных площадей уже мало осталось. Но мы находим.

Ярослав надвинул на брови фуражку лесничего с латунными дубовыми листьями на околыше, оправил синюю форменную тужурку, как бы давая понять: готов отвечать на любой вопрос относительно подведомственной ему лесной территории.

Я неосторожно спросил:

— Лес вам на полную сохранность передан?

Ярослав нахмурился:

— Мы не в игрушки играем.

Он отвернулся от меня.

— Не дуйся, Ярослав, — сказал я. — Я вовсе не хотел тебя обидеть.

— Да я что? Я ничего. Тут столько дел делать приходится, успевай поворачиваться. Лес ухода требует...

Крутой склон. Отводим в стороны пружинистые еловые ветки. Шишки глухо падают в слежавшуюся траву, у них, как клювики, открыты коричневые чешуйки.

— Эх, и урожай будет нынче! — говорит Ярослав.

— А ты как знаешь?

— Да просто. Видите, молодые побеги выпрямились. Это бывает, когда они хорошо вызрели. И семена скоро полетят. Они так и называются — крылатки...

Тут рождается хвойный бор

Здесь, в Скибовых Бескидах, лес и вправду кажется крылатым. Пики елей зыбко парят под самыми облаками, впечатление такое, что не облака, а лес зеленым ковром-самолетом уплывает за горизонт. Это похоже на чудо.

Для ребят из села Головацкого оно начнется с того ощущения, которое выразил в своих стихах Евгений Баратынский:

«И вот ему несет рука моя

Зародыши елей, дубов и сосен».

— Двести пятьдесят гектаров лесных угодий сошло с ребячьих ладоней, — рассказывал мне лесничий Головацкого лесничества Виктор Иванович Павлов.

Я видел школьный питомник, похожий на зеленый пушистый коврик. Он вышит крошечными, с детский мизинец, сеянцами. Тут рождается будущий хвойный бор. Сначала семена в рядки высеваются. Как появятся ростки с пушистыми хвоинками, их в школки пересаживают. Это соседние рядки, сеянцам здесь просторнее. Ну, а затем дорога в лес, на опушки, на прогалины...

Если питомник — зеленый коврик — это детский сад леса, то дендрарий школьного лесничества можно назвать высшим учебным заведением бархата амурского, дуба, туи. Для Карпат это все необычные породы, породы-новоселы. В Скибовых Бескидах только ель растет. Но ребята хотят украсить горы деревьями других широт страны. И получается!

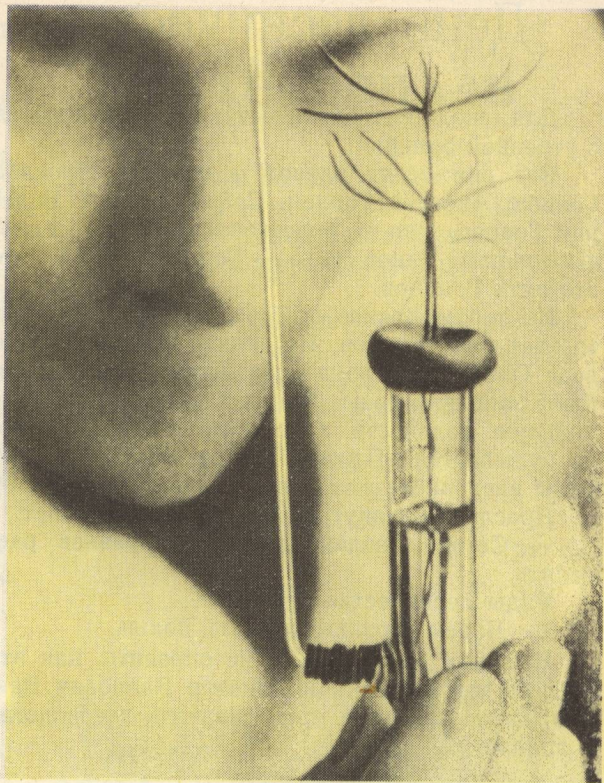
— Сколько существует село, — говорит мне председатель сельского Совета Виктор Иванович Хвостенко, — тут никогда не было яблоневых садов. Не знали наши крестьяне и черной смородины. А нынче? Взгляните только: возле каждой хаты яблони. И яблоки сладкие, краснобокие! В любом доме вас угостят черной смородиной. Школьное лесничество постаралось...

Потом Хвостенко повел в тополиный сквер Победы: «Хлопцы с девушками разбили».

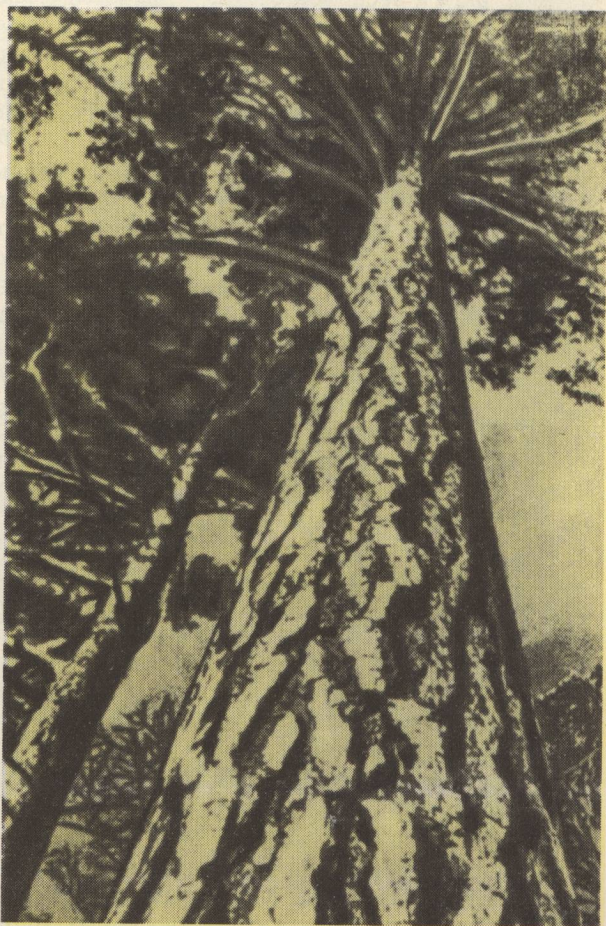
Мы посидели на лавочке в парке имени Тараса Шевченко, и Виктор Иванович снова сказал: «И это ребячьих рук дело».

В центре села я любовался широкой аллеей яворов. Чудный уголок! Хвостенко улыбнулся: «Подарок школьного лесничества селу».

Нельзя идти в лес в неведении того, что он представляет собой. В школьном лесничестве ребята учатся читать природу, как книжку.

...И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен...

День лесничества

Для школьного лесничества день начинается с утренней линейки.

Вот они стоят плечом к плечу — Ярослав Гоинец, Алексей Гоинец, Софья Гоинец, Валерий Гоинец. Они не родственники, просто однофамильцы. Такое село — Головацкое, в нем сто пять Гоинцов.

На левом фланге — Олеся Яромий. Она замыкает ряд Гоинцов. На синюю фуражку лесовода Олеся приколотла розу; на лепестках сверкают капельки росы. Ярослав замечает эту маленькую вольность в костюме техника-лесовода, улыбается. Пожалуй, роза даже украшает ряды вверенного ему лесничества.

Ярослав подтянут, деловит. Он объявляет:

— Сегодня задача такая — муравьев расселять.

Ряды лесничества веселяют.

— Берем корзины, лопаты, колья.

Конечно, он не может не спросить, как это обычно делает лесничий Виктор Иванович Павлов, их наставник и преподаватель лесоводства в школе:

— Вопросы есть?

— Есть! — Это Олеся Яромий. — А если муравьи покусают?

— Розочку им подари, — советует Ярослав, — подobreют.

И по рядам лесничества прокатывается смех. Лесничий Павлов тоже смеется.

Виктор Иванович как-то загадал ребятам: «Пошли мужики в лес без топоров, срубили дом без углов. Кто?» Загадка нехитрая. Да не без хитрости была загадана.

По заданию Павлова школьные лесоводы пересчитали все муравейники в бору. Выяснилось: мало построили муравьи домов в Скибовых Бескидах. А между тем муравьи — «мужики без топоров» — незаменимые санитары леса. И, видно, оттого, что в лесу мало муравейников, развелись короеды. Спасу от них не стало. Тогда в лесничестве разработали операцию «Смерть короедам».

...Гуськом, друг за дружкой — в гору.

Первая, с розочкой на околыше фуражки, Олеся Яромий скачет по склонам, как горная коза. «Неугомонная», — улыбается Ярослав.

Олеся, конечно, первая находит и муравейник. Вот уже вовсю орудует лопатой. Окапывает высокий муравейник, похожий на рыжий трюх — он весь обсыпан желтыми прошлогодними хвоинками. Рядом — трухлявый пенек, усеянный муравьями. Живут своей обычной, не потревоженной жизнью, не догадываются, что ждут их новые квартиры.

Девочка аккуратно разрезает муравейник на две половинки.

— Ко-о-орзинку, мальчишки!

Олеся поддевает широким совком-противнем половинку муравейника и укладывает ее на донышко плетенки. Местожителство новых мура-

вейников заранее определено. Новоселы размещаются под шатром высокой ели. Ее ствол испещрен тонкими ходами — с игольное ушко. Ходы короедов. Под кроной разместился старый пенёк-бобыль; он мхом оброс, лишаями припечатан.

— Привыкнете, миленькие, — приговаривает Олеся, вынимая лопатой из корзинки половинку муравейника. — Хорошо вам здесь будет, вот увидите. И пенёк есть. Привыкнете. И не захотите на старое место...

Колония расселяется так, чтобы муравейники находились друг от друга в ста пятидесяти — двухстах метрах.

И опять издали слышен голос Олеся:

— Мальчишки, корзинку-у-у!

После обеда на участке появляется Павлов.

— Ого! Хватит на сегодня. Вопросы есть?

— Есть. — Это Олеся Яромий. — Виктор Иванович, а муравьи правда любят розы? Меня ни один муравей не укусил...

Филиал института

Я спросил Ярослава и Олеся, кем они собираются стать.

— Лесничими!

Ярослав добавил:

— Нашу школу, между прочим, называют филиалом Львовского лесотехнического института. Двести семьдесят пять выпускников стали лесоводами!

И я вспомнил слова Коли Набытовича. Шутит парень, а вон как вышло!

Да, чуть не забыл. Весной нынешнего года к околице Головацкого с гор спустился зубр, он неторопливо огляделся и ушел в еловый бор.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, кто любит лес,
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, кто хочет помочь
лесному хозяйству,
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, кто приходит в лес
как хозяин,

ДАЕТ ЗАДАНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА СО-
ВЕТА МИНИСТРОВ СССР ГЕРОЙ СОВЕТ-
СКОГО СОЮЗА КОНСТАНТИН ФЕДОРО-
ВИЧ КУЛАКОВ:

1. Лесоведам страны нужны семена раз-
личных деревьев и кустарников. Собирай-
те желуди, сосновые и еловые шишки. Из
килограмма семян сосны и ели можно
вырастить два миллиона сеянцев.

2. Огородите в лесу все муравейники.
Если муравейников мало, лесники помо-
гут вам расселить их, как это сделали ре-
бята из села Головацкого.

3. Приготовьте для лосей, косуль, оле-
ней побольше осиновых, ивовых, рябино-
вых веток. Зимой копытные животные
нуждаются в корме.

Это, ребята, важная работа. Постанов-
ление Верховного Совета СССР «О мерах
по дальнейшему улучшению охраны
природы и рациональному использованию
природных ресурсов» обращено к каждо-
му из нас. И к юным лесоведам, которые
работают в школьных лесничествах (их в
стране около четырех тысяч), и ко всем
читателям «Пионера».

Инна ЗАГРАЕВСКАЯ

Лесосплав

Леса розового плот
По реке пускают вплавь.
С темной елью пополам
Заскользил сосновый флот.

Ему, бревна — вместо палуб,
Ему волны — пар и парус.
Ему воля Чусовой —
И матрос и рулевой!

По скользящему пути
Тяжело ему идти.
Бревна сбитые устали,
А привал — лишь на Урале...

Иван КОЖОХИН

ПОД ЛЕДЯНЫМ ЗАМКОМ

РАССКАЗ

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.

На той поляне в лесу, где стожок сена стоит, огороженный заборчиком из лапника, на березах тетерева беспокойно переговариваются, длинные шеи вытягивают, переступают по веткам, насторожились. Опушкой матерый лось идет. Днем лоси спят, а этот бродит. Верно, к непогоде в лес глубже забирается. Ушами поводит, прислушивается, влажными ноздрями ветерок ловит. Запах срубленных осин учуял — и туда. Слышал накануне стук топора и не ошибся!

Ветер в вершинах гудит, мокрый снег охапками кидает, а внизу, у земли, утихонивается, глохнет. Снежинки меж веток плавно кружатся, ложатся одна к одной, слипаются, прикрывая белой попоной свежие срезы пней, поленницы, спину лося и комолую голову над осиновыми ветками...

Не спит старый черныш Терентий, ворочается в снеговой постели, прислушивается к непогоде наверху. Хорошо в мороз да в метель под снегом отлеживаться, сны о весне да лете под вой бури смотреть. А ему не спится, за стаю болеет. Не по душе ему стон деревьев в ночи и вой ветра. Не ко времени оттепель в феврале. Заснул чутко, вполуха.

Проснулся тетерев в снеговой постели, потянулся, косточки расправил. Слышит, во-

рона над лесом летит, каркает, значит, подниматься пора. Любит он первым, свечой из-под снега взлететь, новый день встречать. А за ним и вся стая. Взвихряются над поляной, что фонтаны, снежные россыпи от тетеревиных крыльев, загорятся снежинки радугой и осадут. А тетерева уже на березах, будто головешки черные. Зобы пустые почками набиваются. Нежатся на солнышке.

Но сегодня березы стоят одинокие, пригнув ветки под тяжестью мерзлого снега. Всю ночь шел мокрый снег, а под утро мороз ударил и стальным панцирем заледенил снег. Все тетерева в снегу под ледяной коркой, будто в склепе заживо замурованы. Черныш головой в крышу раз ударил, еще... Тщетно. Слышит, рядом другие тетерева бьются. Но не выбраться чернышам из-под снега...

*

Старый колхозный конюх Андрей Антоныч встает без будильника — привык. Еще затемно со скотного двора выехал. В лесу сумерки предрассветные, тишина. Деревья стоят притихшие, отрешенные, в белых накидках из снега. Солнышко выползло морозное, красное и словно розовой волной макушки берез да елей окатило, а понизу, на снегу, еще синева.

Сидит Антоныч в санях, пальцами, от табака желтыми, сигарку крутит, по сторонам поглядывает. Скрипят полозья по снежной наледи, поют. Застоявшаяся кобыла грустит лесной дорогой, от заиндевшей морды ее парит.

Второй месяц Антоныч на пенсии, но и дня не провел он без дела. Хозяйка шумит: «Отдохнул бы с недельку, чай, заработал». Улыбнулся Антоныч, вспомнив, как прошлый год местком дал ему путевку в санаторий. На пятый день Антоныч сбежал: какой отдых без дела, намерен он дрова пилил, делянка вон она, за елками, а сегодня вызвался сено совхозное из леса вывезти. Поленницы стоят одна к другой, снегом припорошенные, а чуть в стороне на поляне — стог сена. Проехал Антоныч мимо поленниц, да что-то Цыган там учуял. Цыган — щенок, года нет. Бегают меж поленниц, визжит, из стороны в сторону бросается. Поглядел Антоныч за поленницы, где ветки осиновые в кучи свалены, и замер. У одной, словно столб рыжий, застыл лось. Не хочет по ледяной корке бегать, шкуру на ногах резать — ждет, может, сани стороной проедут. Так бы оно и было, да пес зверя заметил и голосом визгливым взбаламутил лесную тишь.

Взметнулся лось на дыбы, развернулся и, высоко вскидывая длинные ноги, круша ледяную корку, через поляну, где под снегом тетерева замурованы, иноходью пошел.

Слышит Терентий в своей темнице лай далекий и топот ног, ломающих наст. Замер, затаился, ждет, ближе, ближе топот. Когда вокруг со звоном зазмеились трещины, напружинился, сжался и вместе с грохотом ло-

мающихся над головой льдин взметнулся ввысь.

Лось взвился испуганно и в два прыжка скрылся в ельнике. А на снегу остался смятый комок перьев. Подбежал Цыган, остановился, примолк, а тут и Антоныч подошел, запыхавшись, припадая на больную ногу. Птицу подбитую в руки взял.

«Угораздило, милый, тебя», — оглаживая перья, сказал он. В яму от лосиного следа заглянул, а там под толстой, в палец, ледяной коркой — разрушенная спаленка с желтыми комочками на дне.

Антоныч озабоченно оглядывал поляну. Третьего дня два десятка тетеревов на берегах насчитал, неужто все там, под снегом. Озабоченно притопнул здоровой ногой, и что-то зашелестело под снегом. Цыган прыгнул туда и ожесточенно заскреб снег. Антоныч очертил круг топором и прорубил наст.

Обдав человека и собаку снежной пылью, взвихрился черныш и растаял в голубом предвесеннем небе. Взвизгнул Цыган, отскочил.

Снова лает Цыган, снег царапает. Антоныч возле него новый круг чертит. С каждым снежным фонтаном светлеет его лицо, разглаживаются морщины, а вот больная нога совсем перестала слушаться.

После двадцатой разрушенной западни стоять он уже не мог. Сел прямо на снег и, утирая рукавом потное лицо, подумал: «Нет, не зря трудился! На весенней зорьке не один концерт послушаю». Рядом лежал Цыган, зализывая порезанные лапы...

Не лесник он был, не егерь, а просто старый солдат, которого в войну вот так же случайно откопали в рухнувшей от бомбежки землянке оружейники, собиравшие винтовки погибших. С тех пор и донимает его нога. ★

ПЕКТОРАЛЬ,

ИЛИ

ПОВЕСТЬ

О

скифском
кургане

Г. ФАЙБУСОВИЧ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Представьте себе степь. Вообразите бесконечную, безбрежную равнину — и ничего впереди, кроме далекой гряды холмов да труб какого-то завода, еле видно курящихся на горизонте. Изредка прогудит в вышине самолет, поднимется с придорожного камня, хлопая крыльями, орел-могильник, которого вы и не заметили, пока он сидел, — и снова тишина, зной, звон цикад, лиловое марево над горизонтом и сухой и горячий ветер, пахнущий полынью.

А теперь представьте себе, что мы с вами живем не в двадцатом веке, а две с половиной тысячи лет назад, когда не было ни заводов, ни самолетов, по дорогам не проносились автомобили да и самих дорог не было. Что мы увидели бы в степи? Все тот же синеватый волнующийся ковыль, все то же бледно-лиловое небо. И курганы. Эти курганы, похожие на мохнатые спины каких-то огромных, ушедших в землю животных, появились в незапамятные времена.

Гостеприимное море

В ту далекую эпоху в причерноморских степях, на юге нашей страны, жил таинственный кочевой народ. Люди эти не знали грамоты, не умели писать. Язык их давно исчез, и мы теперь даже не знаем, как они себя называли. Но память о них не исчезла. Мы называем их скифами.

Такое имя им дали греки.

...Примерно двадцать семь веков назад греческие мореплаватели высадились на берегах неизвестной земли, омываемой Черным морем. Когда первая трирема — так называли греки свои парусные корабли, на которых сидели гребцы и гребли толстыми, как бревна, веслами, — вошла в узкую бухту, когда смуглые, чернобородые моряки с копьями в руках спрыгнули в воду и певучая эллинская речь впервые огласила прибрежные скалы, ей ответило только эхо. Земля казалась необитаемой.

Гуськом, раздвигая колючий кустарник, греки поднялись по обрывистому склону и оказались на открытой площадке; позади них сверкало и дымилось утренним паром море. А впереди, сколько хватало взгляда, расстилалась ровная, зеленая и голубая степь.

Мы не знаем, как произошла первая встреча пришельцев с коренными жителями степей, ибо край этот все-таки был не безлюден. Но когда древнегреческие колонисты стали заселять берега Эвксинского, то есть Гостеприимного, Понта (так окрестили они Черное море), им пришлось познакомиться со степными соседями. Соседи показали им дикарями. Насколько сами греки были привязаны к морю, не мыслили своей жизни без его вечного шума, без соленого ветра и хлопанья полотняных парусов, настолько скифам был чужд корабельный промысел и непонятна любовь к морской стихии. Веками они скитались по степи, не ведая числа своим стадам, не зная предела своей пустынной, однообразной и дурманящей запахом трав земли.

Понемногу между степными племенами и жителями греческих колоний завязалась торговля. Греки продавали кочевникам оружие, золотые и серебряные украшения, оливковое масло, вино. Скифы везли им зерно и кожи. По волнам Гостеприимного моря в Грецию шли корабли, груженные пшеницей. Колонии богатели, постепенно на берегах вырастали города.

Курган

То, о чем я хочу рассказать, произошло летом прошлого года на Украине, в окрестностях города Орджоникидзе. Он окружен залежами марганцевых руд, и, когда приступили к их разработке, выяснилось, что нужно разрушить большой холм, который стоит на подступах к городу.

Но оказывается, это не просто холм, а древний курган. Под такими курганами кочевники хоронили когда-то своих вождей. Прежде он стоял среди голой степи, а теперь оказался на городской окраине. Ему без малого две с половиной тысячи лет.

По законам нашей страны ни один такой памятник нельзя трогать, пока его не исследуют ученые. В Орджоникидзе приехала экспедиция из Киева — археологи, ученики известного знатока скифских древностей профессора А. И. Тереножкина. И вот во время раскопок было сделано удивительное открытие.

В самом холме ничего особенного не было. Холм разгребли бульдозером, а когда добрались до его основания, пришлось действовать более осмотрительно. За тысячи лет земля под курганом спрессовалась, и только по еле заметным следам черной земли археологи определили, где находится вход в погребение.

С большим трудом через узкий колодец удалось проникнуть в погребальную камеру. Свод грозил обвалиться; пришлось крепить его деревянными подпорами. В камеру провели электричество, а затем и полевой телефон. После этого приступили к осмотру.

Это была комната высотой около двух метров. В углах блестела сырость от просочившихся откуда-то грунтовых вод. А на полу лежал тот, кто когда-то мчался по степи верхом на коне впереди своей дружины. Лежало то, что от него осталось.

Одежда истлела, сохранились только железные чешуйки панциря. Возле черного, как земля, черепа стояла потускневшая серебряная чаша. Немного дальше на земле лежал короткий изъеденный ржавчиной меч.

Подумать только, человеческая рука сжимала этот меч двадцать четыре века назад! Но не только меч — каждая мелочь, подобранная в могиле, какая-нибудь пряжка с выдавленным на ней контуром зверя, позеленевшая уздечка были неоценимой находкой для науки. Мелочь была очищена от земли и бережно упакована.

Между тем приближалась осень. Пора было заканчивать раскопки. Под конец решили еще раз обследовать склеп. Копнули в одном месте, копнули в другом. И вдруг на дне ямки что-то блеснуло.

Три полумесяца

Я отправился в Киев. В руках у меня был саквояж с дорожными принадлежностями и книгами по истории древнего мира, а в кармане лежало удостоверение, в котором говорилось, что я еду по поручению журнала «Пионер» разузнать о находках в скифском холме.

Институт археологии оказался в центре города. Я вошел в вестибюль, отыскал дверь с надписью «Скифский отдел», и... тут меня ожидал первый сюрприз. Дверь оказалась закрытой изнутри на цепочку.

Мне открыл розовощекий милиционер. Вежливо, но настойчиво меня попросили предъявить документы. Почему-то эта комната находилась под бдительной охраной.

И вот я вошел и увидел целый штабель ящиков и коробок, и шкафы, где хранилось оружие скифов, и стоявшую в углу узкогорлую античную вазу, всю склеенную из кусочков, и посреди комнаты под стеклом — квадрат бурой глины с вросшими в нее останками человека. Их привезли сюда вместе с землей, в полной сохранности.

А потом я повернул голову, и мне все стало понятно: зачем милиционер, почему цепочка. Я понял, что не напрасно ехал.

На столе, на красной бархатной подушке, лежала — как бы это сказать — серьга. Бывают такие серьги наподобие полулуний. Но эта была гораздо больше. Пожалуй, она была величиной с большое блюдо.

Пораженный, я не мог оторвать от нее глаз. Тремя рядами по полукругу от одного конца до другого шли фигурки: люди, птицы, животные... Между ними вились травы и росли цветы. Крохотные, вполпальца, свирепые звери вскакивали на спины степных лошадей, лев охотился на вепря, собака гналась за зайцем. Посредине два воина шили из шкуры зверя рубашку, а рядом пастух, подоив овцу, затыкал крынку пучком травы. И все это можно было уместить на двух ладонях.

Ни следов ржавчины, ни вмятин... Творение неизвестного мастера, почти два с половиной тысячелетия пролежавшее в земле, нисколько не пострадало. Потому что все — и фигурки, и львиные пасти на концах серьги, и витые пояски, которыми отделены были друг от друга три полумесяца, — все это было отлито из чистого золота. Как и двадцать четыре века назад, оно сияло красноватым, вечным, таинственным блеском.

Рассказ Диодора

Что же это за штука?

Кто ее сделал? Что она означает? И кто был человек, возле которого она пролежала в земле целую вечность?

Эти вопросы я задавал Алексею Ивановичу Тереножкину.

Я мог бы задать ему еще десяток подобных вопросов, но и этих было достаточно.

Он отвечал кратко.

— Тот, кто погребен под курганом, — сказал он, — был, наверное, скифским вождем. Быть может, он был убит в бою. Об этом говорит нам луновидное ожерелье. Оно служило знаком воинской доблести.

И тут ученый произнес незнакомое мне слово: пектораль. Пектораль — от латинского «пекторалис», то есть нагрудная. Значит, эту луну носили на груди, она висела на ремешке, и, когда всадник гарцевал на коне перед соплеменниками, она, должно быть, сверкала так, что больно было смотреть.

— Вероятно, ее сделали в одном из греческих городов на берегах Понта, скорее всего в Пантикапее. В IV веке до нашей эры там находились знаменитые ювелирные мастерские. Оттуда она была продана скифам...

А дальше что?

А дальше никто ничего рассказать не мог. Потому что никаких подробностей об этом нет. Греческие историки ни о чем таком не упоминают, а сами скифы не оставили нам никаких записей по той простой причине, что у них не было письменности.

Поздно вечером я вернулся в гостиницу. Тайна золотой пекторали не давала мне покоя. Я раскрыл старую книгу. Это было сочинение Диодора Сицилийского, который жил две тысячи лет назад.

В эту ночь я прочел рассказ Диодора о том, как боспорский царевич Евмел спорил с братом, кому царствовать в Пантикапее, и как в споре ему помог могущественный вождь скифов.

На другой день я снова пришел в институт. Я смотрел на мерцающую золотую серьгу, вглядываясь в бородатые, серьезные лица скифов и внезапно почувствовал, как в ушах у меня рождаются странные звуки. Дробный топот копыт, далекое конское ржание словно донесли до меня из тьмы столетий. Я услышал воинственный звон доспехов. Степной каленый ветер шевельнул мне волосы...

Я поднял голову. Милиционер читал газету, кто-то из археологов прилежно разглядывал в лупу потемневший обломок царского меча. Никто не обратил на меня никакого внимания. То, что я ощутил, было странно и поразительно. Это было чудо. Но я не удивился. Потому что это было чудо искусства.

Предсказатель

Двадцать четыре века назад в степи стрекотали цикады и все было такое же, как теперь: так же вставала над холмами луна и по небу медленно проплывали планеты.

Перед рассветом край неба позеленел, и ненадолго повеяло прохладой. В лагере Евмела стояла мертвая тишина. В полутьме светлели ряды палаток, между ними стояли стре-

ноженные кони, положив морды друг на друга. Чуть подальше, на холме, дотлевали остатки костра; там расположилась караульная стража.

В центре лагеря перед большой палаткой застыл с копьем в руке рослый охранник. Его товарищ, помоложе, сидел на земле, уронив голову на грудь.

На столе, на красной бархатной подушке, лежала серьга. Три ряда от одного конца до другого шли фигурки: люди, птицы, животные. Между ними росли травы и цветы...

— Эй,— сказал стражник вполголоса и толкнул спящего ногой; тот вскочил, оба встали навытяжку, задрав подбородки.

Какой-то человек слез с лошади и вошел в палатку в сопровождении раба.

В палатке за столом перед масляной свечей сидел Евмел — младший сын боспорского царя Перисада. Год назад Перисад умер при загадочных обстоятельствах.

Лепесток огня вздрогнул — на пороге стоял раб.

— Впусти,— сказал Евмел.

Слуга исчез. Пригибаясь, вошел седобородый человек, закутанный в плащ.

Евмел поднял на него светлые глаза.

— Хайре,— сказал старик по-гречески и поднял руку.— Радуйся, царь.

— Привет и тебе.— Евмел усмехнулся.— Только почему ты меня называешь царем?

Старик ответил:

— Я знаю, что говорю, о царь.

— Знаешь ли ты, зачем я тебя звал?

— О, разумеется.

Евмел хлопнул в ладоши, вбежавшему рабу велел принести все необходимое. А бородатому гостю сказал:

— Можешь ли ты обещать мне, что скажешь всю правду?

Старик низко свесил в поклоне лысую голову.

— Милость боспорских владык безгранична... — начал он.

— Ладно,— перебил его нетерпеливо Евмел.— Получишь все сполна... Впрочем, что касается владыки...— Он снова усмехнулся.— Кто знает?..

Старик метнул из-под седых бровей пронзительный взгляд на Евмела.

— Царь! — сказал он укоризненно.— Кто не верит прорицателю, тот не верит богам.

Вместо ответа Евмел молча воздел ладони. Вошел раб, неся большую чашу с водой. Потом вернулся с воском, лучинками, по знаку прорицателя прилепил воском тонкие лучинки к краям чаши. Затем его как бы сдуло ветром.

— В добрый час! — сказал прорицатель.

Он зажег одну за другой все двенадцать лучинок. В палатке стало светло. На лбу у старика сияли капельки пота.

— Боги велют тебе сесть в седло, Евмел,— сказал он торжественно, устремив на кольцо огней слезящийся взгляд.— Боги приказывают обнажить меч. Взгляни!

Боспорский царевич заглянул в чашу с водой.

— Видишь ли ты там чье-то лицо? Узнаешь его?

— Узнаю,— сказал Евмел.— Это мой отец Перисад.

Он был почти уверен, что видит его.

— Твоего отца отравили,— сказал прорицатель.— Его отравил твой брат Притан, чтобы захватить власть. Иди войной на Притана, соединишься с зеленоглазым вождем варваров, и вы одержите победу! Но знай, о царь...

— Довольно,— сказал Евмел. Он встал, властным жестом отстранил прорицателя.

Хитрый старик угадал его мысли. Да, именно это хотел от него услышать Евмел. С

детских лет он мечтал о власти. Теперь час настал: он захватит Пантикапей. И без всяких пророчеств он был уверен, что одолеет Притана. Но пусть это гадание услышит тот, кто сейчас находится здесь, рядом, за пологом, прикрывающим заднюю часть палатки. Пусть он знает, что боги на стороне Евмела!

Угольки с шипением падали в воду. Нескольким обгорелых щепочек еще тлело над чашей, остальные погасли.

Прорицатель исчез...

Клятва

Евмел подошел к пологу и отдернул его.

За занавеской стоял высокий человек, заросший густыми волосами, в панцире из кожи с металлическим набором и в кожаных, обшитых железными пластинками штанах.

Странное и немного жуткое впечатление производили его глаза. Правый глаз был обыкновенный, а левый, широко раскрытый, мерцал каким-то непонятным зеленым светом.

Он шагнул к столу — железные бляшки на его доспехе зазвенели — и сел, отодвинув локтем светильник. Теперь было видно, что в пустой глазнице вместо глаза у скифа был вставлен драгоценный камень.

— Ну? — спросил Евмел. — Слышал?

Человек с зеленым глазом медленно покачал головой. У представителей его племени это означало согласие.

— Боги за нас, — сказал Евмел. — Почему ты колеблешься?

Предводитель скифов молчал, и Евмел принялся ходить взад и вперед по палатке.

— Послушай, Горгосар, — сказал он, остановившись. — Не далее как завтра я объявлю себя архонтом Боспора. Я свергну брата. Но мне нужна твоя дружба. У меня мало войска, а скифы — лучшие всадники в мире... Клянусь тебе, Горгосар, ты не пожалеешь о том, что помог мне.

Тяжелая фигура вождя зашевелилась. Хриплый голос произнес:

— Сколоты¹ брали дань с Боспора, когда там правил Перисад. Они сумеют получить свое и от Притана.

— Да, — быстро ответил Евмел, — но всегда останутся для него врагами. А мы с тобой будем как братья.

Он подошел к Горгосару и взглянул на него в упор своим обволакивающим взглядом. Заговорил вкрадчиво:

— Кто знает о вожде сколотов? Одни сколоты... А с моей помощью ты станешь царем над всей Скифией. Ты будешь владеть степями, я — побережьем. Вся Меотида, весь Понт будут наши!

Сказав это, Евмел ударил в ладоши.

— Поесть, — сказал он рабу. — И побольше вина.

— Нет, постой, — сказал Горгосар, исподлобья метнув зеленую искру в боспорца. — Вы, понтийцы, лукавый народ... Вы сегодня говорите одно, завтра — другое. Дай мне клятву, что не обманешь. — Он показал на раба. — Пусть принесет сосуды с вином.

Слуга принес сосуды с вином. Горгосар выпрямился, пристально посмотрел на боспорца.

— Клянусь, — сказал он медленно, — что буду верен тебе, как брат, не изменю в бою, не брошу в беде. Клянись и ты.

Вынув меч-акинак, он окунул его сначала в свою чашу, потом в чашу царевича. Таков был обычай предков.

Евмел следил за скифом, подавив усмешку. «Дикарь! — думал он. — Верит в честное

¹ Сколоты — одно из скифских племен.

*Фракийцы, спешившись, посыпались через овраг...
Туча стрел взвилась над ложиной. Вслед за ней
рунулась скифская кавалерия.*

слово...» Ему припомнилась строка эллинского поэта: «Язык клянется, а душа молчит...»

Вслух Евмел сказал:

— Агатэ тухе! (В добрый час!)

Стрела Горгосара

В тот год лето выдалось на редкость жарким. Трава дымилась на корню, и запах гари тревожил лошадей.

С вершины холма Горгосар обзирал равнину. Густые длинные волосы свисали у него из-под шлема, ноздри раздувались, рука сжимала повод, и, как всегда перед боем,

Горгосар чувствовал, как все тело его напряглось в ожидании, точно стрела, готовая сорваться с натянутой тетивы. Ах, не все ли равно, за кого воевать! Лишь бы испытать снова это счастье бешеного полета и услышать под собой стремительный стук копыт! Конь понимал своего хозяина, и, косясь фиолетовым глазом, мотал головой и коротко всхрапывал.

Широкая лощина тянулась через всю выгоревшую на солнце степь, как бы рассекая ее пополам; должно быть, когда-то давным-давно здесь была река. Овраг густо зарос травой.

Вдоль оврага по эту сторону выстроилось войско Евмела. У подножия холма стояла дружина скифов.

А по другую сторону лощины все было ровно и пусто. Цепь холмов замыкала равнину. Оттуда ждали врага.

Внезапно в рядах бойцов произошло движение. Со стороны лагеря к оврагу неслись пять или шесть всадников. Горгосар узнал Евмела, скакавшего впереди. Пурпурный плащ бился у него за спиной, на голове сверкал шлем, украшенный перьями.

Евмел подъехал к первой шеренге, он что-то кричал своим наемникам, и войско отвечало ему дружным ревом.

Но вот что-то произошло вдали, по ту сторону лощины; казалось, бурные от зноя склоны холмов зашевелились. Вскоре стало видно, что с холмов стекает сплошная людская масса. Можно было различить колеблющиеся ряды щитов, равномерно вздымающиеся ноги в поножах. Солнце вспыхивало на гребнях шлемов. Это шла греческая пехота.

В этих ровно шагающих рядах чувствовалась непобедимая мощь. В бою греческие солдаты держались все вместе. А когда начиналась рукопашная, гоплиты становились по двое спиной друг к другу, и к ним нельзя было подступить.

При виде врага рев по эту сторону лощины усилился. Евмел все еще крутился на коне перед войсками, но плаща на нем уже не было, и шлем был низко надвинут на глаза.

Спустившись с холмов, греки замедлили шаг. Затем передние ряды гоплитов расступились, и оттуда не спеша выехал толстый, тяжеловесный всадник в богатом уборе. Короткие ноги его торчали по обе стороны седла. Рядом с лошастью с кубком вина шел пеший слуга, а следом гарцевал на тонконогой кобыле мальчик-щитоносец.

Все это означало, что на бой с мятежным братом выехал сам правитель Боспора Притан.

Солнце расплавилось в зените; в стеклянном небе не видно было ни облачка. Хмурые сколоты застыли в седлах. Фигура Горгосара неподвижно возвышалась на холме. Он смотрел туда, где навстречу Притану мчался всадник в шлеме с колыхающимся пучком белых перьев. В мгновение ока Евмел исчез в ложбине и появился на той стороне. Братья сошлись в середине площадки, и поединок начался.

Притан выпил вино и швырнул кубок в брата.

Оба сшиблись на полном скаку, и тотчас меч был выбит из рук Притана. Притан поднял над головой секиру; некоторое время всадники, загородившись щитами, крутились друг перед другом, затем лошадь Евмела с пронзительным ржанием отскочила в сторону. Евмел лежал на земле, оглушенный ударом секиры, а Притан неуклюже вылезал из седла, чтобы прикончить брата.

Поднялся страшный шум. Фракийцы, спешившись, посыпались через овраг. Гоплиты грозно потрясали копьями. В это мгновение зеленоглазый вождь скифов вскинул свой лук. Прищурился уцелевшим глазом.

И не успел правитель спрыгнуть на зем-

лю, как стрела Горгосара, просвистев над оврагом, воткнулась ему в грудь. Притан сполз с лошади, он умер мгновенно.

Горгосар захохотал. Туча стрел взвилась над лощиной и накрыла гоплитов. Вслед за ней от подножия холма с воплем, с гиканьем ринулась на них скифская кавалерия. Впереди скакал рослый воин, вознес короткий меч, свирепо и радостно сверкая немигающим зеленым оком.

Знак вечности

День клонился к закату; оранжевое солнце низко висело над степью. В степи стояла кибитка. Вокруг сидели и стояли кучками люди. На кошмах лежали раненные. И царила странная тишина.

Словно не было боя и блестящей победы. Толпа угрюмо смотрела, как к кибитке подъехал Евмел. Все молчали. Архонт Великого Боспора слез с лошади и, оставив провожатых перед кибиткой, исчез внутри.

Он очутился в полутемной кибитке. Комнатка была увешана звериными шкурами. Сквозь оконце, затянутое бычьим пузырем, сочился розовый свет. Навстречу вошедшему поднялся человек в эллинской одежде, это был лекарь из Пантикапея. А в глубине комнаты на возвышении лежал вождь племени сколотов Горгосар с торчавшим в груди обломком греческой пики.

Евмел поднял брови. Лекарь, понизив голос, объяснил: обломок вынимать нельзя, ибо тотчас из отверстия раны хлынет кровь и жизнь покинет вождя.

— Оставь нас, — сказал Евмел.

Он подошел к Горгосару. Скиф лежал, укрытый до пояса овчиной, мертвый глаз его блестел в полутьме.

Евмел опустился на скамью перед ложем.

— О Горгосар, брат мой! — промолвил он. — Нам бы с тобой пировать победу, да видишь, как получилось. Однако верю, что ты исцелишься. Поручи себя воле богов и искусству опытного врачевателя...

В ответ Горгосар едва заметно усмехнулся. Он презирал эту манеру понтийцев говорить витиевато. Люди его племени выражались кратко. А греки точно старались околдовать собеседника своей вкрадчивой речью.

Он покачал головой. Боспорец знал, что это движение означает у скифов согласие. И все же ему показалось, что вождь не верит ему.

Евмел продолжал, стараясь придать голосу проникновенность:

— О, как хотел бы я разделить сегодня с тобой мою славу! Как хотел бы стоять вместе с тобой на акрополе!.. Но сейчас, мой Горгосар, прими мою благодарность...

Раненый оближал сухие губы. Медленно выговорил:

Этот знак власти оспаривали семь степных царей. Семь царей домогались права носить его...

— Ты обещал мне другое.

— Я обещал то, что обещал, — прошептал Евмел. И он распахнул одежду.

Что-то ярко блеснуло у него на груди. Боспорец поднял руки к затылку и развязал кожаный шнурок. После этого он снял с груди то, что висело, и, держа на ладонях, точно блюдо, протянул Горгосару.

Это было золотое полулunie необычайной красоты, украшенное львиными головами и тремя рядами фигурок людей, цветов и животных.

— Этот знак власти оспаривали семь степных царей, — сказал Евмел. — Семь царей домогались права носить его... Все они служили моему отцу Перисаду. Теперь этот знак бу-

дет твоим. Вот, взгляни... В верхнем поясе ты видишь пастухов, овцу, корову и кобылицу — это знак богатства и благоденствия. В нижнем поясе — грифоны, терзающие коня. Это знак силы. А посередине ты видишь цветы и травы. Это знак вечности...

Он возложил полулunie на грудь Горгосару, но при этом как бы случайно задел обломок копья, и раненый вздрогнул от боли.

Евмел оглянулся. Они были одни. В кибитке стало совсем темно, и только золотое полулunie тускло сияло на груди витязя.

Надо было решиться на последний шаг. Зачем ему этот вождь, более могущественный, чем он сам? Если Горгосар останется жить, он объединит всех скифов. Подчинит своей воле Боспорское царство. Этого допустить нельзя.

Никто не узнает, что произошло в кибитке. А если и догадается, то кто посмеет ска-

зять ему об этом вслух, ему, повелителю Боспора?!

Клятва? Плевать на нее!

Он наклонился над Горгосаром. Скиф по-прежнему неподвижно смотрел на него.

— Вечность,— повторил Евмел.— Хочешь знать, что такое вечность?!

Он все ниже склонялся над раненым. И вдруг, схватив торчащий обломок, вырвал его из распростертого тела.

Потом быстро вышел из кибитки.

Подбежавшим слугам Евмел объявил, что вождь сколотов, помрачившись рассудком, сам вытащил у себя из груди обломок пики.

Прощание с вождем скифов

Десять лунных ночей слуги и телохранители Горгосара рыли яму посреди степи, вели подкопы — строили подземный дом. Они вырыли могилу для вождя, для его коней и для самих себя: они знали, что уйдут вместе с ним.

На исходе одиннадцатого дня все было закончено.

И всю ночь скрипели по равнине скифские телеги. Кочевники съезжались со всех сторон верхом и в повозках с детьми, женами и стариками. Кругом на холмах пылали костры.

А когда рассвело, к месту погребения подъехала колесница, запряженная белыми быками. У быков были позолочены рога. На крутых шеях висели железные бубенцы, дабы звон их отгонял от повозки злых духов. В повозке лежал Горгосар.

Воплъ огласил равнину. Женщины рвали на себе волосы. Мужчины сидели на земле, разодрав одежды. Шестеро родовых старшин несли тело Горгосара к подземному входу. На груди вождя сияло золотое полулуние, он был в доспехах. Слуги несли за ним седло, нагайку, конский мундштук, боевой топор, лук и колчан со стрелами.

А потом началось длинное, нескончаемое шествие. Люди тащили в корзинах землю. Парами подходили и высыпали корзины. С холмов поплелись обозы, и каждая лошадь, мотая головой, тянула за собой волокушу с горкой свежей земли. Закат расцвел над степью, потом взошла луна, шествие продолжалось. Оно продолжалось на следующий день, и через неделю, и через месяц.

Все выше поднимался черный холм над могилой Горгосара. Люди шли и шли к нему, точно хотели с его вершины увидеть разом всю степь, весь необъятный простор скифского края и вдали — манящий, призрачный блеск Гостеприимного Понта, который мы теперь называем Черным морем.

Степан ЖУПАНИН

ГОРНЫЕ ТРОПИНКИ

Мы подружки-тропинки,
Горные тропинки,
Тонки, словно паутинки,
Гибки, как тростинки.
То бежим мы вниз в долину,
То спешим на гребень,
То, поднявшись на вершину,
Отдыхаем в небе.
То взбираемся на скаты,
Белые от пыли;
Нас давным-давно когда-то
Люди проторили.
И с тех пор в горах любое
Нам известно место:
Где ущелье и какое,
Что в нем интересно.
Где лежат луга с цветами,
Где ночуют птицы...
Потому и дружат с нами
Дети-верховинцы.
Ну, а если в скалах грозных
Заплутает кто-то,
Мы его к дороге нужной
Приведем в два счета!

ТРИ ВЕТРА

Как-то я
В горах у нас
Встретил ветры
В ранний час.
Первый был
Из кузни дальней.
Нес он звуки
Наковальни:
— Дзень-тук-дзень!
Дзень-тук-дзень!..
И проснулся
Белый день.
А второй,
Такой искусный,
Взял в пекарне
Запах вкусный,
По селу разнес, как мог,
Аппетит у всех разжег.
Третий ветер
В поле веял,
На раздолье
Жито сеял,
Там и песню
Разучил
И Карпатам
Подарил:
— Гей-ля-ля! Гей-ля-ля!
До чего же вы красивы,
Наши горные края!

Перевел с украинского
ИГОРЬ МАЗНИН.

Я и МОЯ СОБАКА

В прошлом году в пятом номере нашего журнала мы рассказали о мальчике Владике и его собаке Владе. И получили в ответ 1 573 рассказа о собаках (из них 23 очень грустных, 600 не очень грустных, остальные веселые).

Мы обещали напечатать лучшие рассказы. Оказалось, почти каждый из них — лучший. Мы печатаем (пока!) только несколько, но предлагаем время от времени собираться в «Пионере», чтобы поговорить о наших собаках.

Тебя мы ждем тоже. Приходи к нам на страницу вместе со своим Мухтаром, Пушком или Пальмой.

На этих страницах
собираются те,
кто любит собак.

Как собаку воспитывать?
Чем кормить?
Мы отвечаем
на любой
твой вопрос.

Чудо

Вместе с собакой
в доме появились...
трудности...
Приходи с ними к нам.

Сюда ты
можешь придти
со своей собакой,
даже если ее у тебя нет.

Щенок лежал на маминой ладони. Глаза у него были немного раскосые и очень блестящие, просто замечательные глаза. Мое сердце билось — начиналась новая, прекрасная жизнь обладателя собаки.

История эта уходит истоками в давние времена, когда мне было два года или еще меньше. Мне кажется, что мечта о собаке родилась вместе со мной и вместе со мной росла.

— Нет! — в ужасе говорила мама. — Собака в доме — это не игрушка. Она требует ухода, внимания. Этого требуешь и ты, ведь ты еще забываешь мыть руки без напоминаний. Вот будешь старше...

А потом появился брат, и все началось сначала. Год, когда брату исполнилось пять, а мне десять, был счастливым. Мы отдыхали в Киеве. И однажды мама сказала: «Сегодня на рынке я видела чудо, собирайтесь, пойдем». Так в нашем доме появился Степка.

Вопрос о породе был неясен. «Мать его болонка, а отец терьер», — объявила бывшая хозяйка. А нам было все равно, просто этот пес пришелся нам по душе. Порода — дело неглавное. Смешной, добрый Степка вытеснил в нашем доме все разговоры о догах, эрделях, спаниелях. Мы делали все: чесали, мыли его, кормили, давали рыбий жир. Сначала он перестал разъезжаться лапками на паркете (а когда мы его взяли, он не мог ходить по скользкому полу и лежал на нем, как маленькая шкурка), потом научился взбираться на невысокое кресло. И наконец он залаял, это был еще не настоящий лай взрослого пса, а просто тьяканье.

Утром Степе хочется играть, а мы еще спим. Он скулит, но мы спим. Он прыгает на кровать, а мы спим. Тогда Степа хватает тапки (по моему, все собаки равнодушны к тапкам) и ставит их на спящую маму. «Ура! Проснулись!» — радуется пес.

Начиналась новая, прекрасная жизнь
обладателя собаки...

Если Степка провинится, мама ставит его в угол. «А ну, марш!» — говорит она. И Степа ковыляет в угол и стоит там, уныло опустив голову. Знает он много разных штук: приносит мяч, прыгает через обруч, «умирает», ложась на спину и прижимая к себе лапы. Больше всех он любит нас с братом. Задолго до десяти часов, когда мы ложимся спать, он пробирается в нашу комнату, в самый дальний угол, и никакие силы не выведут его оттуда. Помочь может только швабра. Наш добрый Степа грозно рычит на нее, защищая свое собачье достоинство.

Лена ТКАЧЕНКО,
г. Кострома.

Барс и медведь

Я принесла его домой совсем маленьким щенком. А через год Барс (лайка) прекрасно знал свои обязанности на охоте, и папа взял его с собой в Уссурийский край. Когда они приехали, я не узнала Барса. Он был огромный, мускулистый, с умными, чуть злыми глазами, его шерсть стала густая и жесткая. А главное, он хромал на одну лапу.

На мой вопрос, что у Барса с лапой, папа ответил грустным рассказом.

С двумя охотниками папа пошел за белками и взял Барса. Уже темнело, а в руках была всего одна белка. Вдруг Барс остановился, зарычал, попятился назад. Охотники подняли ружья...

И вдруг выскочил медведь и большими прыжками двинулся на папу. Барс загородил ему дорогу. Два зверя на секунду замерли и кинулись друг на друга. Раздались выстрелы. Медведь свалился. А Барс, в крови, с оскаленными зубами, стоял над ним гордо. Держали его три лапы, а одну он поджал, так что ее не было

Они на секунду замерли
и кинулись друг на друга.

видно. Охотники подошли к медведю. Он был небольшой, но тогда от неожиданности показался громадным...

Папа больше не охотится с Барсом. Друзья, которые не знают эту историю, говорят папе:

— Купи другую собаку. Разве можно охотнику без хорошего пса?!

Но папа только качает головой.

Ира БОЛДЫШЕВА,
г. Харьков.

Вперед выпрыгнул Мухтар

Когда я принесла щенка, он не понравился ни моим родителям, ни соседям. К тому же думали, что Мухтар — овчарка, а он оказался помесью овчарки с дворняжкой.

Но к двум месяцам он уже знал команды «нельзя», «на место», «ко мне». А когда подрос, превратился в огромного, сильного пса серого цвета. У него мускулистые лапы и немного печальные, но очень умные глаза.

И вот однажды мы с подружкой пошли на железнодорожную насыпь. В нашем городе эта насыпь очень высокая. Я и Мухтар остались внизу, а Марина полезла вверх. Очутившись на краю насыпи, она захотела слезть, но не знала как. Я крикнула: «Слезай ползком!», — но она не расслышала и пошла шагом. Насыпь очень крута, Марина побежала, бежит — и не может остановиться. Вдруг упала и покатилась. Внизу, под насыпью, дорога, едут машины. Я не знала, как помочь Марине. Но тут вперед выпрыгнул Мухтар и грудью задержал Марину, не дал ей скатиться на дорогу. Марина была очень испугана и плакала.

Мы решили никому не говорить об этом: боялись, Марину будут ругать. Если бы мы рассказали об этом, Мухтара стали бы больше уважать. Теперь живет у меня ничем не примечательный молодой пес Мухтар, которого я очень люблю.

Дина ВАЙСМАН,
Николаевская обл.,
г. Первомайск.

Волга спасла меня

Когда моей собаке Волге исполнился год, мы отпраздновали это всей семьей. Мама приготовила ей очень вкусный обед. А потом я пошел с ней на реку купаться.

Однажды утром мы с Витей не смогли погулять с собаками и выпустили их одних на улицу. Обычно Зеро всегда следит за Августом: если Августошка уйдет далеко, Зеро приводит его обратно. В общем, Зеро как воспитатель. А тут прибегает испуганный Зеро и тянет Витю на улицу. Мы сначала ничего не поняли, а когда вышли на улицу, Августа нигде не было. Зеро стал нюхать землю. Неожиданно он бросился через ограду сада и побежал вглубь. Мы перелезли через забор, но потеряли Зеро из виду и начали плутать по саду. Наконец послышался лай Зеро. Подошли поближе и увидели: мужчина сидит на дереве и кричит: «Уберите сумасшедшую собаку!» А Зеро сидит под деревом и лает на «преступника», который хотел утащить Августошку. Из кустов послышался визг. Мы кинулись туда и вытащили Августошку. Август, видно, упал, когда мужчина лез с ним на дерево, и очень ушибся. Дома мы наложили Августу повязку. Через день он встал со своей постели и стал играть. Я купила колбасы и принесла Зеро. Когда я поставила возле Зеро миску с колбасой, он заскромничал и ушел в другую комнату. Через минуту из-за двери показались Августошка и Зеро. Они вместе подошли к миске и стали аппетитно уплетать колбасу. После этого случая Август перестал даваться в руки чужим. Август теперь не нуждается в воспитателе. Он стал самостоятельным.

Таня ПИКАНИНА
и Витя СМЕРНОВ,
г. Краснодар.

Наверное, все собаки
неравнодушны к тапкам...

Когда я заплываю далеко от берега, Волга начинает беспокоиться. Я зову ее, и она подплывает ко мне. И вот однажды я, как всегда, разделся и поплыл на середину реки, и вдруг попал в круговорот, и стал захлебываться. Волга увидела, бросилась в воду и поплыла мне на помощь. Наверно, невозможно было мне помочь, если бы не Волга. Она подплыла, я почувствовал опору и вскоре оказался на берегу.

Коля НИКИТИН,
Казахская ССР,
г. Целиноград.

Я стала для нее чужой

М айга попала к нам совершенно неожиданно. Один малыш взял у товарища щенка, не посоветовавшись с родителями, и они приказали

Август больше всего
любит печенье,
а Зеро — рожки.

Зеро — воспитатель Августошки

В итину овчарку зовут Зеро, а у меня той-терьер Август. Зеро и Август — друзья. Они вместе гуляют в роще, в саду и просто на улице. Хотя им всего по шесть месяцев, мы учим их собачьим премудростям, они уже понимают команды «сидеть», «стоять», «лежать», «барьер», «ко мне», «место» и «апорт». Август больше всего любит печенье, а Зеро — рожки. Если Августу не дашь после занятий печенья, он становится на задние лапки и начинает танцевать.

отнести его обратно. Рвущего малыша со щенком в руках встретили мы с папой. Я давно мечтала иметь собаку и вдруг — такой случай! Я упростила папу. Ухаживала за Майгой, учила ее некоторым собачьим премудростям. Я любила ее, и Майга платила мне тем же.

И вот однажды подруга пригласила меня на день рождения. Чтобы не тратить времени на прогулку, я отпустила Майгу погулять одну и села за уроки.

...Я была уже на другой стороне улицы, как послышался звонкий лай, прорывающийся сквозь шум машин. Мне словно ударило в голову: забыла вернуть Майгу с прогулки! Я в ужасе взглянула на дорогу. Моя милая, глупая Майга, прижав уши к голове, высунув розовый язык, бесстрашно неслась наперерез машинам.

Я зажмурила глаза от страха, а когда вновь открыла, то Майге уже ничто не угрожало. Посреди улицы стоял милиционер, одной рукой пытаюсь урегулировать нарушенное движение, другой придерживая виновницу беспорядка, которая слегка повизгивала и смотрела в мою сторону жалобными, округлившимися от страха глазами. Она звала меня. Сейчас мне это так ясно. Но тогда я лишь облегченно вздохнула: Майга спасена. Нужно было подойти к постовому, объяснить ему все, взять собаку, отвести ее домой. Но это заняло бы много времени, а в гости опаздывать не хотелось, и разговор с постовым обещал быть не из приятных. Я повернулась и пошла своей дорогой. Мне казалось, что ничего особенного не произошло. Майга вне опасности, мама скоро вернется с работы и заберет Майгу домой. Но по мере приближения к дому именинницы беспокойство становилось все более ощутимым.

В гостях я не пробыла и получаса. Извинилась и побежала домой. В подъезде прямо на холодном полу лежала Майга. Она не выразила никаких радостных чувств, как это бывало обычно, а отвернулась к стене. Я поманила ее сахаром, который всегда у меня для нее в запасе, но Майга не сдвинулась с места. До этого мне не раз приходилось ругать ее за шалости, даже довольно чувствительно шлепать. Но никогда, никогда Майга не отвечала мне так. Я потянулась к ней рукой — погладить. Она встала и отошла в сторону. Я — к ней, она — от меня. Она не выражала намерения укусить, просто не хотела меня замечать. Я была для нее чужая.

сн
ра
Та
ба
ко
ся
жи
как
о с
час
вос
и я

«Ну
греч
Акб
ще,
ему
стви
ше.

смешишь подергивая носом. Позавтракав, он минуты три валяется на своем коврике, подставляя толстенное брюшко солнечным лучам. Затем я говорю: «Гулять!» — и застегиваю ошейник на шее Акбара. Мы прощаемся с мамой. Я машу ей рукой, Акбар хвостом.

Сначала мы степенно идем по тротуару. Наконец я отстегиваю поводок. Что тут начинается! Снег летит из-под ног моего друга. Акбар ныряет в сугроб, выскакивает из-под снега в совершенно другом месте, раскапывает травинки, старается найти что-то под снегом, носится за мной, как угорелый, и оглушительно громко лает.

Как ни жалко прерывать его веселье, все же приходится это сделать. Начинаются занятия: «Вперед!», «Лежать!», «Барьер!», «Голос!»...

Дома я делаю уроки, а Акбар, лежа на своем коврике, чутко дремлет и ждет, когда я освобожусь.

Я возвращаюсь из школы, поднимаюсь по лестнице, из-за дверей доносится звонкий лай. Захожу в квартиру, ко мне бросается мой верный друг. Он лижет мне лицо, руки, скачет вокруг меня, ожесточенно машет хвостом и громко лает.

Но это мечты. Розовые, несбыточные... Собаки у меня нет.

Женя ЗЯБЛОВА,
г. Комсомольск-на-Амуре.

ПРОХОДНОЙ ДВОР

А. ТОЛМАЗОВ

РАССКАЗ

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

Витька жил на свете тринадцать лет и никогда на дуэли не дрался. Во-первых, дуэли давным-давно, еще при царе Горохе, были запрещены. А во-вторых, Витька считал это занятие недостойным серьезного человека.

Настоящие дуэли он видел только в кино и всегда удивлялся: как это взрослые и с виду вполне нормальные люди из-за пустяка становились друг против друга в двадцати шагах и стрелялись не из каких-нибудь ржавых пугачей, как в театре, а из самых настоящих боевых пистолетов?

Не менее отрицательно относился Витька и к гордому пережитку бескомпромиссности рыцарских времен — мальчишеским стычкам. Помериться силами Витька никому никогда не предлагал. Зато несколько раз был на волосок от вызова, но всегда ловко выкручивался: зачем, спрашивается, драться,

если все конфликты при определенном умении можно разрешить мирным путем?

Ни друзей, ни врагов у Витьки не было, со всеми ребятами в классе он поддерживал «дипломатические отношения». А нравился ему по-настоящему только Юра Андреев. Почему, Витька точно объяснить не мог, но после уроков он подстраивал так, чтобы идти домой вместе с Юрой. Однако, даже возвращаясь в одиночку, он избегал ходить коротким путем — по проспекту: иначе Юра мог догадаться, что Витька каждый день делает крюк специально для него.

Быть может, Юра привлекал Витьку своей независимостью? На чем держалась эта загадочная независимость Юркиной белобрысой личности, Витька решительно не понимал: Юра был несколько не выше и едва ли сильнее его, Витьки, которого никто из сильных мира сего никогда не принимал во внимание.

Несмотря на все Витькины ухищрения, Андреев на сближение не шел. Про свои дела Юра ничего никогда не рассказывал, никакими секретами не делился. Такое поведение Витька расценивал как недоверие и обижался.

История эта началась неожиданно. Однажды на большой перемене классная руководительница Алла Петровна отозвала Кольку Потапова, весьма уважаемого в 7-м «б» за свои кулаки человека, и сообщила ему, что, по некоторым данным, магний в химическом кабинете стащил вчера именно он, Колька Потапов, по прозвищу Крокодил.

Крокодил сделал квадратные глаза: какой магний?

Но через минуту он уже метался по школе в поисках приятелей; столь быстрое разоблачение отнюдь не входило в его творческие планы. После уроков в школьном дворе было созвано экстренное совещание.

— Ясное дело, кто-то накапал! — громко возмущался Вовка Трунин, первый приятель Крокодила. Он принадлежал к тому разряду деятелей, которые всегда охотно записываются в адъютанты к самому сильному человеку в классе.

— Накапал... Тоже мне Америку открыл, — презрительно усмехнулся Потапов. — Ты скажи лучше, кто?

После шумной и бестолковой дискуссии кто-то предположил: информация просочилась к учителям через Андреева. Вернее, про магний Алле Петровне скорее всего донесла Танька Михайлова, с которой Андреев на зависть некоторым уже два месяца открыто дружит и даже бывает у нее дома под предлогом пригласения уроков.

Витька задержался в библиотеке, и когда, открыв ногой тяжелую школьную дверь, вывалился с распухшим портфелем во двор, компания уже сформулировала свой оконча-

тельный, не подлежащий дальнейшему обсуждению приговор: срочно поймать «закладчика» и... В общем, все было ясно!

— Где Андреев? — строго спросил Крокодил.

— Что я, доктор? — ответил Витька и попробовал проскочить в калитку.

— Видали нахала? Как ты разговариваешь со старшими?! — притворно изумился Вовка Трунин и схватил Витьку за руку.

— Как я разговариваю? Нормально разговариваю, — попытался вырваться Витька, но подоспело подкрепление, его уже держали в десять рук.

— Ладно, отпустите его, — неожиданно приказал Крокодил и, заметив, что Витька не трогается с места, пренебрежительно добавил: — Скройся с глаз!

Обеспокоенный Витька поплелся домой кратчайшим путем, ругая себя за то, что слишком нахально ответил Крокодилу. Кто-то, а он хорошо знал: это может иметь весьма неприятные последствия.

С компанией Крокодила отношения у Витьки были сложные. Иногда на переменках ему удавалось удачно подхихикнуть или вставить несколько слов в общий разговор. Но обычно его открыто не замечали. Тогда, проглотив обиду и сделав вид, что его ждут неотложные дела, Витька отходил в сторону.

Крокодил «диктатура» установилась в классе в прошлом году после «Дня здоровья». В яркий, первый по-настоящему весенний день всей школой ездили в Парк культуры и отдыха. Там, возле летнего театра, вездесущий Вовка Трунин обнаружил старичка в выдавшем виде пиджаке и старомодном черном берете в окружении ростомера, весов и прочих таинственных приборов. Старичок суетился, колдовал над приборами, размахивал руками и кричал, призывая пополнить содержимое висящей у него на груди внушительной денежной сумки. Мальчишки долго колебались, трясли по карманам мелочь, но искушение помериться силами оказалось сильнее желания съесть мороженое.

Крокодил оказался круглым чемпионом. Никто не сумел опередить его ни в ручном, ни в ножном силовом, а блестящий цилиндр аппарата для измерения объема легких, к всеобщему удивлению, усилиями Крокодила влез просто на удивительную высоту. Разумеется, в способностях Крокодила никто не сомневался и раньше, но отныне его превосходство получило реальное математическое воплощение в килограммах и кубических сантиметрах.

О «диктатуре» было известно учителям, но придаться к Потапову было трудно: кулаки свои он обычно в ход не пускал. Одно-единственного выразительного взгляда было вполне достаточно, чтобы не очень уверенная в своих силах жертва оказалась в глубоком нокауте. По всем предметам Крокодил

перебивался с хлеба на квас, но на всяческие проделки был мастер. При этом попадался он редко: учителей вводили в заблуждение прозрачно-голубые, глядящие всегда прямо на собеседника Колькины глаза. Глаза эти удивительным образом менялись в зависимости от обстоятельств. Невинно-мягкие при разговорах с учителями, они становились колючими и жесткими, когда Крокодил распоряжался своими адъютантами.

✱

Придя домой, Витька наскоро перекусил и решил, что пропустить из-за какого-то Крокодила тренировку по гимнастике просто глупо. Ведь если бы известные спортсмены занимались по настроению, они никогда не стали бы чемпионами. Витька принялся неторопливо собирать спортивную сумку, тщетно пытаясь разгадать, зачем Крокодилу понадобился Юра и что за секрет обсуждался в школьном дворе. От этих размышлений Витьку оторвал телефон.

— Спортсмен? — спросила трубка и, не дожидаясь ответа, добавила: — Что делаешь?

— На тренировку собираюсь, — ответил Витька.

Он сразу догадался, что звонит Трунин: никто, кроме Крокодила с Труниным, его «спортсменом» не называл.

— Понятно, — сказал Вовка и после паузы добавил: — Выйди во двор на пять минут.

— Я и так сейчас выхожу, — буркнул Витька, схватил сумку и, подумав: «Неужели о́ить будут?» — полетел вниз по лестнице.

Выскочив из подворотни на улицу, Витька остановился. У телефонной будки мялся мрачный Крокодил в обществе Трунина. Витька похолодел. Ощупав Витьку испытующим взглядом, Крокодил спросил:

— Можешь вызвать сюда Андреева?

— Сейчас не могу, на тренировку опаздываю, честное слово.

Крокодила такой ответ, очевидно, удовлетворил. Он прикинул и сказал:

— Тогда встретимся здесь в шесть, позовешь его гулять. Понял?

Витька кивнул и помчался к трамвайной остановке, довольный тем, что удачно отвертелся.

Но пока Витькин трамвай-неудачник, подолгу застревавший на самых незначительных перекрестках, тащился до спортшколы,

— А ну-ка, Спортсмен, подь сюда!..

Витька пришел к выводу, что никаких причин для радости нет. Ведь для того, чтобы выклянчить отсрочку, он, как последний идиот, в принципе согласился вызвать Юру во двор. А в том, что Крокодил с Труниным намереваются выманить Юру из дома не для того, чтобы сыграть в «казаки-разбойники», Витька не сомневался. Нужно было срочно что-то предпринять и, главное, предупредить Юру, чтобы он не выходил на улицу.

Выпрыгнув из трамвая, Витька направился к телефонной будке. Первый автомат щипался током. Витька с досады хлопнул дверь, перебежал улицу и, нырнув в будку около булочной, дрожащими от волнения руками набрал Юрин номер. В трубке безнадежно пищали длинные гудки. «Опять у Таньки», — вздохнул Витька, но позвонить к Михайловой не решился.

Когда идешь на гимнастику, неприятные мысли лучше всего оставлять дома или в крайнем случае в раздевалке. Сделать этого Витька, как ни старался, не сумел и поэтому

был явно не в ударе. На брусках он не смог удержаться в самой обыкновенной стойке на предплечьях...

По дороге домой Витька впал в пессимистическое настроение: давно у него не случилось столь неудачного дня. Трамвай уныло полз по окунающимся в сумерки улицам. Осеннее небо быстро темнело, зажглись фонари. Когда до дому оставалось всего две остановки, Витька с ужасом вспомнил, что забыл позвонить Юре.

К телефону подошла Юрина бабушка. Еще полминуты Витька слушал жужжание пылесоса, невнятные голоса, потом в трубку неизвестно откуда прорвалось радио. Наконец, Витька услышал Юрин голос и заторопился:

— Юра, это ты? У меня дело есть, важное! Ты на улицу выходил?

— Выходил, а что?

— А Крокодила с Труниным не встретил?

— Нет.

— Они тебя зачем-то искали.

— Ну и что?

— Как ну и что? Больше не выходи. Они тебя бить собираются. Меня подговаривали, чтобы я тебя во двор вызвал.

— Значит, подговаривали и бить будут? Ври, да не завирайся!

— Я завираюсь? — От обиды у Витьки сорвался голос. — Посмотрим, кто еще завирается! — Витька со злостью бросил трубку.

«Вот гад, — думал Витька. — Его предупреждают, как друга, а он...»

По вопросу взаимоотношений с Крокодилом у Витьки и Юры обнаружились непримиримые разногласия. Юра не желал плясать под Крокодилию дудку. А грозный диктатор, замечая это вольнодумство, снисходительно ухмылялся и объяснял свою терпимость тем, что связываться с разными отличниками и любимчиками учителей ему неохота. О том, чтобы последовать Юриному примеру, Витька даже не помышлял и о Потапове с Юрой предпочитал не заговаривать. И вдруг два дня назад на переменке, после провала очередной Витькиной попытки втереться в компанию Крокодила, Юра спросил:

— Зачем ты к нему подлизываешься?

— Кто подлизывается? Никто и не под-

лизывается. Поговорить нельзя? — возмущился уязвленный в самое сердце Витька.

— Боишься? — насмешливо поинтересовался Юра.

И Витька не нашелся что ответить.

*

У входа в кинотеатр бурлила толпа. Стрелка на часах подползла к шести. Начинаясь первый вечерний сеанс. Крокодил с Труниным поджидали Витьку у ворот.

— Давай звони! — сказал Вовка. — Он уже дома, только что на балкон вылезал.

— А что сказать? — растерянно спросил Витька.

— Придумай, не маленький. Главное — чтобы вышел, а мы уж его прямо у парадной встретим, — хмыкнул Трунин.

Витька решительно не знал, как ему поступить. Сказать, что автомат испорчен? Или нет двушки? Что, что делать? Повертев для вида диск, Витька бросил трубку и вышел из будки.

— Занято.

— Понятно, — ледяным голосом сказал Крокодил.

— Не веришь — можешь сам проверить, — пожал плечами Витька. — И вообще во дворе его лучше не бить.

— А где? — изменив тон, спросил Крокодил.

— Например, после школы, — предложил Витька.

— Я тебе говорил... — засуетился Трунин.

— Помолчи! — отрезал Крокодил и озбоченно спросил: — А почему во дворе нельзя?

— У них во дворе своя контора, одни десятиклассники, — вывернулся Витька.

Аргумент показался Крокодилу убедительным.

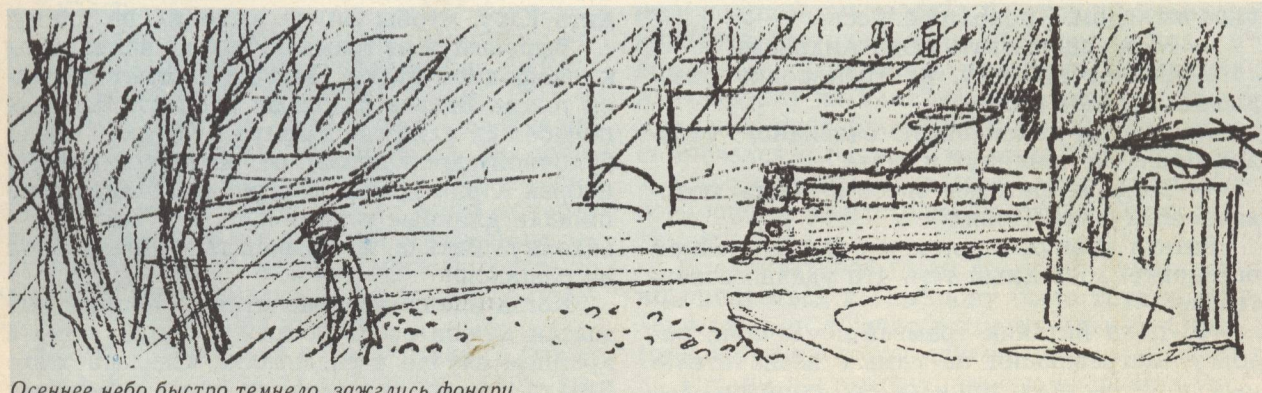
— Лучше всего в проходной двор зазвать, — предложил Трунин.

— А если не пойдет?

— Не пойдет сам — Спортсмен заведет, — успокоил Крокодила Трунин. — Точно, Спортсмен?

— Заведешь? — спросил Крокодил.

Витька кивнул.

Осеннее небо быстро темнело, зажглись фонари.

Он возвращался домой мрачный. Конечно, с одной стороны, вроде бы ловко надул Крокодила. А с другой — пообещал завести Юрку в проходной двор. И теперь уж не выкрутиться. Но кто, кто же мог предвидеть, что для варианта «после школы» опять потребуется его помощь!..

Витька долго не мог уснуть, все смотрел на потолок, по которому скользили загадочные световые блики засыпающей улицы, и думал, когда же был сделан неверный шаг. Больше всего на свете он не любил неприятности и всегда старался избежать их любой ценой.

Вдруг от неожиданности Витька чуть не свалился с постели: его осенила шикарная мысль. А если попробовать доказать Юрке, что его действительно собираются бить? Потом они могли бы сговориться, как совместными усилиями обезвредить заговор. Жаль, что эта гениальная идея не пришла ему в голову раньше. Ну, да ничего, разговор с Крокодилом можно замолчать, завтра осторожно прощупать, почему они взъелись на Юрку, и, не упоминая о проходном дворе, все ему доложить. Главное — предотвратить «вооруженный конфликт», и тогда, если Юра на худой конец даже узнает про его обещание, объяснится все тем, что он, Витька, хотел выведать намерения противников и для этого притворился их союзником.

*

На следующий день в класс пришла Алла Петровна и теперь уже при всех поинтересовалась у Потапова, когда же наконец он вернет магний.

Крокодил отпирался, пытался организовать в свою защиту общественное мнение, орал, что, мол, всегда и во всем обвиняют только его, а потом весь урок просидел с выражением жертвы клеветнического доноса.

На первой же перемене Витька блестяще провел разведывательную операцию. Трунин под страшным секретом выболтал ему, что магний взяли они с Крокодилом, но все факты говорят за то, что предал их Юрка. Он якобы знал про готовившийся фейерверк и наверняка разболтал все Михайловой. А Михайлова, как известно, председатель и, кроме того, имеет на Крокодила зуб.

На большой перемене Витьке стоило немого труда улучшить момент для разговора с Юрой. Сперва он, замечая следы, повертелся в буфете. Лучше было бы подойти к Юре открыто, но Витька оправдывал свою тактику тем, что в этом случае Крокодил с Труниным наверняка обо всем догадаются. Витька сделал ставку на то, что во время большой перемены Юра в буфет не ходит, а обычно сидит в библиотеке.

Витька выскользнул из буфета, прыгая через три ступеньки, взлетел на четвертый

этаж и прилип к стеклянной библиотечной двери. Как и следовало ожидать, Юра зарылся в газеты. Витька осторожно открыл дверь и на цыпочках, чтобы не привлекать внимание мелькавшей в глубине зала у книжных полок библиотекарши, подкрался к Юркиному столу.

— Юр... Я все узнал, только тише, — начал Витька, с опаской оглядываясь по сторонам, — может, лучше в коридор выйдем?

— Если тебе нужно, можешь выйти, — ответил Юра, не отрываясь от газеты.

«Обижается, — решил Витька, — наверно, думает, что я вчера его разыграл».

— Это все из-за Таньки, понял? — сообщил он шепотом, вполглаза наблюдая за дверью.

— Что из-за Таньки?

— Что, что... Бить тебя собираются.

— Ну и пусть, если им так хочется.

— Ты что, больной? Они ж тебя изобьют!

— Это еще посмотрим.

— Чего смотреть-то? Герой нашелся!..

— А ты чего волнуешься? Меня ведь бить собираются, а не тебя.

— А я и не волнуюсь, — обиделся Витька. — Тебе надо волноваться. Трепался, теперь получишь!.. — Он усмехнулся. — Нашел кому секреты доверять — девчонке!

— Какие еще секреты? — удивился Юра.

— Какие? Никакие! Узнал, что фейерверк будет, — молчи.

— Ни про какой фейерверк я никому не говорил.

— Не говорил? Откуда же тогда Алла Петровна узнала, что Крокодил магний свистнул?

— Пойди у нее и спроси! И вообще катись ты от меня со своим Крокодилом! — Юра уткнулся в газету.

А Витька вылетел в коридор, и дверь за ним обиженно звякнула.

Остаток перемены он метался по школе, не находя себе места. Ну как, как отворотить нависшую беду? Сейчас пролетит последний урок, и он должен будет повести Юрку, другом которого мечтал стать, прямо на кулаки Крокодила. А о том, что произойдет, если он откажется это сделать, Витька боялся даже подумать. Кроме того, Юрка не дурак и после их разговора ни в какой проходной двор с ним не пойдет. Что же делать? Сказать Крокодилу, что они с Юркой поругались? Не поверит!.. Эх, если бы Юрка не строил из себя героя, они бы вместе...

Прозвенел звонок. В класс повалили ребята. Витька сидел за партой, уныло подперев руками бесталанную свою головушку. Последним влетел Трунин, хлопнул дверью и с криком «Ура! Стычка будет!» пронесся мимо Витьки на свое место.

Однако Витька его слова пропустил мимо ушей. Только минут через десять, когда историчка уже заканчивала опрос, он по ожив-

лению среди мальчишек догадался, что произошло нечто неожиданное, и, расспросив соседей, узнал, что Юрка Андреев вызвал Крокодила на дуэль!

Новость показалась Витьке ошеломляюще неправдоподобной. Но когда Трунин, пользуясь тем, что историчка рисовала на доске план Куликовской битвы, начал говорить о предстоящем поединке, Витька понял: после звонка произойдет событие, равного которому в истории класса еще не было.

Уже было известно, что секундантом Крокодила будет Трунин. Юра пожелал драться без секунданта. У Витьки в голове все перемешалось. И хотя лично его эта дуэль выводила из самого что ни на есть безвыходного положения, радоваться он не мог.

*

Когда раздался звонок, атмосфера в классе была наэлектризована до предела. Как только за историчкой захлопнулась дверь, девчонки напустились на Крокодила. Они перечислили все его заслуги: и хулиган, каких мало, и с учебой — одни слезы, а уж почему его из школы до сих пор не исключили — это вообще не понятно.

Крокодил не спеша собирал монетки, снисходительно улыбался и помалкивал, делая вид, что все это не имеет к нему ни малейшего отношения. Витька, как говорится, по-хорошему позавидовал девчонкам. Кому-кому, а им можно «возникать» сколько угодно: даже такой душегуб, как Крокодил, никогда связываться с девчонками не станет.

— За что ты собираешься бить Андреева? — кричала Таня Михайлова.

— Никто не собирается! — возмутился Крокодил. — Он меня сам вызвал.

В эту версию девчонки почему-то не верили, Таня решительно сказала:

— Знаешь что, Потапов, если ты до кого-нибудь пальцем дотронешься, мы пойдем к директору, понял?

— Чего это ты всех защищаешь? — влез в разговор Вовка Трунин. — Никто в твоей защите не нуждается.

— За Андреева беспокоится, — насмешливо уточнил кто-то из подпевал.

— Можешь не волноваться, — подхватил Потапов, — никто твоего Андреева убивать не собирается: до вашей свадьбы все заживет.

Мальчишки засмеялись.

— Дурак! — сказала Таня и, покраснев, выбежала в коридор.

Неизвестно, чем бы завершился этот разговор, если бы Юра не вышел из класса в самом начале препирательства.

— Пошли, пошли, — заторопился Вовка Трунин. — Она к директору побежала.

— Успеет, — сказал Крокодил, и мальчишки вывалились в коридор.

Юра ждал соперника на площадке.

— Ну как, пошли? — снисходительно предложил Потапов.

Юра кивнул головой, и вся компания по предложению понимающего толк в подобных делах Трунина направилась к черному ходу, чтобы попасть во двор, миновав учительскую.

В предвкушении великолепного спортивного зрелища все были возбуждены. Но вместо благородной дуэли вышла обыкновенная драка. На площадке второго этажа Крокодил сказал Юре что-то обидное и неожиданно получил по носу. Удар был несильный, но точный. Из Крокодильского носа струйкой потекла кровь. Потапов ринулся в ответную атаку и к концу первого раунда рассек Юре губу.

Самого побоища Витька не видел: пробраться поближе из-за моментально образовавшейся пробки ему не удалось. Первый раунд оказался последним. Вместо финального гонга прозвучал окрик внезапно появившегося на горизонте учителя физкультуры. Все бросились врассыпную.

По домам расходились в приподнятом настроении. Полностью поединка почти никто не видел, и поэтому все с пристрастием допрашивали немногих счастливых. Определить, чья взяла, так и не удалось: мнения резко разделились. Но главное — Юрка все-таки сумел расквасить Крокодилу нос, и от этого на душе становилось легче и веселее.

Витька прицепился к Юре, который лизал все еще кровоточащую губу.

— Ну, ты молоток! — восхищался Витька. — Здорово ему вклеил.

— А ты боялся, — насмешливо напомнил Юра.

— Я ж не знал... Не обижайся... Ты что, боксом занимался? — почувствовав, что прощен, без остановки тараторил Витька.

*

В том, что драка не пройдет незамеченной, Витька не сомневался. Но что его через час вытащат из ванны и позовут в школу, он все же никак не ожидал. Вернувшись домой, Витька стал разбираться в секрете. Обычно на этот скучный подвиг он вдохновлялся только после трехкратного напоминания родителей. Но сегодня Витька был в отличном расположении духа. Почему, спрашивается, не прибраться в комнате, если ты опять вышел сухим из воды и никаких претензий никто к тебе предъявить не может?..

Покончив с секретером, Витька подмел пол и решил устроить баню: была среда, и вечером его наверняка заставили бы мыться родители. Он заперся в ванной, разделся, пустил воду и, забравшись на табурет, принялся сравнивать свое хилое телосложение с чемпионской фигурой черного геркулеса, вырванного из журнала и прилепленного к стене рядом с зеркалом. За лоснящегося гер-

— Да не боюсь я тебя, понял!..

кулеса Витька скрепя сердце уступил лучшую в своей коллекции серию марок. Случилось это весной, когда были куплены гантели и Витька твердо решил заниматься спортом.

Как только он намылил голову, зазвонил телефон. Вылезать голым в коридор Витьке не хотелось, и он решил к телефону не подходить. Но телефон продолжал трезвонить. «А вдруг Юра?» — подумал Витька, быстро смыл пену и, обмахнувшись полотенцем, выскочил в коридор, оставляя мокрые следы на линолеуме.

Звонил Сережка Лобанов. В его голосе пряталась ехидная улыбочка.

— Ты что, уснул? Тогда с добрым утром. А тебя, между прочим, в школу вызывают.

— Меня? — удивился Витька.

— Тебя.

Разговаривать с ним было зябко и противно. Витька давно заметил, что Сережка до смерти любит сообщать людям неприятные новости в издевательски-загадочной форме. Было ясно, что столь срочный вызов связан с происшествием на черной лестнице. Но почему вызывают именно его?

Оказалось, в школу вызвали всех мальчишек. По пятнам крови на лестничной площадке учителя обо всем догадались. Но главная новость заключалась совсем не в этом. Час назад Юру отвезли в больницу — зашивать губу!

Как зашивают губу и насколько сложна эта операция, никто не знал, но зато доподлинно было известно, что из больницы уже звонили директору и спрашивали, нет ли еще у кого-нибудь травм... Травм!..

Весь вечер вместо того, чтобы делать уроки, Витька пытался узнать, что же случилось с Юрой. На его глазах Юрка ушел домой цел и невредим и ни на какую губу не жаловался. Сперва Витька попытался раздобыть какую-нибудь информацию по телефону. Юрин номер упорно не отвечал. Тогда он порылся в телефонной книге и позвонил в больницу. Однако разговаривать с ним не пожелали. Строгий женский голос объяснил, что детям никаких справок не дают. Ничего не оставалось делать, как попытаться перехватить Юру у больницы.

Безрезультатно проторчав там до семи часов, Витька понял, что ждать больше

нечего. Он снова позвонил Юре. К телефону долго не подходили. Наконец, трубка голо- сом Юриной бабушки не очень доброжела- тельно сообщила Витьке, что Юра подойти к телефону не может и что в ближайшие два дня его лучше не навещать.

Витька поддал ногой ни в чем не повин- ную пустую консервную банку и отправился домой. Уж кто-кто, а он-то не заслужил такого к себе отношения. Он сделал все, что мог, чтобы предотвратить случившееся, и никто не виноват, если Юра его не послушал- ся и попал в больницу.

На следующий день было классное собра- ние. Витька пришел раньше всех и уверенно сел за свою парту. А почему, спрашивается, ему не чувствовать себя уверенно, если к драке он не имеет ни малейшего отношения?

Когда все заняли места, Алла Петровна объявила, что на повестке дня вопрос о по- ведении двух учеников 7-го «б» — Потапова и Андреева.

По партам прокатился шепот, а Сережка Лобанов, обычно выступающий в таких слу- чаях в качестве рупора общественного мнe- ния, издал многозначительное: «Ого!»

Из-за Юриной губы все уже позабыли, что на лестнице была не стихийная драка по Колькиной инициативе, а дуэль по взаимной договоренности.

Крокодил удовлетворенно оторвал нос от парты. Такой неожиданный оборот событий его явно устраивал: раз вину делят на двоих, то и наказание будет меньше. Но через мину- ту выяснилось, что возрадовался он раньше времени. Алла Петровна строго сказала:

— Пожалуйста, Потапов, тебе слово. Выйди к доске, чтобы все тебя видели.

Колька выполз к доске и простоял минуты две, не раскрывая рта. Наконец Алла Пет- ровна спросила:

— Что же, мы так и будем молчать? Да- вай помолчим. Мне спешить некуда, а время товарищей тебе, очевидно, недорого.

— Что мне говорить-то? — Колька решил прикинуться дураком.

— Ты ведь лучше меня знаешь, — сказала Алла Петровна и начала наводящими вопро- сами прижимать Крокодила к стене.

Потапов как умел оправдывался, что он не виноват, что Андреев сам предложил ему стыкнуться и на лестнице первый полез. А он, добрый и скромный Крокодил, дал ему сдачи — и все. Самозащита разрешается по закону.

Потом слово взяла Юрина мама. Она на- чала с того, что несколько не собирается оп- равдывать своего Юру, но никак не может понять: откуда у тринадцатилетних мальчи- шек такая жестокость? Побойсь же ведь прои- зошло на глазах у всего класса, и никто, ни- кто не попытался разнять дерущихся.

— У нас закон — двое дерутся, третий не лезь! — крикнул с места Трунин.

— Это философия трусов, — сказала Ал- ла Петровна. — Кстати, Трунин, может, ты нам расскажешь, почему Андреев вызвал Потапова на так называемую дуэль.

— Андреев вызывал, у него и спрашивай- те, — пробурчал после минутного размышле- ния Вовка.

Совершенно неожиданно взгляд Аллы Петровны остановился на Витьке.

— А ты, Витя, — спросила она, — я по- следнее время часто вижу тебя с Андреевым. Почему ты не остановил друга?

Ошалеv оттого, что Алла Петровна, выда- вая желаемое за действительное, назвала его при всех Юриным другом, Витька почти пол- минуты лихорадочно размышлял, как ему следует ответить на этот каверзный вопрос, и неожиданно для самого себя ляпнул:

— Я пытался.

— В чем же это выражалось? — заинте- ресовалась Алла Петровна.

— Я его... преду... предупредил по теле- фону, — начал Витька, но, почувствовав, что катится в пропасть, замолчал.

— О чем предупредил? — продолжала Алла Петровна.

— Ах, это, наверное, ты звонил позавче- ра около шести часов? — вмешалась Юрина мама и рассказала: кто-то звонил Юре и, на- сколько она поняла, предупреждал, что его собираются побить.

— А ну-ка, Витя, выйди, пожалуйста, к доске! — нахмурилась Алла Петровна.

Оказавшись на виду у всего класса, Вить- ка окончательно растерялся. Между тем Ал- ла Петровна продолжала наступать:

— Итак, мы ждем. Кто же собирался из- бить Андреева?

— Не знаю. — Витька отвернулся к окну.

— Алла Петровна, можно мне? — подня- ла руку Таня Михайлова и, презрительно глядя на Витьку, заявила: — Он боится, что ему от Потапова достанется.

— Опять Потапов! — вскочил Вовка. — При чем здесь Потапов?

— А при том, Трунин, — продолжала Таня, повернувшись к Вовке, — что вы с Потапо- вым собирались избить Андреева и подстрои- ли дуэль.

— Что ты сказала? — возмутился Вовка и направился по проходу к Таниной парте.

— Ясно, — произнесла Алла Петровна и, водворив Трунина на место, спросила у Вить- ки: — Значит, предупредил исподтишка — и все, считаешь себя молодцом, да? А когда завязалась драка, оказался в стороне? Стру- сил?

Обидевшись на то, что его без всяких оснований при всем классе объявили трусом, Витька огрызнулся:

— А вы сами попробуйте с Потаповым!

— Что ты сказал? — вновь вскочил Вов- ка. — Повтори!

— Трунин, сядь! Тебе еще предоставят слово,—пыталась успокоить Вовку Алла Петровна.

— Почему сядь? — не унимался Вовка.— Если хотите знать, он вместе с нами Андреева бить собирался, а теперь все на Потапова сваливает. Пусть лучше расскажет, кто Андреева обещал в проходной двор завести.

— Витя, это правда? — спросила Алла Петровна.

От стыда Витька готов был провалиться сквозь землю. Три раза он открывал рот, пытаясь ответить на вопрос, но слова застревали в горле. Впрочем, говорить было и не обязательно: по одному Витькиному виду все уже догадались, что Трунин сказал правду.

До конца собрания Витька просидел, уткнувшись носом в парту. Все происходящее вокруг уже не имело для него никакого значения. Он думал только о том, что теперь Юра все-все узнает...

Не было у Витьки ни малейшего желания и злобствовать по поводу того, что, выведя его, Витьку, на чистую воду, Вовка вынужден был признаться, что они с Крокодиллом действительно собирались бить Юру за то, что он разболтал Михайловой про фейерверк, а Михайлова наябедничала, что магний взял Крокодил.

На это Алла Петровна сказала, что никто из ребят про магний ей ничего не говорил и что ябед она не уважает. А к Потапову она подошла потому, что нянечка видела, как он удирал из химического кабинета.

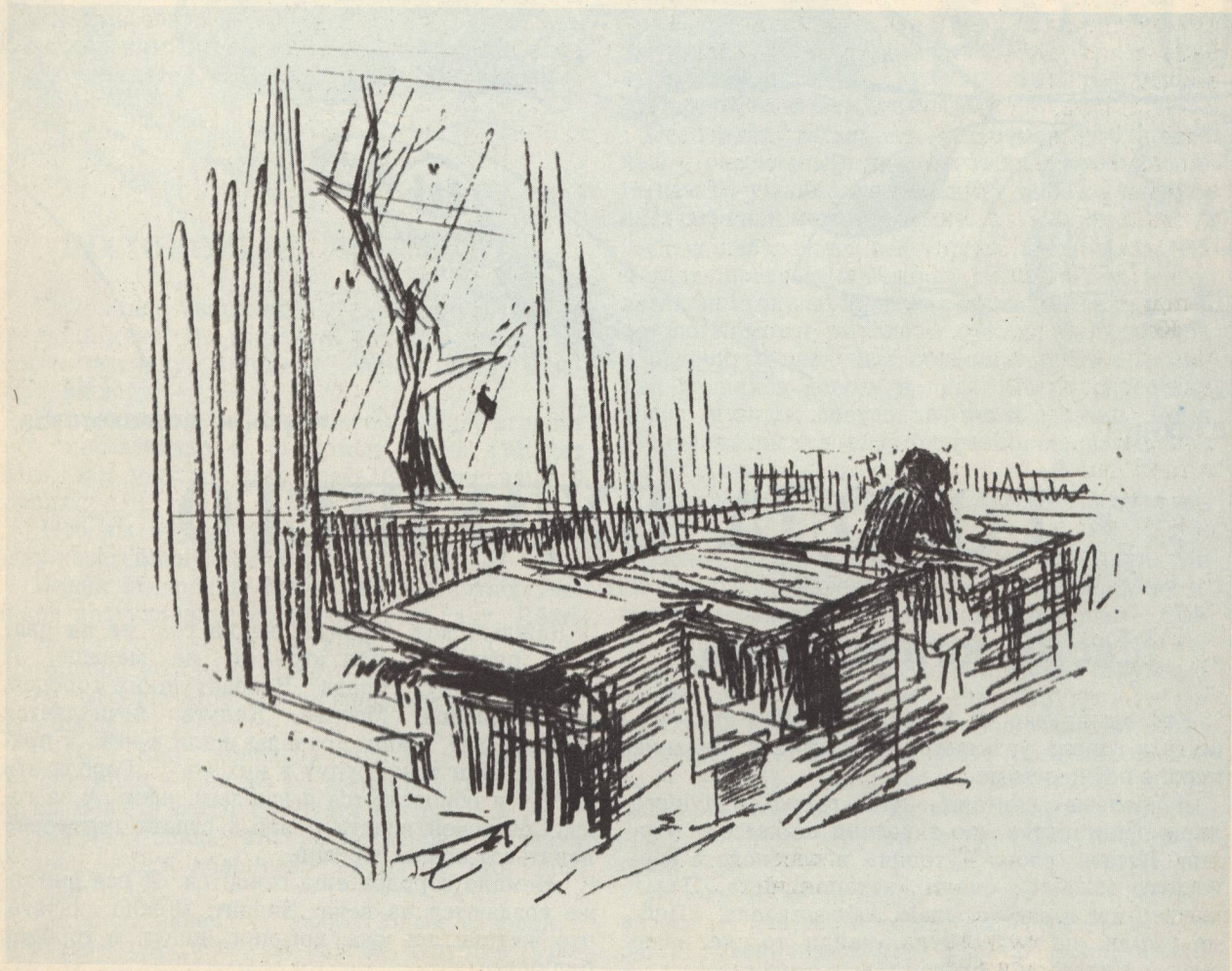
Собрание подходило к концу. Постановили вызвать Крокодила с Труниным на совет дружины, и Витька надеялся, что про него уже никто не вспомнит. Но тут Алла Петровна сказала, что в заключение она хотела бы охарактеризовать и Витькино поведение.

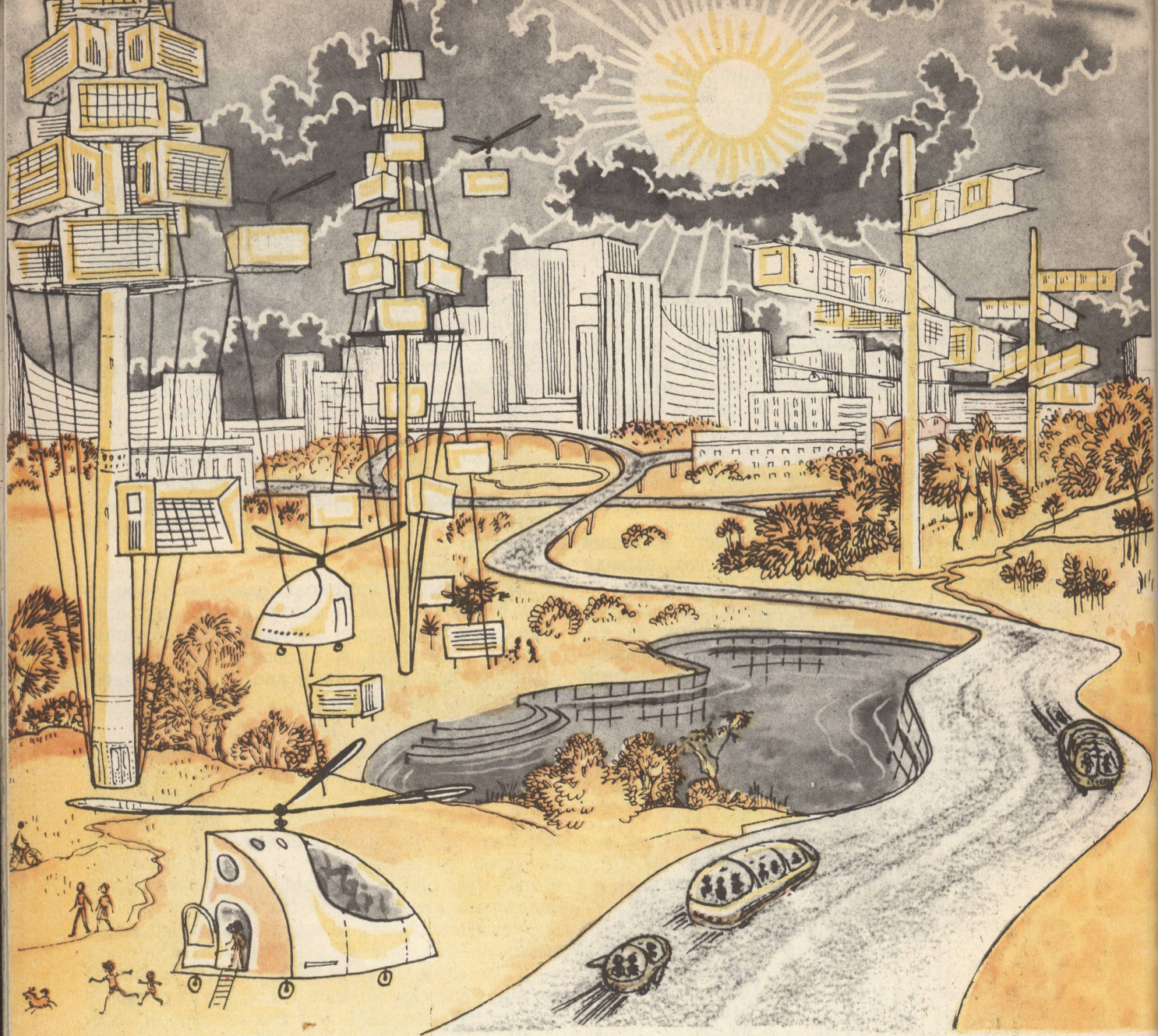
И Витька узнал, что в изобретенной им тактике нет ничего оригинального, что так всегда поступают малодушные и не уважающие себя люди и что в народе про таких говорят: «И нашим и вашим за копейку спляшем».

Витька медленно спускался по лестнице. Мимо пролетали мальчишки, не обращая на него никакого внимания. Только Сережка Лобанов, на секунду притормозив, насмешливо крикнул:

— А, двурушник!

Витька вышел из школы один. Во дворе гулял безжалостный осенний ветер, накрапывал дождь. После секундного колебания Витька повернул к проспекту и, миновав злополучный проходной двор, не стеснясь прохожих, заплакал.

Л. ЯХНИН

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ГОРОДА БУДУЩЕГО

Место, которое есть

Кто бы из вас не хотел хоть один день пожить в городе будущего? Что ж, это желание вполне осуществимо.

Некоторые считают, что город будущего лишь фантастика, поэтический вымысел, утопия. Кстати, слово «утопия» в переводе с греческого означает «место, которого нет». Получается, что я вас посылаю, как в сказке: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...» Ничего подобного.

Каждый дом строится не на год, не на два, а на пятьдесят или сто лет, не меньше. А сколько живут города? Возраст таких городов, как Смоленск, Москва, Калуга, исчисляется сотнями лет. Наши прадеды жили в них, и правнуки наши тоже будут в них жить. Города эти растут и обновляются с каждым днем. А за годы Советской власти у нас в стране построено девятьсот новых городов.

Немало городов еще строится. И все они тоже создаются на века. Значит, можно считать, что жители их уже сегодня живут в городах будущего.

Биография города

Как же получается, что город, созданный сегодня, продолжает жить в будущем?

Прежде чем наносить на бумагу контуры улиц, площадей, парков, архитектор должен многое узнать о своем городе. Город еще не родился, но биография его уже создается. Геологи привозят сведения о месте, где будет стоять город. Климатологи определяют климат. Дендрологи изучают растительность. Нужно еще знать, сколько народу будет жить в этом городе. И уж непременно должна быть известна его профессия. Города не строятся просто так. Они возникают, чтобы работать. У каждого города есть свое занятие, своя профессия. Профессию эту можно угадать зачастую по имени города. Город металлургов — Магнитогорск. И город стеклодувов — Гусь-Хрустальный. Город Апатиты подскажет вам, что здесь добывается прекрасное сырье для удобрений — апатит. Известна профессия города — известно, кто в нем будет жить. А это так важно — знать, для кого строишь.

Но все-таки самое главное для архитектора — предвидеть, что станет с городом в будущем, через много десятков лет. Сколько в нем тогда будет жителей и каким транспортом они будут пользоваться. Какие им понадобятся жилища и какими станут заводы. И сколько в городе будет детей.

Мудрец и яблоневые лепестки

Есть такое выражение — заглянуть в завтрашний день. Но много ли успеешь увидеть и понять, заглянув в будущее, как в щелку в заборе, на ходу?

Пройдите медленно по своей улице, взгляните внимательно в знакомые дома. Может быть, вам удастся разглядеть будущее вашего города?

Чтобы вы лучше меня поняли, я расскажу одну незатейливую притчу.

Некий Мудрец в сопровождении своих учеников прогуливался по яблоневому саду. Яблони только что отцвели. Старец поднял с земли пригоршню яблоневого лепестков и сказал:

— Осенью этот сад не подарит нам ни одного плода.

— О! Вы, конечно, мудрец, — ответили его спутники, — но вы не прорицатель. Откуда же вы можете знать, что будет завтра?

— Но я знаю, что было вчера, — сказал Мудрец. — Эти яблоневого цветы не что иное, как пустоцвет.

Сегодня, наверное, любой юный садовод с легкостью определит по завязи будущий урожай. И ему могут показаться не такими уж мудрыми рассуждения Мудреца. Но будьте

снисходительны: достойный Мудрец вовсе не был садоводом. И в словах его заключена вот какая мудрость.

Будущее не оторвано от настоящего. Его невозможно придумать, сфантазировать. День завтрашний созревает из дня вчерашнего и сегодняшнего, как яблоко из завязи. Значит, чтобы увидеть будущее, надо взглянуть в настоящее.

Есть даже такая наука — прогнозирование. Она как раз и основана на том, что будущее вырастает из настоящего.

Внимательно вглядываясь в настоящее, архитектор может понять, чего не хватает городу сегодня и что ему станет необходимо в будущем.

Пути ослов, или чего не хватает городу

Ле Корбюзье, который многое в архитектуре видел раньше и дальше других, почти пятьдесят лет тому назад в своей книге «Планировка города» писал:

«Человек идет прямо, потому что у него есть цель; он знает, куда он идет. Он решил идти куда-то, и он идет прямо.

Осел идет зигзагами, позевывая, взбалмошный и рассеянный; идет зигзагами, чтобы обойти камни, уклоны, чтобы найти тень; он затрудняет себя как можно меньше.

Осел избородил все города континента. На землях, которые понемногу заполняются жителями, проходила тележка, проходила как попало, по прихоти рытвин и бугров, булыжников или топи; ручеек был большим препятствием. Так родились дороги и пути. На перекрестках дорог, у воды, построили первые дома. Дома расположились в ряд, вдоль дорог, вдоль пути ослов.

Париж, Рим, Стамбул выстроены на пути ослов...»

Может быть, слишком резко? Пожалуй. Но Ле Корбюзье наверняка прав в одном. Многие города рождались без всякого разумного плана, росли по прихоти случая. И до сих пор города не могут обрести своих строгих, разумных границ. Они расползлись, выплеснулись за допустимые пределы, как тесто из квашни. Города текут, затопляя пригороды, ближние леса и поля. Поездка на автобусе из одного конца большого города в другой занимает больше времени, чем перелет из Москвы в Ленинград.

Городу остается выбор из двух зол: или тесниться в старых пределах, или беспредельно расти, увеличиваться в размерах. Но, может быть, не выбирать из двух зол одно, а найти третий путь?

Дома-деревья

Несколько лет тому назад среди советских архитекторов был проведен конкурс на проект застройки Заставы Ильича — одной из площадей Москвы. Много разных предложений было подано на этот конкурс. Но один проект особенно удивил членов жюри. Он никак не был похож на проект застройки именно этой площади.

Это был почти фантастический проект. Все остальные участники конкурса думали в первую очередь об очень конкретных вещах: как организовать движение транспорта и пешеходов на площади, как раскрыть площадь на выходящие улицы, какие здания сделать главными. Авторы необычного проекта, архитекторов И. Гунста и К. Пчельникова волновал один вопрос: как дать городу недостающее ему пространство?

Дома в этом проекте похожи на гигантские деревья, раскинувшие свои кроны высоко над городом. Внутри круглых стволов-опор ходят скоростные лифты, а на ветвях-коридорах крепятся жилища. Город повис над землей. А внизу, у подножия стволов, нетронутая зелень травы, и тропинки, и настоящие деревья. Город получил недостающее ему пространство. Он устремился ввысь.

Проливы и континенты

Города устремляются ввысь. Но это новые города. А что делать со старыми, уже широко распластавшимися по земле? Не сносить же их! Они все растут и растут. Что делать?

Давайте на мгновение перенесемся в средневековый город. Многие улицы здесь узкие, грязные, канализации нет, и стоки идут прямо вдоль улиц в неглубоких канавах. Горожане стараются избегать таких улиц и путь свой держат в обход. Но город пересекает река, и если нужно перейти на другой берег, то мост уж никак не обойдешь. Мост — чуть ли не самое людное место. Идут и идут по нему горожане в одну сторону, в другую. А ловкие торговцы тут как тут. Сначала въезжали со своими тележками прямо на мост. Потом и лавчонок понастроили у перил. Глядишь, и мост уже не мост, а торговая улочка. Улица-мост.

А теперь вернемся из нашего путешествия домой. Поднимемся к себе, ну, скажем, на десятый этаж. Вышли на балкон, а приятель, что живет в доме напротив — тоже на десятом этаже, машет рукой, зовет в гости. Чтобы пойти к нему, вы должны войти в лифт, спуститься вниз, пройти по улице, снова войти в лифт и подняться вверх. Тут невольно и подумаешь: а не проще ли улицу поднять выше, перекинуть ее, словно мост, между домами? Тут-то архитекторы и вспомнили про древние улицы-мосты. Возникла идея города-моста.

Город-мост над уже существующим городом. Такую идею предложил еще в 1920 году советский архитектор Эль Лисицкий. Он назвал свой проект «горизонтальным небоскребом». А совсем недавно появился проект города-моста над Ла-Маншем.

Мощные столбы вознесли над водой пролива густую металлическую решетку. В ячейки этой решетки, словно в кассеты, вставлены дома, к ней подвешены автострады и железные дороги. А внизу, у самых устоев города-моста, искусственные пляжи и гостиницы. Под городом-мостом проходят океанские суда. Можно сидеть на балконе и смотреть, как под домом медленно проплывает громада корабля.

Но город, перекинутый через Ла-Манш, — только часть проекта. Архитектор предложил построить восемь таких городов-мостов, соединяющих через проливы Европу, Азию, Африку и Америку. Эти континенты разделены между собой совсем не широкими проливами — пятьдесят — сто пятьдесят километров.

Вот те восемь мест, где предполагается по проекту построить города-мосты: острова Хоккайдо и Хокодате в Японии, Суэц, Джакарта, Сингапур, Гибралтар, Ла-Манш и Берингов пролив.

Город уходит под землю

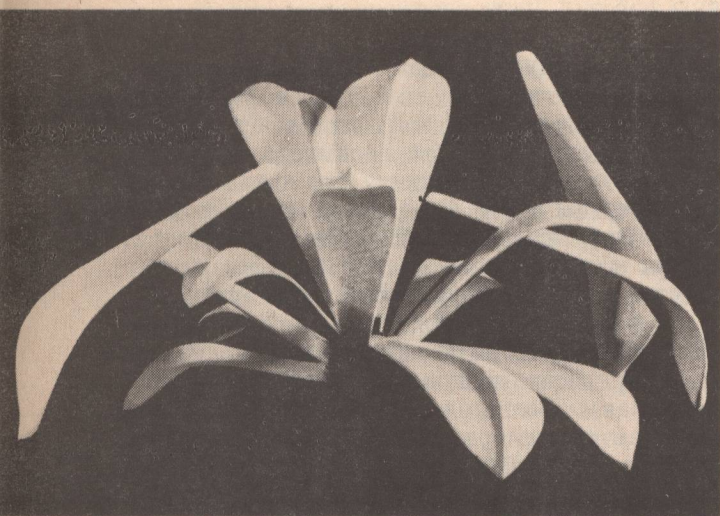
Есть легенда о великане, который под собственной тяжестью ушел в землю по колено. Наши города-великаны тоже все глубже и глубже опускаются под землю. Подвалы домов и трубы водопровода, подземные гаражи и метро. Но все-таки в большей своей части город высится над поверхностью земли. А почему бы ему не опуститься в землю поглубже, раз на земле не хватает места?

Так возникла идея подземного градостроительства. Никто, конечно, не собирается весь город опустить под землю и заставить людей жить в подземельях. Под землю могут уйти железнодорожные вокзалы и склады, архивы и библиотечные хранилища книг, кинотеатры и даже музеи. А вслед за ними — заводы и фабрики, которые в скором будущем смогут работать на автоматическом управлении: рабочий у пульта — в небольшом светлом павильоне, а цех под землей.

Представляете, сколько парков и стадионов возникнет на освободившемся пространстве, как очистится городской воздух, когда почти весь поток машин уйдет под землю!

Кувшинки в океане

По спокойной воде пруда медленно, лениво покачиваются широкие листы кувшинок. На своих длинных плетях-стебелях они напоминают кораблики, ставшие на якорь, или маленькие плавающие острова.

Домобиль. Югославский архитектор Андрей Мутнякович составил это название из двух слов — дом и мобильность. Подвижный дом. Но он не летает с места на место. Просто крыша его сделана из железобетонных лепестков. И они, как лепестки настоящего цветка, поднимаются и опускаются, то открывая солнцу жилье человека, то защищая его от ветра и дождя.

Кто знает, может быть, именно они подсказали идею плавающего города?

Молодой французский архитектор Поль Мэймон, долго работавший в Японии, первый предложил проект города на воде. На Японских островах уже нет почти места для городов. Так почему бы не создать искусственные города-острова?

Город на воде, словно гигантская круглая чаша стадиона, только вместо сидений для зрителей террасами поднимаются жилища, а вместо футбольного поля озеро с прекрасными пляжами и зелеными островками, небольшими бухтами и даже причалами для кораблей. С материком этот плавающий остров соединен мощным мостом-автострадой.

С самолета, наверное, океан с плавающими в нем круглыми городами был бы похож на спокойный лесной пруд, усеянный широкими листьями кувшинок.

Шлем космонавта и город на Луне

Шлем космонавта, прозрачный купол на голове водолаза. Они сохраняют человеку, отправляющемуся в космос или на дно океана, кусочек земной атмосферы. Во враждебной стихии человек дышит привычным земным воздухом.

Ну, а на Земле есть ли такие места, где человеку лучше бы надеть прозрачный колпак? Есть, конечно. Знойная песчаная пустыня. Крайний Север. Жара в пятьдесят градусов с

песчаными бурями или пятидесятиградусный мороз со снежными метелями. Люди трудятся и на полюсе и в пустыне. Не надевать же каждому на голову шлем космонавта! Значит, такой шлем, такой прозрачный колпак надо надеть на город. В городе под колпаком можно создать искусственный климат. И тогда на самом крайнем севере нашей планеты люди смогут ходить по улицам города без пальто, а в раскаленной пустыне в раскрытые окна домов будет влетать легкий свежий ветерок.

В прошлый раз мы уже говорили о домах-комплексах, задуманных советскими архитекторами для жителей Заполярья. Об этих небольших городах с зимними садами и с улицами под прозрачной крышей. А сейчас взгляните на город в пустыне. Архитектор Поль Мэймон, автор городов на воде, спроектировал его для строительства в Сахаре.

Город, словно какое-то странное живое существо, поднялся над песчаными волнами: ему не страшны песчаные бури. Обтекаемое тело города похоже на громадное зерно чечевицы. Внутри этого «чечевичного зерна» — жилища и сады, улицы и легкие подвесные дороги. Над городом растянут зеркальный тент. Он не только защищает крышу города от палящих лучей солнца, но и собирает их. Солнечное тепло — это энергия, способная отапливать дома и приводить в движение турбины электростанций.

Жителю этого города не страшна иссушающая жара пустыни. Если его перенести на Луну, то жители и этого не заметят. И не удивительно: в городе создан искусственный климат.

Летающие дома

Издревле человек жил в том доме, где жили и умерли его прадеды и деды. Бывало, за всю свою долгую жизнь какой-нибудь старик только и видел, что соседнее село или ближний городишко. Да и далеко ли уедешь на лошади, впряженной в телегу? И кто знает, что ждет тебя за порогом твоего прочного дома?

На псковской земле даже был такой обычай. Когда женился старший сын и желал жить своим домом, он получал в наследство часть каменной ограды отцовского дома. Как символ связи со своим родным жилищем. И по сей день стоят еще на Псковщине половинки каменных оград, достроенные деревянными воротами и забором.

Да, мир был неподвижен. Редкие путешественники отваживались пуститься в неведомый путь. И тогда они открывали моря и океаны, острова и континенты. Путешествие считалось подвигом. Герои-путешественники оставляли свои имена истории, и свои статуи — городам.

Сегодня вся наша планета в движении. Колеса автомашин и поездов, крылья самолетов перевозят с места на место десятки миллионов людей. И вот совсем недавно во всех языках мира появилось новое слово — мобильность. От латинского «*mobilis*» — подвижный. И, конечно же, появилась «мобильная архитектура».

Каждый, вероятно, замечал на досках объявлений небольшие листочки, где жирным типографским шрифтом напечатаны слова: «Требуются рабочие...» Требуются рабочие, инженеры, мастера, шоферы. Требуются в Сибири и на Дальнем Востоке, на юге и на севере. Люди едут во все концы страны. На стройки, на но-

вую работу. Люди переезжают из города в город, а нередко из района в район, из дома в дом. Они оставляют свои прежние квартиры и въезжают в новые.

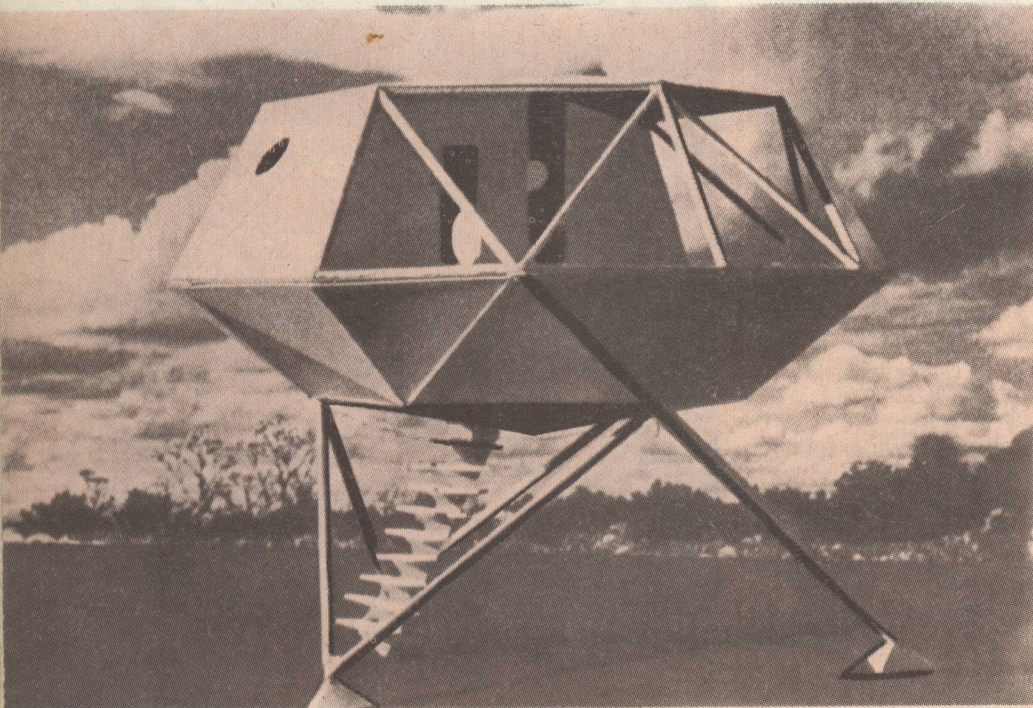
А зачем оставлять свой дом, свою квартиру? Как прекрасно было бы, не выходя за дверь, перелететь на новое место. Возможно ли это? А почему бы и нет! Строят же сегодня дома из блоков-квартир. Каждый кубик-квартиру ставят на место вертолетом. Вот бы этим же вертолетом переносить квартиры куда нужно.

Но дело, оказывается, не так просто. Конечно, можно придумать летающую или скользящую по тросам жилую ячейку. Да они уже и придуманы. Но город — это единый организм со своим ритмом работы, со своими артериями дорог, с сетью фабрик, магазинов, кинотеатров, учреждений. И при неожиданном перемещении какой-нибудь пусть самой незначительной части его может нарушиться весь ритм жизни сложного городского организма. Может быть, поэтому еще нет проекта «мобильного города».

Но какие-то детали этого города существуют.

Видеть, как садится солнце...

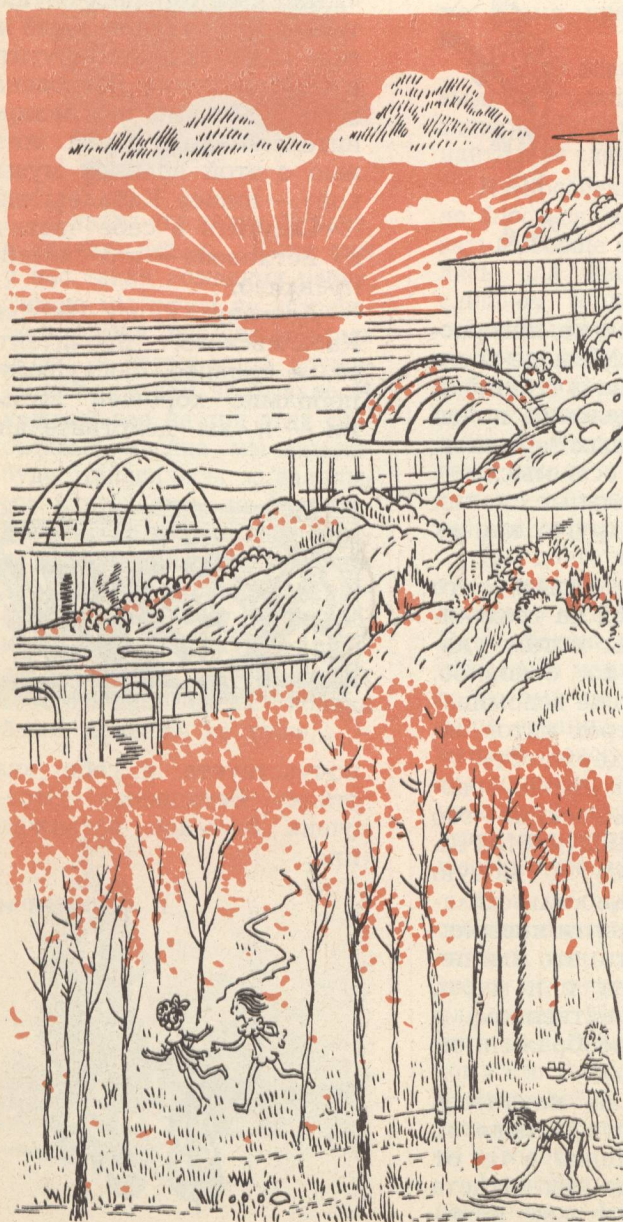
Год тому назад на страницах нашего журнала пионеры международного лагеря имени Георгия Димитрова в Болгарии мечтали о городе будущего. О, сколько нафантазировал каждый из ребят! Но больше всех мне понравились слова советской девочки Люды Воропаевой. Вот они: «Мальчишки говорят с восторгом, что лю-

А этот дом собирается из одинаковых треугольников. Его можно сложить в коробку и перевезти в кузове автомобиля с места на место. В таких домах люди могут жить и на берегу реки или озера и в лесу. В городе дома-многогранники, прилепленные один к другому, словно соты, превращаются в квартиры многоэтажных домов.

ди будут жить в небоскребах. Два стоэтажных дома — вот и весь город. Наверно, так и будет, но я не знаю, так ли уж это хорошо — жить на восемьдесят третьем этаже?.. Я люблю, когда много солнца! В домах должно быть уютно, солнечно, вокруг — зелено, и чтоб соловьи пели под окнами! Не надо, чтобы машины мчались по воздуху и все нажимали кнопки. Так хорошо гулять медленно, чтобы видеть, как садится солнце, как падает и кружится желтый лист, как мальчишка пускает в луже кораблик...»

Я уверен, что Люда не обманется в своих мечтах о будущем. Архитекторы проектируют города, используя все достижения техники и прогнозы науки. Но они проектируют свои города будущего для людей. Труд и поэзия, природа и тишина, комфорт и спокойствие — вот что дадут нам города, в которых мы будем жить завтра.

Татьяна КОТЕНЕВА

СНЕГ

Ура! Сегодня выпал снег!
Такой веселый, белый снег!
Лишь бы не растаял!

Я так в снежки сыграть хочу,
Сейчас уроки доучу...
Лишь бы не растаял!

Вот прочитаю про тайгу
И крепость строить побегу.
Лишь бы не растаял!

Я так спешу, я так спешу,
Никак задачку не решу.
Лишь бы не растаял!

Я все решил, я все успел,
Потом в окошко посмотрел...
А там — большие лужи
И дождь идет к тому же.

*

Николай АЛТУХОВ

СЕРЕЖКИ

Береза сгорбилась немножко,
Но на заре
За рядом ряд
Обледеневшие сережки,
Как колокольчики, звенят.

Давным-давно застыли воды,
Опала звонких листьев медь,
Но на рассвете
Должен кто-то,
Встречая солнышко, звенеть...

*

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

НА ЛЫЖАХ

Зачертила вьюга мелом
Неба черную доску.
Я на лыжах не умею,
Но бегу,
бегу,
бегу.

Вот дорога по оврагу
Раскрутила карусель
Мимо пней,
мимо коряги —
Прямо в ель...

ЧАСТИЧКА БЕТХОВЕНА

Сейчас, хоть и редко, к некоторым книжкам прикладывают пластинки.

Эта книга как книга, никаких пластинок к ней не приложено.

Но все равно, когда читаешь ее, постоянно слышишь музыку, словно у этой книги все странички звуковые.

Ничего удивительного. Книгу написал один из самых известных советских композиторов, Дмитрий Борисович Кабалевский. А у настоящих музыкантов все,

что они ни делают, получается музыкально.

«Композитор, чтобы сочинять музыку, должен учиться!» — пишет Дмитрий Кабалевский.

Исполнитель, чтобы хорошо играть, тоже должен учиться.

Это понятно каждому.

Но ведь музыка возникает только тогда, когда есть трое: композитор, музыкант и еще...

Правильно: и еще — слушатель. Без слушателя музыки словно и нет, музыка вся — для слушателя.

И слушатель тоже должен учиться слушать и понимать музыку!

Вот как раз для слушателей, для тех ребят, которые хотели бы полюбить музыку, и написана книга «**Про трех китов и про многое другое**», которую выпустило издательство «Детская литература».

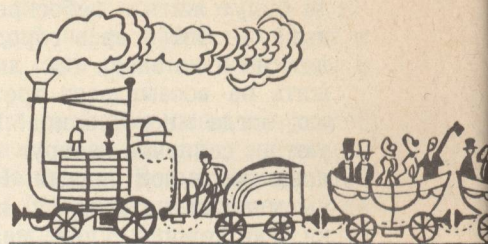
Читать ее легко, интересно и полезно. Меньше всего похожа она на учебник. В ней нет определений, почти нет музыкальных терминов. Но зато в ней есть мысли — такие оригинальные, каких не найдешь в других книгах о музыке.

Древние думали, что Земля покоится на трех китах. Когда мы хотим указать на что-то основное, главное, мы тоже вспоминаем про этих трех китов, на которых «все держится».

Три кита музыки, говорит Кабалевский, — это **ПЕСНЯ, ТАНЕЦ и МАРШ**.

Вслушайтесь в любую музыку по радио или с пластинки, и вы почти наверняка заметите, что это или песня, или танец, или марш, иногда в естественном, а иногда и в преображенном виде.

Но если вы научитесь различать, что в музыке от песни, что от танца, а что от марша, значит, вы будете хоть что-то в музыке пони-

мать, она вам будет небезразлична.

Первый шаг самый трудный.

Постепенно вы начнете понимать, что, слушая музыку, не обязательно представлять себе какие-то картины, но обязательно надо стараться почувствовать то, что чувствовал композитор и что чувствует музыкант. «...Каждый хороший слушатель, в том числе каждый из вас, тоже сможет ощутить в себе частичку Бетховена, если будет вместе с исполнителем жить одной жизнью с этой великой музыкой», — пишет Кабалевский.

Ощутить в себе частичку Бетховена — это сказано правдиво.

Достаньте книгу Дмитрия Кабалевского, прочитайте ее, а главное, послушайте побольше хорошей музыки — и вы действительно

почувствуете в себе «частичку Бетховена». Это — очень большое наслаждение.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Рассказывает писатель
Сергей ИВАНОВ

Я читал эту книгу на даче, а значит, летом... Была там у нас такая компания ребят. Зимой мы почти не встречались, даже перезванивались редко. А летом опять дружили как ни в чем не бывало. И каждый раз на три этих счастливых месяца мы кем-нибудь становились: то заядлыми книгочеями, то футболистами... То делали себе самострелы и ножи для метания. То вдруг нас одолевала разбойничья страсть, и мы прокрадывались в чужие сады за яблоками, хотя в наших собственных садах яблоки были, наверно, не хуже...

Я не помню, кем были мы в то лето, о котором сейчас идет речь. Кажется, грибниками и собирателями лекарственных трав. Но вдруг нам попалась эта книга!

В ней все было удивительно, хорошо и как-то по-настоящему: самое название и необыкновенное начало — рассказ о немо мальчике и потерянной почтовой сумке. И потом полярные моря и призрачные суда с огнями святого эльфа на мачтах, Трагическая судьба капитана Татаринова. И суровый, ясный путь Сани Григорьева. И подлая душонка Ромашова. И война. И справедливый — счастливый! — конец. Все было необыкновенно и в то же время правдиво, понятно...

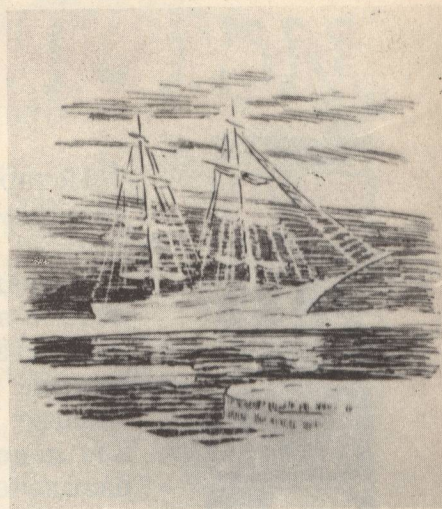
И надо всем этим, словно выпел, реяли прекрасные слова: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!..»

Нам особенно не с кем было бороться, некого было искать. Вообще эти слова казались для нашей компании слишком гордыми и торжественными. Нам их как будто бы и некуда было приспособить в своей очень простой и обыкновенной мальчишеской жизни. Однако они сами вошли в душу и стали там где-то вдали, словно маяк для мореплавателя...

Мы долго читали эту книгу — целую неделю. Вслух вообще читать медленней. Но последние два дня мы читали даже медленней обычного, потому что с ужасом замечали: страниц становится все меньше, совсем мало... И вот мы дочитали ее до конца, до последней строчки. И еще долго сидели потом молча на жестких дровах...

Нет, мы не представляли себя ни полярниками, ни летчиками, как это часто происходит во многих рассказах для детей. Мы даже не стали в то лето книгочеями. Потому что таких книг, как эта, на свете очень немного. А читать что попало нам теперь не хотелось.

И все-таки что-то в нас изменилось. Например, лгать

даже по всяким мелочам стало для нас невозможно. И чужие яблоки обтрясать — тоже... Когда человек становится взрослым, многое из детства ему кажется несущественным, просто забавными мелочами. Но тогда все было по-другому! Мы хотели быть друзьями Сани Григорьева. И нам было ужасно хоть в самой малости даже ступить на дорожку Ромашова. Впереди ясным и ровным светом горели слова: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!..»

Прошло много лет... Насколько я знаю, ни один из нас не стал полярным летчиком или капитаном дальнего плавания. Но, мне думается, не так важно, что книга не подтолкнула тебя в выборе профессии. Куда важнее, что она помогает тебе выбрать главный путь в жизни. И за это большое спасибо писателю Вениамину Александровичу Каверину.

Если ты еще не читал его книгу «Два капитана», поскорее прочти!..

ИСТОРИЯ О УЗЕЛКАХ

История эта первоначально выходила отдельными выпусками в журнале «The Monthly Packet»* начиная с апреля 1880 года. В каждый узелок автор постарался как можно незаметнее вплести одну или несколько математических задач (подобно тому, как в раннем детстве нас столь же коварно, сколь и безуспешно пытаются заставить принимать горькое лекарство, подсластив его вареньем) для развлечения и, быть может, в назидание милым читателям этого журнала.

* Мы печатаем несколько отрывков из книги «История с узелками» английского математика Чарльза Доджсона, который написал под псевдонимом Л. Кэрролл книги «Алиса в стране чудес» (вы ее, наверно, читали в «Пионере») и «Алиса в зазеркалье». В этом году книга «История с узелками» выйдет в издательстве «Мир».

ЗАДАЧИ И ЗАГАДКИ ДЛЯ БОЛЬШИХ И МАЛЕНЬКИХ

КОШКИ И МЫШКИ

Октябрь 1885 г.

Кошка съедает мышку за одну минуту. Сколько вре-

ЛАБИРИНТ

Этот лабиринт юный Кэрролл, который тогда еще был только Доджсоном, на-

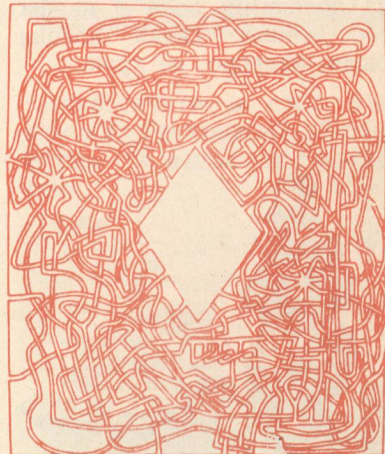

мени понадобится кошке, чтобы съесть шестьдесят тысяч мышек?

Отвѣт. Не скоро. Я лично
замѣтил, что мышки скорее
убѣгают, чѣм ѣдят.

Приятное разнообразие

В женской школе учатся x девочек. Каждый день девочек выстраивают по y человек в ряд и выводят на прогулку. В течение скольких дней смогут девочки разнообразить унылое шествие, следя за тем, чтобы ни одна из них не шла рядом с одной и той же девочкой дважды?

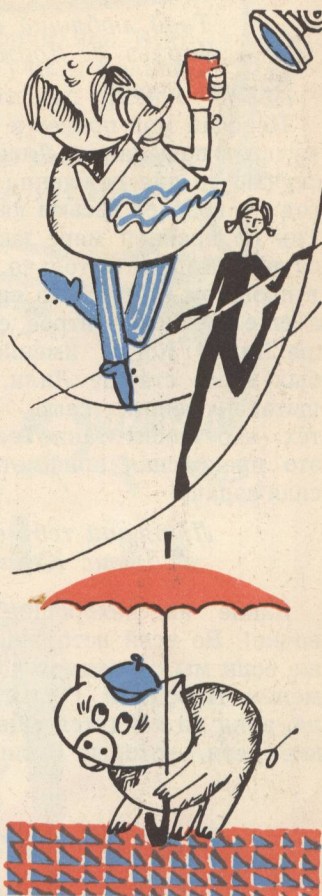
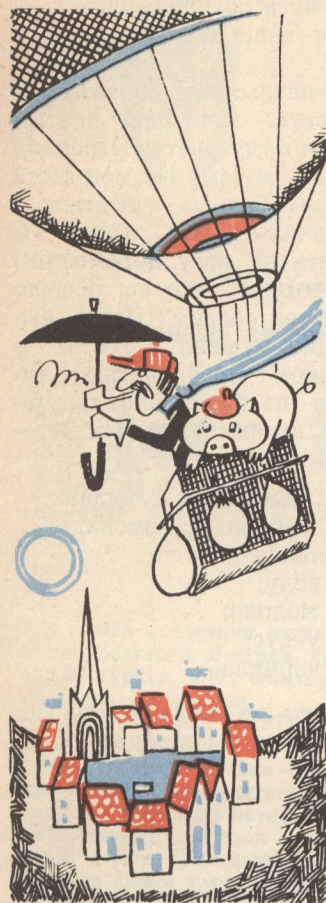
рисовал для развлечения своих домашних. Сумеете ли вы выбраться из него?

... НУ И ЧТО? НУ И ЧТО ...

НАЙДИТЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СЛЕДУЮЩЕГО СОРИТА.

7 февраля 1893 г.

1. Всякий, кто не танцует на туго натянутом канате и не ест пирожков за один пенс, стар.
 2. Со свиньями, которые временами испытывают головокружение, обращаются почти так же.
 3. Разумный человек, отправляясь в путешествие на воздушном шаре, берет с собой зонтик.
 4. Не следует завтракать в присутствии посторонних тому, кто имеет смешной вид и ест пирожки за один пенс.
 5. Юные существа, отправляющиеся в путешествие на воздушном шаре, временами испытывают головокружение.
 6. Жирные существа, имеющие смешной вид, могут завтракать при посторонних, если только они не танцуют на туго натянутом канате.
 7. Ни одно разумное существо не станет танцевать на туго натянутом канате, если оно временами испытывает головокружение.
 8. Свинья с зонтиком имеет смешной вид.
 9. Все, кто не танцует на туго натянутом канате и с кем обращаются почтительно, жирны.
- Ответ. Ни один разумный поросенок не отправится путешествовать на воздушном шаре.

Примечание ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ. На первый взгляд может показаться, что перед вами задачка-шутка, не имеющая решения, а эти девять условий — бессвязный набор, «куча» смешных сведений (кстати, логические задачи этого типа недаром называются греческим словом «сориты»; это и значит — «кучи»).

Однако присмотритесь повнимательнее. Чтобы решить сорит, найдите среди этих девяти два условия, из которых следует определенный вывод. Затем среди оставшихся условий найдите то, которое можно присоединить к только что полученному выводу. Получите заключение, снова ищите ему пару до тех пор, пока не исчерпаются все условия задачи.

Из писем К БОЛЬШИМ ДРУЗЬЯМ — МАЛЕНЬКИМ ДЕТЯМ

Дорогая Мэри!

Я с большим удовольствием отправился бы в Лондон и снова увидел всех вас и Снежинку¹, если бы у меня было время, но, к сожалению, его у меня нет. Кстати сказать, теперь твоя очередь навестить меня. Я твердо помню, что в последний раз гостем был я. Как только ты приедешь в Оксфорд, найти мои апартаменты не составит никакого труда. Что же каса-

ется расстояния, то от Оксфорда до Лондона оно такое же, как от Лондона до Оксфорда. Если в твоём учебнике географии об этом ничего не говорится, то он безнадежно устарел и тебе лучше раздобыть другой учебник.

Я долго ломал голову над тем, почему ты называешь себя противной девчонкой за то, что долго мне не писала. Противная девчонка? Как бы не так! Что за глупости? Стал бы я называть себя противным, если бы не писал

тебе лет так с 50? Ни за что. Я бы начал свое письмо, как обычно:

«Дорогая Мэри!

Пятьдесят лет назад ты спрашивала, что делать с котенком, у которого заболели зубы, а я только сейчас вспомнил об этом. За пятьдесят лет боль могла пройти, но если зубы у котенка все еще болят, сделай следующее. Выкупай котенка в заварном креме, затем дай ему 4 подушечки для булавок, вываренные в сургуче, а кончик

¹ Котенка (примечание переводчика).

его хвоста окуни в горячий кофе. Боль как рукой снимет! Это средство еще никогда не подводило».

Поняла? Вот как надо писать письма...

*Твой любящий друг
Чарльз Л. Доджсон.*

Дорогая Мэри!

Передай мой привет и наилучшие пожелания Лили по случаю ее дня рождения. 21 год — возраст **весьма** юный. Так по крайней мере кажется **мне**. Подумать только, что в прошлом году я был вдвое, а **еще раньше** — вдвое старше Лили! Когда именно я был вдвое старше Лили, попытайся решить сама. Для тех, кто любит такие вещи, это прекрасная арифметическая задача!

*Любящий тебя друг
Льюис Кэрролл.*

Какие вы нехорошие девочки! Во всей истории, даже если мы обратимся к временам Нерона и Гелиогабала, вряд ли найдутся еще такие дети, которые были бы

столь же бессердечными и так же забывали возвращать взятые книжки. Думаю, что ни Нерон, ни Гелиогабал никогда не забывали возвращать взятые книжки. В этом я совершенно уверен, потому что ни Нерон, ни Гелиогабал никогда не брали в руки ни одной книжки. В этом я также совершенно уверен, ибо в те дни книжек еще не печатали.

*Любящий тебя друг
Льюис Кэрролл.*

Милая Дороти!

...Сейчас, когда прошло достаточно времени (год или два, больше или меньше — какая разница?) и ты оправилась после визита ко мне, я беру на себя смелость спросить: не будешь ли ты свободна вечером в ближайшую субботу, и если да, то можно ли мне зайти за тобой в 6½ часов и пригласить на один из моих больших званных обедов.

Число гостей пусть тебя не пугает: их будет ровно

0,99999... Не стану спорить, выглядит оно очень внушительно, но бесконечные периодические дроби теряют все свое величие, если превратить их в обыкновенные!

Две вещи следует иметь в виду.

Во-первых, не обязательно надевать вечернее платье. Сам я буду одет в утренний костюм, почему же мои гости должны больше считаться с приличиями, чем хозяин? (Я терпеть не могу церемоний!)

Во-вторых, что ты обычно пьешь за обедом? Дамы, бывающие у меня в гостях, в основном предпочитают лимонад из бочки, но ты можешь выбрать любой из следующих напитков:

- 1) лимонад в бутылках;
- 2) имбирный лимонад;
- 3) пиво;
- 4) воду;
- 5) молоко;
- 6) уксус;
- 7) чернила.

Никто из моих гостей до сих пор не выбирал ни № 6, ни № 7.

Перевел с английского
Ю. ДАНИЛОВ.

Свои и чужие

В этом году мы с родителями переехали в город Казатин. Я поступила в новую школу. В классе на меня не очень обратили внимание: я не красавица, так себе, обычная.

Скоро мы стали ездить в колхоз помогать убирать урожай. Ночевали мы в сельской школе. Я вообще очень рассеянная, растяпа настоящая. И тут проснулась утром: нет одного кеда. То ли засунула куда-то, может, кто-то пошутил, спрятал. Пришлось работать босиком. Не очень-то это приятно — таскать к машине ведро с картошкой босиком по сухой, колючей земле. Но мне было ни капельки не обидно. Обидно другое. Когда мы с девочками убрали свой рядок, я пошла помогать мальчикам. Девчонки посмотрели на меня, как на ненормальную, кто-то сказал: «Выделиться, что ли, хочет?»

Я вовсе не собиралась выделяться. Когда мы приехали, нам объяснили, как важно колхозу побыстрее убрать урожай, и потом просто хотелось побыстрее убрать и ехать домой.

Ребята встретили меня еще лучше: «Пускай вкалывает», — сказал один. «А мы отдохнем», — добавил другой.

Кто бы знал, как мне было обидно и плохо! Я даже губы закусила, чтобы не разрыдаться, как самая последняя плакса. Но все равно я собирала картошку и складывала ее в ведро, хотя за спиной перешептывались девчонки, а мальчишки просто смеялись. Не знаю, чем я их так возмутила, что смешного было в моем поступке. Может, я нарушила какие-то неписанные правила этого класса?

Я убрала свой рядок до конца, чтобы доказать, что не боюсь я этих смешков. Конечно, мне хочется иметь в классе друзей, хочется быть «своей». Но я лучше потерплю и не буду «своей», если для этого нужно подчиняться каким-то странным правилам.

З. С. из г. Казатина Винницкой области

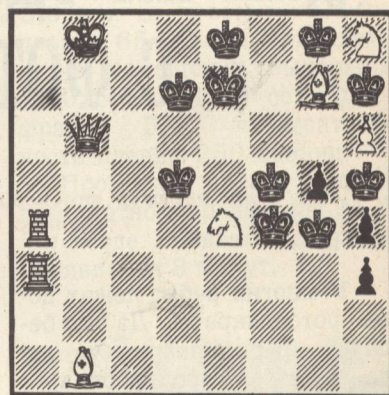

Веселый конкурс Пешкина

Предлагаем вам всего две задачи с необычными решениями. Ребят, которые найдут правильные ответы, ждут почетные грамоты Пешкина. Только не торопитесь, внимательно проверяйте свои варианты.

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой говорил: «Даже в маленьком деле нужно обдумать все много раз со всех сторон прежде, чем сделать. Все равно, если будешь рубаху шить или даже просто делать шахматный ход. И если не обдумать, сразу же испортишь — рубахи не сошьешь, партию проиграешь».

Представьте себе, что на доске у черных 10 королей. Фантастическая картина, но ведь это шутка...

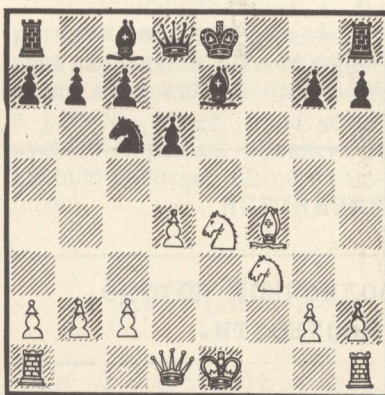
Молодцы, Зураб и Виталик!

Пешкин снова путешествовал. Он побывал в Тбилиси и Волгограде в то время, когда там проходили турниры юных любителей шахмат. Старшим из них было по 13 лет, но они упорно сражались. В Тбилиси отлично играл Зураб Азмайпарашвили, он победил во всех семи встречах. У Зураба первый спортивный разряд, это умелый боец.

Здорово играл и волгоградец Виталик Галимов. Виталик набрал 6½ очков из девяти возможных и выполнил норму первого разряда. Виталику одиннадцать лет.

Посмотрите партию, которую сыграли на турнире Виталик Галимов и перворазрядник из Архангельска Витя Файзулин. Белыми играл Виталик.

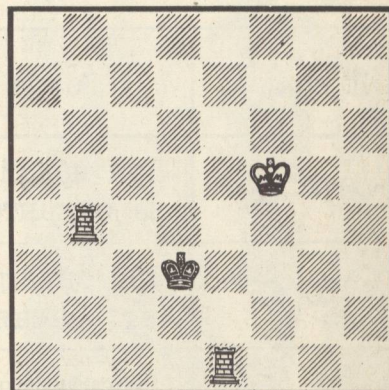
1. e2—e4, e7—e5 2. f2—f4 e5 : f4 3. Kb1—c3 Kb8—c6 4. Kg1—f3 Kg8—f6 5. d2—d4 d7—d6... 6. Cc1 : f4 Cf8—e7 7. Cf1—c4 Kf6 : e4. 8. Cc4 : f7 + Kpe8 : f7 9. Kc3 : e4 Kpf7—e8? 10. d4—d5 Kc6—b8 11. 0—0 Cc8—f5 12. Ke4—g5 c7—c6 13. Kf3—d4! Ce7 : g5 14. Kd4 : f5 Cg5 : f4 15.

Kf5 : g7 + Kpe8—d7 16. Фd1—g4 + Kpd7—e7 17. La1—e1 + Черные сдались.

Внимательно разберите эту партию. Напишете, понравилась ли она вам? Пешкин считает неудачным девятый ход черных. Как вы думаете, почему? Как, по-вашему, надо было играть Вите Файзулину?

Найдите такое продолжение, при котором белые следующим ходом делают мат всем десяти королям. Итак, мат в два хода десяти королям!

А в этом положении две ладьи преследуют одинокого черного короля. Как, начиная игру, белые дают мат в четыре хода?

Пешкин ждет ваших писем, ребята!

ОДИН НА ОДИН С ФОТОАППАРАТОМ

Ведет разговор фотокорреспондент нашего журнала
Владимир ПОСТНИКОВ

У многих ребят лежат дома фотоаппараты. Да вот беда — нередко лежат без дела. Один раз попробовал — не получилось, в другой раз тоже не вышло, и вот аппарат надолго укладывается на полку.

Таким ребятам мы и хотим помочь.

Секрет первый: мелочей нет

Как-то старшая вожатая попросила Витю Иванова (все знали, что у него есть аппа-

рат) сфотографировать отрядный сбор для стенгазеты. Витя сразу согласился. Дома нашлась какая-то пленка, он зарядил аппарат и пришел на сбор. На улице было пасмурно, в школе горел свет. Витя долго выбирал точку съемки, замучил всех ребят, а когда проявил, пленка оказалась совершенно чистой... Наверно, Витя просто не знал, что означают цифры на футляре: 65, 250 и т. д. Его пленка была чувствительностью 65 единиц, а при плохом освещении нужна гораздо большая чувствительность (250 единиц).

Витя забыл про пленку. Часто забывают и другие «мелочи». При проявлении, например, не следят за температурой раствора. А она должна быть определенной — +20° С. Если раствор холоднее, допустим, 15°, пленка после проявки получится вялой и недодержанной. А если температура раствора выше, будет передержка. На таком негативе трудно различить детали, и вряд ли с него выйдет отпечаток на фотобумаге.

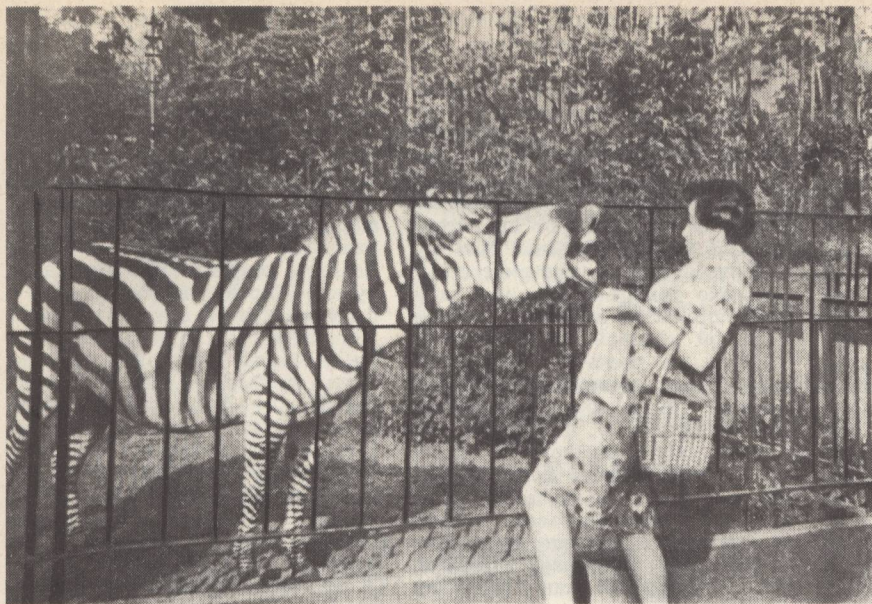
В первом и во втором случае допущена грубая ошибка. И все-таки, даже зная об этом, некоторые ребята думают: «А может, получится?..» Нет, друзья мои, не получится! В фотографии нет мелочей, а есть определенные правила, и нарушать их нельзя.

Секрет второй: дело не в аппарате

Очень часто спрашивают школьники и даже взрослые: «Какой фотоаппарат нужно купить?» Они считают, что чем лучше фотоаппарат, тем лучше будут снимки. Это заблуждение. Сложный и дорогостоящий аппарат в неумелых руках будет выглядеть так же, как и самый простой. Конечно, дело не в фотоаппарате, а в фотографе.

Перед вами два снимка.

Пленки	Когда применяются
ФОТО 32	При яркой, солнечной погоде, на открытой местности.
ФОТО 65	При хорошей погоде /это самая популярная пленка/.
ФОТО 180	В пасмурную погоду, дождь, снег.
ФОТО 250	При съемке в помещении и вообще при плохом освещении

Первый сделан в Рижском зоопарке. Четвероклассник Сережа Овсянников снимал фотоаппаратом «Смена» (это простой аппарат для начинающих). Второй снимок называется «Ракетчики». Снимал Игорь Молчанов, ученик 8-го класса города Калининграда, Московской области. У него «Зенит». А теперь посмотрите, какие они разные, эти снимки! В первом удачно выбрана точка съемки. Затвор фотоаппарата сработал как раз в тот момент, когда Сережина мама отшатнулась от сетки, не выдержав «приветливости» зебры. Здесь нет отвлекающих деталей. Кадр

построен правильно: как бы мы ни старались отрезать что-то лишнее, улучшить снимок нельзя. Здесь все на месте.

Второй снимок неудачен. Мешают фигуры фотографа и ракетчика, сидящего в неудобной позе. Вот эту фотографию можно «кадрировать», то есть отрезать лишнее. Можно срезать верхнюю часть, можно правую или левую сторону. Каждый раз у нас будет получаться новый снимок, о котором не думал его автор.

Всем начинающим я бы рекомендовал фотоаппарат типа «Смены». Он недорог, прост в обращении, надежен в работе, имеет короткофокусный и резкий объектив и хорошо работает зимой на морозе.

Прогулка с фотоаппаратом

Лучше всего начать с простых сюжетов. Попробуй во время прогулки снимать пейзажи, а в школе — интересные сценки. Каждое время года по-своему привлекательно, постарайся же запечатлеть на пленку то, что тебе

понравилось в зимнем лесу, парке, просто на улице. Мы ждем твои снимки. Самые интересные поместим в журнале.

Подсказка

Когда гуляешь с аппаратом, замечай, как меняется объект съемки в течение дня. Лучше всего фотографировать в утренние и вечерние часы: солнце стоит не очень высоко, и боковое освещение помогает выявить многие детали в пейзаже.

В пасмурную погоду снимки получаются серые и скучные. При съемке на улице выдержки могут быть 1/60 сек., 1/125 сек., диафрагма 5,6 или 8, чувствительность пленки 65 единиц. При съемке в помещении выдержка 1/30 сек. и 1/60 сек., диафрагма 5,6, чувствительность пленки 250 единиц.

Проявлять пленку надо в стандартном проявителе № 2 (он везде продается), время проявления 8 минут.

Прошло ровно три года с тех пор, как в один прекрасный день — действительно, прекрасный! — Лёка и Марина Ромашовы познакомились с Калинкой. Помните, как это произошло?..

За окном вдруг раздался странный свист и вспыхнул ослепительный свет, словно пошел на посадку звездолет. Форточка сама собой распахнулась, и снежный вихрь, с невероятной скоростью закрутился на любимом мамином кресле.

«Дин-дон-динь» — слышался тоненький перезвон колокольчика, и снежный вихрь умчался на улицу, форточка сама собой захлопнулась, а немного испуганные и очень удивленные Марина и Лёка увидели в уголке кресла красную фигурку, вот такую маленькую, не больше полутора ладошек. Она была одета во все красное: красные сапожки и красные колготки, клетчатую красную юбку и красный пушистый свитер. Даже щеки у нее были красные, как румяные рязанские яблоки. Только чернела толстая косичка, высоко перехваченная на затылке лентой, да из-под короткой челочки весело блестели черные бусинки-глаза. В руках была зеленая вязаная шапочка с колокольчиком вместо помпона.

— Здравствуйте, я Калинка, — сказала она и шагнула навстречу девочкам. — Вот и прилетела к вам. Куда можно положить шапочку-невидимочку?..

А положить-то шапочку оказалось некуда. Потому что в коридоре на вешалке было полным-полно ненужных вещей. Рядом с мокрой, не высушенной еще со вчерашнего дня лыжной курткой висели: Лёкин школьный фартук, Маринин домашний халат и даже колготки, как выяснилось, тоже Лёкины. Калинка оглянулась вокруг и хотела было положить свою шапочку на книжную полку — правда, шапочке там было совсем не место, но куда-нибудь-то ее надо было положить! — но на полке оказалась двухдневная пыль, а на диване бумажки конфетные и даже конфета прилипла, а на стульях разбросаны книжки и всякие девчоночьи одежки. Калинка с недогованием оглянулась и увидела, что на полу мусор, постели не убраны с утра, а на кухне, и через три стенки видно, посуда не вымыта и кастрюли не отчищены. Неприглядный был дом, что и говорить!..

В то время сестры Ромашовы отличались с ленцой и неумением толково распределять свое время. Помните, как Калинка помогала им готовить первый обед? Первый! Потому что, как выяснилось, ни Лёка, ни Марина готовить не умели. И вообще почти ничего не умели, даже постирать воротнички от школьной формы.

Но Калинка видела, что Лёка и Марина стремятся побороть свою ленцу и нерадивость, и приняла их в подготовительный класс Академии домашних волшебников.

— С испытательным сроком! — сказала тогда Калинка. — До первых экзаменов.

И еще в Академии был принят Алеша, сосед и хороший друг Марины и Лёки.

Вот и прошло три года. О, как изменились девочки за это время! Кстати, «экзамены в Академии» теперь они всегда сдают на пятерки. Сегодня пятый день каникул. Марина и Лёка с утра вместе быстренько прибрали весь дом, подмели, прошлись по всем уголкам влажной тряпкой и пылесосом, вытерли не очень-то заметную пыль. Когда понемногу каждый день убираешь, дом всегда выглядит приветливо и времени на уборку уходит немного. И постели, конечно, давным-давно застланы, и с помощью мочалки, мыла и соды вымыта до блеска посуда, и кухонное полотенце выстирано и сохнет на веревочке в ванной. Все сделано так, как учила их Калинка.

А потом Лёка с Мариной и Алешей, Бобом Сухаревым и Натасей прошлись на лыжах!

Помните, как Марина переживала, когда девчонки из пятого «А» дразнили ее «сутулой и прыщавой». Плохо, очень плохо, когда злые, глупые люди дразнятся. Хотя Марина виновата была сама: и спортом не занималась, и зарядку по утрам не делала, и всякими, совершенно ненужными кремами мазалась и пудрилась. Калинка ей вовремя помогла. Хороший ранний сон, гимнастика, умывание обыкновенной водой и кое-какие лекарства сделали свое дело. Марина снова отлично себя чувствует, и глаза у нее опять стали веселые. А что еще правдивее скажет о хорошем настроении человека, как не веселые глаза? Вот и сегодня Марина не только утреннюю зарядку сделала, но и на лыжах отлично пробежалась и двадцать минут специальной гимнастикой успела позаниматься.

А сейчас они с Лёкой только-только закончили готовить обед. Сами? Конечно, сами! Приготовили настоящий зимний обед: борщ, котлеты и кисель, и еще салат, и еще сладкий пирог, да в холодильнике наготове стоит большущая банка консервированного персикового компота собственного Лёкиного приготовления.

— Чему мы только не научились за три года! — сказала Марина. — Готовить, шить, вязать,

карнавальные костюмы мастерить, даже букеты составлять, рюкзаки собирать и еще сто разных дел.

— Все это записано в моей заветной книжечке! — Лёка взяла с полки книжку, не очень большую и не очень маленькую, в красном переплете, с калиновым листком на первой странице и с шариковым карандашиком в специальном карманчике. — Помнишь, Калинка подарила мне эту книжку к 8 Марта? Она сказала, чтобы я записывала все, что касается домашних дел. Я и записывала, но не подряд, а в разные разделы: платья к платьям, пироги к пирогам. В одну секунду могу найти расчет вязки варежек, носков, свитера, или выкройку брюк, жилета, платья, или рецепты приготовления бульона, супов, мороженого, лимонада, бутербродов, печенья, каши, оладиков. Что хочешь!

— Очень хорошо, что ты про книжечку вспомнила, — сказала Марина. — Найди, как сервировать стол к торжественному обеду. Сейчас придут Алеша и папа, и Калинка с минуты на минуту прилетит.

— Читаю — сказала Лёка; «Стал накрыть скатертью белой или цветной, конечно, отлично выстиранной и отглаженной на славу. Если стол красивый, можно обойтись без скатерти, постелить под каждый прибор салфетки — цветные или вышитые. Хлеб режется тонко-тонко. Сыр заранее резать не надо, он быстро заветривается, становится некрасивым и невкусным. Поставь его на стол на дощечке, фарфоровой, стеклянной или деревянной. Рядом обязательно положи нож. Масло положи в масленку ровным красивым брусочком. Сок томатный или яблочный или просто воду налей в кувшин. У каждого прибора справа — стакан для сока. Не загромождай стол всей обеденной посудой. Глубокие и мелкие тарелки для второго можно пока поставить стопкой. Не забудь бумажные салфетки и солонку с солью».

То, что записывала Лёка в свою заветную записную книжку, можно найти в разделе «Академия домашних волшебников», начиная с декабря 1969 года. Этого раздела нет лишь в № 3 за 1970 год, в №№ 9, 10, 11 за 1971 год и в №№ 2, 9, 11 за 1972 год.

ИГРЫ ЛУПЫ и Пинцета

Большие игры Лупы и Пинцета закончились. Жюри подводит итоги конкурса. Мы получили больше тысячи писем, и в каждом вы просите нас продолжать игры с марками и в этом году.

В первом номере мы предлагаем вам новую игру.
ЛУПА И ПИНЦЕТ.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

Вот где СОБАКА зарыта!

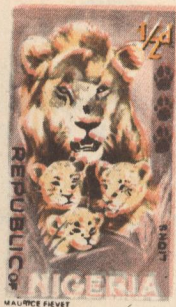
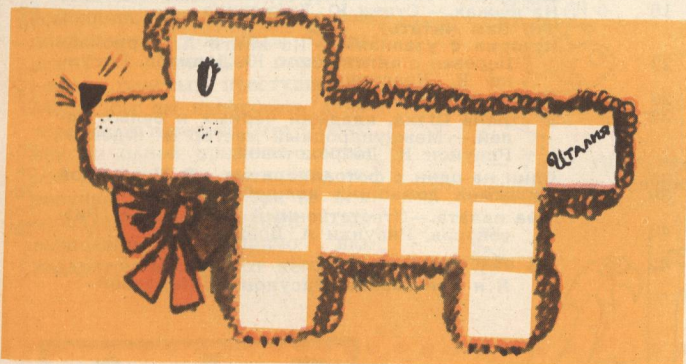
В нашей коллекции появились пятнадцать новых марок Австрии, Болгарии, Венгрии, Греции, Испании, Италии, Румынии, СССР, Турции, ФРГ, Финляндии, Франции, Швейцарии, Чехословакии, Югославии.

ВООРУЖИТЕСЬ КАРТОЙ ЕВРОПЫ И НАЧИНАЙТЕ РЕШАТЬ ЗАДАЧУ.

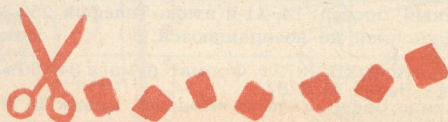
На польской марке — мордочка веселой собаки. Она и предложила нам составить кроссворд из марок. Распределите все марки по пятнадцати квадратам. В двух рядом расположенных квадратах могут быть марки граничащих между собой стран. Границами считаются вертикальные и горизонтальные линии клеток (углы не считаются).

СНАЧАЛА НАКЛЕЙТЕ «ИТАЛИЮ», А ДАЛЬШЕ ДЕЙСТВУЙТЕ САМИ.

За правильный и хорошо оформленный ответ присуждается приз — **НИГЕРИЙСКАЯ МАРКА — ЛЬВИЦА С ТРЕМЯ ЛЬВИТАМИ.** Вот эта марка.

ПРИМЕЧАНИЕ: для того, чтобы легче было решать кроссворд, можно вырезать из картона пятнадцать квадратов и на них написать названия стран.

УГОЛОК знатоков

?
НАЙДИ ОШИБКУ
НАЙДИ ОШИБКУ
НАЙДИ ОШИБКУ

Рассматривая вот эти марки, Пинцет покачивал головой и бормотал:
— Очень странно!

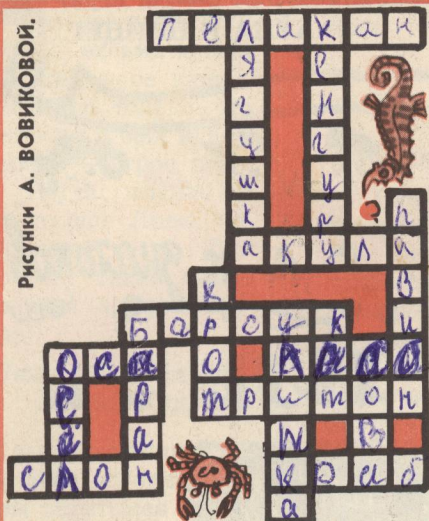
Очень странно!

Почему Пинцет так удивился? А вы заметили ошибки на этих марках?

Однажды кит, тритон,
Баран, оса и крот,
Барсук, улитка и акула
Залезли пировать в кроссворд.
Гремела музыка, и лес дрожал от гула.
На шум явились краб, лягушка, павиан,
Лиса и кенгуру, сова и пеликан,
И под конец совсем — вломились слон с ослом.
Всех разместить прошу за праздничным столом!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру. — Рисунок Е. Шабельника	1
Сочинитель сказок. — Повесть В. Железничкова. Рисунки Е. Медведева	2
Интервью января.	
Главная стройка страны. — Н. А. Вацаев. Записал беседу А. Юрьев. Рисунки Е. Шабельника. Фотографии В. Сакна и Э. Хакимова	18
Во Всесоюзном штабе Тимура.	
О Гайдаре, тимуровцах и тебе самом. — Рисунок А. Борисова	23
Слышать голос трубы. — С. Иванов. В. Матвеев. Рисунки С. Трофимова и А. Вовикова	26
Международный клуб «Товарищ»	32
Школа умелых хозяев.	
С гор спустился зубр. — Ю. Крутогоров. Рисунки П. Панченко	35
Лесослав. — Стихи И. Заграевской.	39
Под ледяным замком. — Рассказ И. Кожохина. Рисунки Ю. Корнеева	40
Пектораль, или повесть о скифском кургане. — Г. Файбусович. Рисунки С. Трофимова	42
Горные тропинки. Три ветра. — Стихи С. Жупанина. Перевел с украинского И. Мазнин	50

Я и моя собака. — Рисунки Ю. Карповой	51
Проходной двор. — Рассказ А. Толмазова. Рисунки В. Полянского	55
Города будущего. — Л. Яхнин. Рисунки Н. Доброхотовой	64
Снег. — Стихи Т. Котеневой	65
Сережки. — Стихи Н. Алтухова	69
На лыжах. — Стихи Ю. Луцкевича	69
Что нам читать?	70
История с узелками. — Из книги Л. Кэрролла. Перевел с английского Ю. Данилов. Рисунки И. Красулина	72
Сами о себе	74
В стране Шаха, владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой	75
Один на один с фотоаппаратом. — В. Постников	76
Академия домашних волшебников	78
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	79
На обложке:	
Я и моя собака. Рисунок Ю. Карповой.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Э. С. СОКОЛОВА.

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Технический редактор В. В. ВАНТРУСОВ.

Рукописи не возвращаются.

Макет К. М. ВЫСОЦКОЙ.

Сдано в набор 30/X 1972 г. А 01028. Подписано к печати 2/XII 1972 г. Формат бумаги 84×60%. Объем 9,33 усл. п. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2744. Заказ № 3787. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

С ЭТОГО НОМЕРА в „Палате ума“ ОТКРЫВАЕТСЯ **УГОЛОК ЮМОРА**. Я РАД, ЧТО МЕНЯ РЕБЯТА ВЫБРАЛИ ответственным ЗА ЭТО СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО. **СЕГОДНЯ** У НАС В ГОСТЯХ — известный французский художник **ЖАН ЭФФЕЛЬ**.
Ваш Живживка

В гостях у Жана Эффеля

Минувшим летом я побывал в мастерской Жана Эффеля. Я показал ему забавные рисунки, которые ребята присылают в «Палату ума» Живживке.

— Мне тоже хочется послать подарок Живживке и его друзьям, — сказал художник и открыл большую папку с эскизами.

— Но как я докажу, что эти рисунки вы отобрали специально для «Пионера»?

— Очень просто, — ответил Жан Эффель и, взяв карандаш, написал на листе бумаги: «Никите», — а рядом нарисовал смешного человечка с ромашкой в зубах.

Вот несколько рисунков, присланных Жаном Эффелем.

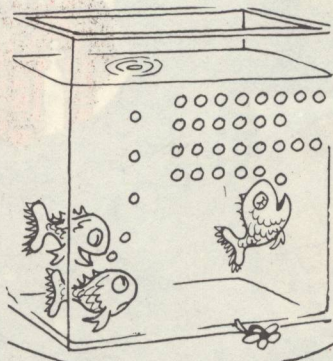
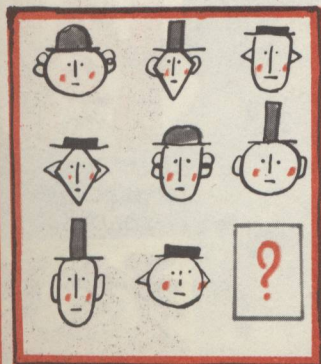
à Nikita

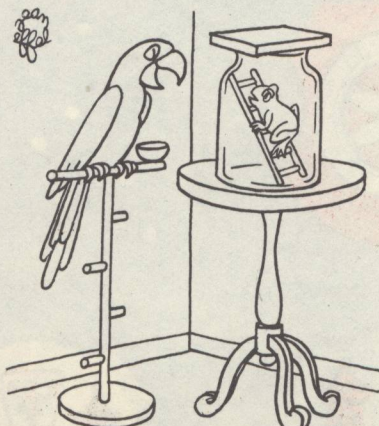
Никита РАЗГОВОРОВ.

КАПИТАН ПЕРО-86 ищет ПОМОЩНИКА

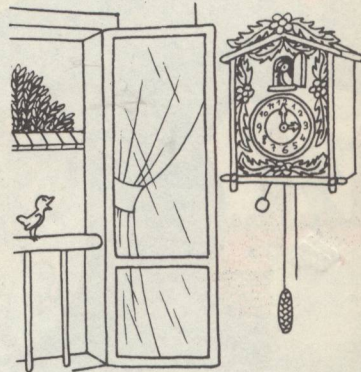
Капитану ПЕРО-86 требуется помощник. Мы советуем вам попробовать свои силы. Перед вами на рисунке портреты восьми опасных преступников. Могли бы вы нарисовать девятого, если известно, что у него нет ни одной приметы, которой не было бы где-нибудь на рисунке, но только три из них совпадают с приметами лиц, расположенных прямо над квадратом и слева от него.

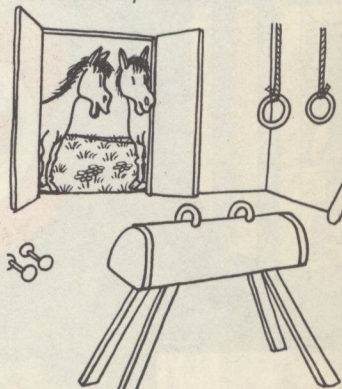
— Тише, тише, не мешай ей, видишь, она сочиняет стихи.

— Ты не скажешь, как отсюда выбраться?..

— Ах вот ты где прячешься от своего ребенка!

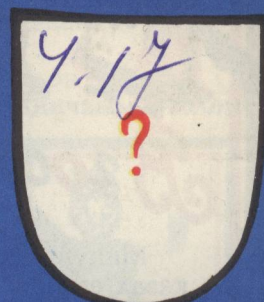
К этому рисунку придумайте подпись сами и пришлите мне.

Живживка.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ВИКТОРИНА

Какие флаги ГДР изображены здесь? Перерисуй карту и обозначь на ней города, символы которых ты видишь на нашей обложке. И еще: каков герб города Берлина?

БЕРЛИН

РОСТОК

ЛЕЙПЦИГ

НОЙБРАНДЕНБУРГ

ГЕРА

МАГДЕБУРГ

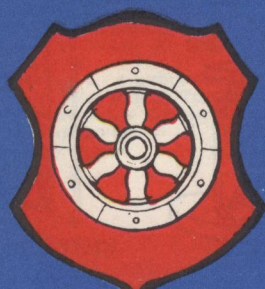
ШВЕРИН

КАРЛ-МАРКС-ШТАДТ

ДРЕЗДЕН

ЭРФУРТ

ФРАНКФУРТ

ГАЛЛЕ

ЗУЛЬ

КОТБУС

ПОТСДАМ